

ЛЕХАИМ N 3 (203)

**МАРТ
2009г.**

**АДАР
5769**

ИДЕИ ПУРИМА

Название праздника

При чтении Мегилат Эстер возникает несколько вопросов, и первый из них касается самого названия праздника Пурим. Согласно Мегилат Эстер, название праздника происходит от слова пур («жребий») и является его множественным числом. Слово пур – нееврейское, на иврите «жребий» – это гораль, и можно спросить, почему праздник не получил название на иврите с тем же смыслом, например горалот («жребии»)? Ведь все иные праздники имеют еврейские названия. Кроме того, название праздника должно быть связано с победой и спасением евреев от Амана, а название Пурим («жребии») указывает на противоположное этому, напоминая о жребии, который бросал Аман, чтобы погубить евреев.

Известно также, что во всей Мегилат Эстер ни одного раза не упоминается Имя Всевышнего. На иврите Свиток Эстер называется Мегилат Эстер. Имя «Эстер» созвучно слову гэстер («сокрытие»), и имеется в виду то, что Б-жественное присутствие скрыто в этом мире. А слово мегила созвучно слову гилуй («раскрытие», «обнаружение», «проявление»). В самом названии Свитка Эстер мы видим сочетание противоположностей: сокрытие и проявление, и то же можно сказать и о празднике Пурим. Он назван по нееврейскому слову, смысл которого имеет отношение к постановлению Амана об уничтожении евреев, и это указывает на связь праздника с сокрытием. Но с другой стороны, дни Пурима являются днями пиршества и неограниченного веселья, намного большего, чем в другие праздники.

Это станет понятным, если мы рассмотрим события, описанные в Мегилат Эстер. Когда Мордехай узнал о постановлении об истреблении евреев, он первым делом возложил на себя вретиче и пепел и так шел по городу. Он призвал всех евреев раскаяться и только после этого передал Эстер, чтобы та шла к царю просить за евреев. Эстер также, перед тем как пойти к царю, сначала передала Мордехаю, чтобы он собрал всех евреев и объявил трехдневный пост, и сообщила, что и она будет поститься. Отметим, что перед тем как войти к царю, Эстер должна была хорошо выглядеть, и кажется странным, что она решила поститься три дня, так как согласно естественному порядку вещей пост не способствует хорошему внешнему виду.

Объяснение этому таково: Мордехай и Эстер знали, что постановление об истреблении евреев было вынесено не из-за естественного хода событий, а из-за грехов нашего народа. И так как нельзя отменить следствие (постановление) все время, пока не отменена причина (плохие поступки), первыми действиями Мордехая и Эстер были призыв евреев к раскаянию и объявление поста. Раскаяться евреи должны были в первую очередь в том, что они пили и ели на пиру у Ахашвероша, и за это они должны были поститься. Когда благодаря их раскаянию была отменена эта подлинная причина указа Амана, Эстер пошла к Ахашверошу, чтобы евреи сделали что-то согласно естественному порядку вещей. Это было только внешней стороной, чтобы у спасения Свыше был естественный вид, но причиной происшедшего далее были раскаяние и пост.

Когда приходит беда, есть те, кто считает, что первым и основным действием должны быть усилия, приложенные в рамках естественного, но согласно тому, что мы учим из Мегилат Эстер, первым действием должно быть усиление нашей связи со

Всевышним посредством раскаяния, изучения Его Торы и исполнения Его заповедей. И только после этого нужно искать «природную оболочку» для спасения.

Можно выдвинуть довод, что этот принцип актуален только во время открытого проявления Творца, но во время сокрытия Б-жественного присутствия влияние на материальные аспекты передано по воле Всевышнего законам природы. На это можно ответить, что и во время чуда Пурима евреи были в изгнании, и это положение осталось и после чуда, но, несмотря на это, спасение пришло благодаря трехдневному посту – возвращению евреев ко Всевышнему.

И в этом смысл того, что праздник Пурим назван персидским словом, а в Мегилат Эстер не упомянуто Имя Создателя. Тот факт, что евреи не подвержены влиянию законов природы, относится не только к духовным аспектам или к их отношениям друг с другом, но и к отношениям евреев с неевреями. И тогда, когда еврей вынужден говорить с неевреем на персидском языке, и тогда, когда нееврей будет строить козни против него («бросать жребий»), и тогда, когда есть сокрытие Б-жественного присутствия, – еврей должен знать, что его судьбу определяет Тот, Который выше, чем законы природы. Когда еврей читает Мегилат Эстер, он понимает, что сокрытие не мешает проявлению Высшей святости, и это является причиной радости.

А то, что название праздника Пурим – слово во множественном числе, указывает на два «жребия»: жребий Амана и жребий евреев.

Суть греха евреев в дни Ахашвероша

Согласно мнению, приведенному в Талмуде (Мегила, 12а), евреям полагалась гибель за то, что они получали удовольствие от трапезы на пиру у злодея Ахашвероша. Если речь идет о том, что евреи ели пищу, которую им запрещено есть, то можно спросить: неужели этот грех настолько серьезен, что они должны были погибнуть из-за этого? Есть объяснение, что Ахашверош устроил пир в честь отмены работ по восстановлению Храма, и каждый, кто получал удовольствие от этого пира, показывал, что он рад разрушению Святилища. Но так как постановление Амана об уничтожении евреев относилось и к детям, можно спросить: в чем же их грех, ведь они настолько были малы, что не могли грешить?

Еврейский народ уподоблен «одной овце среди семидесяти волков», а Всевышний – «пастуху, который спасает и охраняет эту овцу». Само существование евреев среди других, зачастую откровенно враждебных народов, является чудом, выходящим за рамки естественных законов. Всевышний хранит евреев, но, когда они считаются только с силой и мощью других племен, они лишают себя чудесной охраны и ограничивают себя законами, действующими в том обществе, в котором живут. Поэтому то, что евреи получали удовольствие от трапезы Ахашвероша – и это привело к постановлению об их уничтожении, – было не столько наказанием за грех, сколько естественным результатом поведения евреев. Тот факт, что многие из них были довольны тем, что сам (!) Ахашверош пригласил их на трапезу, доказывает, что существование этого злодея было очень важно для них и участие в его трапезе было воспринято ими как честь для себя. Они приняли приглашение не по принуждению и не из страха перед наказанием. Так они отвергли чудесную охрану Всевышнего и перешли под власть естественных законов, противящихся самому факту существования «народа, живущего обособленно» (см. Бемидбар, 23:9).

**Пир Ахашвероша. Якопо дель Селлайо.
1490 год**

Евреи, которые живут под властью других народов, должны выполнять постановления своих правителей, и когда Ахашверош пригласил их на пир, они могли принять в нем участие при условии, что им будет подана кошерная еда и т. д. Но вместе с тем они должны были осознавать, что существование еврейского народа зависит не от Ахашвероша, а от Всевышнего и что само по себе оно является чудом. Евреи же участвовали в трапезе Ахашвероша не из-за того, что должны были подчиняться законам страны, в которой жили, а потому, что искренно считали: их существование зависит от царя-злодея, который противопоставлял себя воле Всевышнего.

Понимая, в чем был грех евреев, можно объяснить особенность чуда их спасения в дни Пурима. Это чудо отличается от чуда Хануки^[1], когда при спасении евреев произошли явные чудеса, несомненно выходящие за рамки законов природы, тогда как их спасение в дни Пурима выглядело как результат естественного хода вещей и открытых чудес не было явлено. Казалось бы, все соответствует логике событий: Эстер стала царицей, Мордехай сидел у царских ворот и спас царя от покушения, Эстер попросила царя об отмене указа и т. д. Чудо было скрытым из-за того, что евреи подчинились неким, по их разумению, законам, считая, что все зависит от Ахашвероша, отправились к нему на пир и даже получили от этого удовольствие. Но влияние Свыше не ограничено надприродным, сверхъестественным, чудо Пурима показывает нам, что чудеса могут быть облачены в законы природы. Но это чудо, казалось бы, не выходящее за рамки естественного хода вещей, является не меньшим, чем явные чудеса.

С одной стороны, на чудеса нельзя полагаться и нужно сделать все зависящее от человека, что согласуется с естественным ходом вещей, но вместе с тем надо осознавать, что все происходящее в физическом мире является только оболочкой, а на самом деле все сущее управляется Б-жественным Провидением. Эстер пошла к Ахашверошу просить за свой народ после поста, несмотря на то что он не способствовал тому, чтобы она хорошо выглядела, а это было важно для успеха ее миссии. Ошибка евреев заключалась в том, что они, получая удовольствие от трапезы на пиру у Ахашвероша, считали, что нужно жить согласно естественному ходу вещей, и верили, что все зависит от общественных и исторических законов. Эстер же доказала своим

поведением, что ее визит к Ахашверошу был всего лишь внешней канвой спасения, которое стало чудом, выходящим за рамки всех естественных законов. Поэтому, чтобы евреи стали его достойны, им в первую очередь нужны были пост и молитва.

Эта история учит нас тому, что, хотя евреи и должны быть заняты физическими аспектами своего существования, это не должно превратиться для них в самоцель, в источник удовольствия. Все эти занятия – лишь оболочка, а подлинную, не конъюнктурную радость еврею должно доставлять только то, что имеет отношение к его душе: изучение Торы и исполнение заповедей. Этому мы учимся, читая о событиях Пурима: именно тогда евреи осознали, что удовольствие от трапезы злодея Ахашвероша противоречит самому существованию еврейского народа, его истинной сущности. И благодаря этому они удостоились спасения и избавления.

Значение Пурима для нашего поколения

В Мишне, в трактате Мегила, сказано, что тот, кто читает по Мегилат Эстер сначала то, что написано позже, а потом то, что написано раньше, не исполняет заповедь о чтении свитка. Рабби Исраэль Бааль-Шем-Тов, основатель хасидизма, объясняет эти слова так: тот, кто читает свиток и считает, что то, о чем в нем рассказывается, произошло только в прошлом и не имеет отношения к настоящему, не исполняет заповедь о чтении свитка. Смысл чтения Свитка Эстер – учиться тому, как еврей должен поступать сейчас.

Какое же значение имеет чудо Пурима – событие, которое произошло в Персии около 2300 лет назад, – для нашего поколения?

События Пурима произошли, когда евреи были в изгнании, и после того, как свершилось чудо, евреи все еще оставались в порабощении. В Мегилат Эстер рассказывается – и мудрецы объясняют это более подробно, – что с материальной точки зрения персидское владычество не было тяжелым. Евреев пригласили на царскую трапезу, Мордахай был одним из высокопоставленных людей при царском дворе, да и еврейка Эстер стала царицей. И именно в это время злодей Аман решил истребить евреев. Откуда у него взялась смелость для этого?

Объяснение этому можно найти в словах Амана, сказанных им Ахашверошу, о том, что «есть один народ, рассеянный и разрозненный среди народов во всех областях твоего царства, и законы их отличны от законов всех народов...» (3:8). Аман понимал, что евреи – это один народ, даже если они рассеяны по всему миру. Всех евреев объединяет

то, что они ведут себя согласно законам, отличным от законов других народов, изучая Тору и исполняя заповеди, и тогда никакой народ не властен над ними. Но когда Аман пришел на пир к царю и увидел там евреев, которых никто не заставлял трапезничать насильно, он пришел к выводу, что евреи – народ не только рассеянный, но и разрозненный, разобщенный, и тогда осмелился издать указ об истреблении всего народа. До него никто из ненавистников Израиля не замышлял подобного, но зато его последователь появился в нашем поколении, более шестидесяти лет тому назад.

Собственно говоря, Мегилат Эстер – это история о том, как вели себя Мордехай, Эстер и все евреи Шушана после того, как вышел указ Амана. Мордехай не встал на колени и не пал ниц – он не допускал компромиссов в вопросах еврейства. Эстер рисковала жизнью, чтобы спасти свой народ. Евреи Шушана раскаялись и проявили мужество, находясь под угрозой уничтожения в течение почти целого года. Даже дети, которых обучал Мордехай, прониклись духом самопожертвования во имя Торы и еврейства. Так евреи стали единым народом, народом Торы, указ Амана потерял свою силу, а сыны Израиля удостоились Б-жественного спасения. Они перестали испытывать страх перед своими ненавистниками, а их врагов, наоборот, охватил ужас. Отказавшись поклоняться чужим богам и падать ниц перед властью, евреи демонстрировали свое еврейство, признали Тору, и тогда, как сказано, у них появились «свет, радость, веселье и почет» (там же, 8:16) не только на духовном уровне, но и на материальном.

Некоторые утверждают, что главным способом сохранения еврейского народа в диаспоре должна быть дипломатия, что необходимо полагаться на естественный ход событий, и в подтверждение этому они приводят тот факт, что Эстер ходила к Ахашверошу просить за евреев. Однако существование Израиля (в отличие от других народов мира) не подчинено подобной логике. Когда приходит беда, мы не должны уповать на дипломатию и ходатайство перед народами мира, не это является гарантией нашего существования. Наши мудрецы учат, что в тяжелые времена важен поступок каждого еврея, и спасение приходит тогда, когда мы исправляем то, что нуждается в исправлении, и тщательно соблюдаем заповеди Торы. Только тогда и помогают усилия, делать которые необходимо, связанные с естественным ходом событий. Мы должны изучать Тору и соблюдать заповеди, и тогда чудесное спасение, посланное Свыше, найдет свое выражение в материальном мире. И именно тогда дипломатические усилия принесут свои плоды.

Успех в изучении Торы также связан не с природными способностями, а с помощью Свыше, а она дается тем Б-гобоязненным евреям, которые проявляют настоящее усердие при изучении Закона. Когда отсутствует это главное качество, не помогут никакие способности, так как Тора – это мудрость Всевышнего.

Принятие Торы и единство еврейского народа в Пурим

В Пурим евреи приняли Тору осознанно и добровольно. С этим праздником связывают и единение евреев, названных Аманом «разобщенным народом». В дни Пурима была установлена очень важная заповедь: рассылать сладости и угощения друг другу и помогать бедным. Заповедь эта очень важна – она доказывает на деле единство всего народа, связь евреев друг с другом, независимо от их социального положения.

Принятие евреями Торы на горе Синай и в Пурим происходило при полном единодушии всего народа, все они были «как один человек». Но объединение еврейского народа в дни Пурима было сознательным выбором, сделанным в минуту опасности,

поэтому принятие еврейским народом Торы в Пурим произошло на более высоком духовном уровне, чем во времена принятия Торы на горе Синай.

Единство народа достигается тогда, когда каждый еврей искренне и без принуждения готов на самопожертвование ради Всевышнего. Это желание должно быть душевным порывом, оно выше в духовном смысле, чем знание или необходимость, и живет в душе каждого еврея. Именно в такие моменты нашей истории, когда евреи забывали о том, что все они разные, и объединялись в едином порыве служения Б-гу, – народ Израиля един.

Как достичь этого единства? Мудрецы учат, что существует два способа единения еврейского народа. В первом случае – при Откровении на горе Синай – в евреях была пробуждена любовь к Торе. Во втором случае – в дни Пурима, когда Б-жественное присутствие было скрыто, – евреи приняли Тору по собственной воле, абсолютно осознанно. И произошло это, несмотря на существовавшие между ними разногласия, – ведь были и такие, кто отправился на пир к Ахашверш и даже получил от трапезы удовольствие, и против них выступали единомышленники Мордехая. Однако в момент опасности для самого существования Израиля, в момент, когда появился указ Амана об истреблении всех евреев, никому не пришло в голову отказываться от веры отцов, хотя, казалось бы, это могло стать простейшим способом физического спасения.

Так как единство евреев в Пурим было достигнуто благодаря личной самоотверженности их самих, можно понять, почему заповеди Пурима выражаются в материальных вещах. Готовность к самопожертвованию и самоотверженность еврейских жителей Шушана проникли во все аспекты их жизни. Поэтому в Пурим существует обязанность устраивать пир и веселье. Так единение народа находит свое выражение в этом мире, объединяя «разобщенный народ» на материальном уровне.

Пурим и Йом Кипур

В каббалистической книге Тикуней Зоар говорится о том, что название Йом а-Кипурим^[2] означает, что этот день ки-Пурим, то есть «подобный Пуриму». Между Пуримом и Йом Кипуром есть нечто общее, и это – жребий. Праздник Пурим получил свое название от слова пур («жребий»), а в Йом Кипур в дни Храма по жребию выбирали, какой из двух козлов будет принесен в жертву, а какой отправлен в пустыню^[3].

Между Йом Кипуром и Пуримом есть также существенное различие. В Йом Кипур евреи должны изнурять себя, поститься, а в Пурим, наоборот, предписана обильная трапеза, следует посылать друг другу подарки и сладости и пить вино. В Йом Кипур еврей отстраняется от материального мира, тогда как в Пурим заповеданы пир и веселье и т. д. И в Йом Кипур, и в Пурим евреи должны отказаться от того привычного, что связано с самой природой их личности. В еврейском понимании это и есть самопожертвование. В Йом Кипур это происходит, когда человек отстраняется от всего материального, а в Пурим – как раз тогда, когда еврей занят делами, имеющими отношение к материальному миру. Соблюдение заповеди «напиться так, чтобы не отличать Амана от Мордехая» поднимает евреев на особый уровень радости, который превышает понимания и знания, уровень «упразднения личности». Еврей может добиться весельем того же результата, что и постом в Йом Кипур.

Испытанная в дни Пурима радость дает еврею силы на весь год, чтобы он ощущал ее не только в часы молитвы и изучения Торы, но и тогда, когда он занят своими земными делами.

Пурим и еврейские женщины

Чудо Пурима мы связываем с именем еврейской женщины Эстер, и свиток, который читают в эти дни, назван ее именем. Почему книга не получила название «Свиток Мордехая и Эстер»? Ведь Мордехай сыграл не менее важную роль в спасении евреев, более того, Эстер по большей части выполняла указания Мордехая?

Ответ на эти вопросы кроется в принципиальной разнице между мужчиной и женщиной. Мужчина обладает способностью оказывать влияние на окружающих, а женщины способны глубоко воспринимать действительность и события и чутко реагировать на них. Наши мудрецы в пуримской истории усматривали некую аналогию между мужчиной и женщиной – и Всевышним и еврейским народом.

В Пурим особо подчеркивается роль женщины (Эстер), так как чудо Пурима не снизошло с Небес на землю, а как бы состоялось «снизу вверх», оно было пробуждено усилиями людей, которые повторно приняли Тору, подтвердили ее принятие, не отказались от самопожертвования и сделали все это абсолютно добровольно.

Царица Эстер могла чувствовать себя в безопасности, учитывая свое высокое положение, и Мордехай, безусловно, был прав, когда сказал ей, что евреи могут спастись и другим образом. А если так, то зачем ей нужно было подвергать свою жизнь опасности ради других? Но Эстер не думала о себе, она самоотверженно начала бороться за спасение своего народа. Согласно указаниям Мордехая, Эстер использовала свое положение во благо Израиля и была готова отдать за него жизнь. Поэтому она удостоилась того, что свиток был назван ее именем.

И хотя ни одна женщина не может сравниться с Эстер, каждая еврейская девушка и женщина должны стать похожими на нее. Еврейским женщинам нашего поколения следует брать пример с царицы Эстер, пробуждая в еврейском народе желание к объединению и самопожертвованию ради сохранения народа. В наше время женщинам особенно важно не забывать о главной миссии хозяйки дома: о воспитании детей. Постановление Амана было отменено Всевышним, когда Мордехай собрал мальчиков и обучал их Торе, и они учились с огромным воодушевлением и безграничной любовью к Торе и заповедям и ни за что не хотели расставаться с праведником Мордехаем. Так во

всех поколений и на все времена основой существования нашего народа стало обучение детей Торе.

Чудесному спасению и избавлению в дни Пурима евреи обязаны Эстер. И произошло чудо Пурима, с одной стороны, благодаря тому, что она неукоснительно исполняла указания праведника Мордехая, а с другой – все свои силы направив на спасение народа, Эстер действовала самостоятельно и полагалась на собственную интуицию. История праздника Пурим учит нас тому, что еврейская женщина может и должна проявлять инициативу, более того, муж должен прислушиваться к мнению жены. Супруга, на которую возложено руководство еврейским домом, должна объяснить мужу, что главное в жизни еврея – это изучение Торы и исполнение заповедей, а все остальное – второстепенно, и требовать от него, чтобы он не шел на уступки ни в чем, что связано с Торой и заповедями, ради преходящего.

Пиршество и веселье в Пурим

Радость в Пурим должна быть больше, чем радость в праздники, которые упомянуты в Торе. Так, по словам мудрецов, еврей обязан напиться в Пурим до такой степени, чтобы не различать выражения «проклят Аман» и «благословен Мордехай»^[4]. В отличие от других заповедей Пурима, которые относятся к определенному времени (например, читать свиток положено один раз вечером и один раз утром), – заповедь о пиршестве^[5] и веселье должна выполняться на протяжении всего праздника.

Очевиден вопрос: почему еврей обязан напиться до такой степени, чтобы не различать выражения «проклят Аман» и «благословен Мордехай»?^[6] Один из ответов на этот вопрос гласит, что еврей не сможет в этом состоянии подсчитать гематрию (числовое значение букв) этих выражений, – дело в том, что их гематрия на иврите одинакова (502). Понятно, что выпивший человек вряд ли будет заниматься гематрией, но почему в Гемаре приводятся именно эти слова? Кроме того, одинаковое числовое значение букв указывает на что-то общее между ними. Что же общего у этих, казалось бы, противоположных по смыслу выражений?

Можно объяснить, что смысл «проклятия Аману» в том, чтобы евреи посредством своего служения Всевышнему превратили это проклятие в благословение Мордехаю, так как всегда нужно превращать плохое в хорошее. И тогда не будут видеть разницы между этими выражениями. Изменить «проклят Аман» на «благословен Мордехай» можно только с помощью такого служения Всевышнему, которое можно определить выражением «чтобы не различать». И здесь вновь речь идет об отказе еврея от своей природной сущности, об отказе от знаний и каких бы то ни было соображений ради более высокого и искреннего служения Всевышнему.

^[1] Ханука («освящение») – праздник, который начинается 25 кислева и длится восемь дней. Этот праздник был установлен после победы армии Йеуды Маккавея над греческими поработителями и их еврейскими союзниками. Освободив Храмовую гору, повстанцы очистили оскверненный греками жертвенник и возобновили служение в Храме. В талмудических источниках упоминается чудо с единственным неоскверненным сосудом масла, которого хватало на один день, но, после того как победившие повстанцы зажгли его, оно горело восемь дней. В каждый из восьми вечеров Хануки зажигают свечи, увеличивая их количество каждый день на одну.

^[2] Йом а-кипури («День искуплений»), или Йом Кипур («День искупления»), отмечается 10 тишрея. В этот день скрепляется печатью решение Небесного суда. Евреям предписано проводить его в посте и молитвах и запрещена любая созидательная работа.

^[3] См.: Ваикра, 16:1-22.

^[4] См.: Мегила, 7б.

^[5] Хотя время заповеданной трапезы – день, светлое время суток, вечером также надлежит устроить трапезу обильнее будничной.

^[6] Интересное объяснение слов мудрецов о том, что еврей обязан выпить в Пурим до такой степени, чтобы не видеть разницы между выражениями «проклят Аман» и «благословен Мордехай», приводит р. Меир Кахане (1932–1990) в своей книге «Свет идеи». Согласно его объяснению, вино должно привести людей в такое состояние, когда правильно воспринимают тот факт, что нет никакой разницы между благословением праведника и проклятием злодея. И благословение, и проклятие в равной степени существуют в этом мире и даже дополняют друг друга. Опьянение делает нас честнее, и Пурим – это день, когда сбрасывают с себя лицемерие и отключаются от лживой «праведности», выражающейся в нежелании осудить злодеев.

ИСПЫТАНИЯ ОТ Б-ГА ЧЕЛОВЕКУ ВО БЛАГО

Аиде Эацад

В последнее время в наших беседах часто звучит тема трудностей, которые приходится переживать по тому или иному поводу. Мы говорили о трудностях, с которыми столкнулись в связи с мировым финансовым и экономическим кризисом; о бедах, которые обрушились на наших братьев в Израиле в результате непрекращающихся террористических вылазок «Хамас» с территории сектора Газа... Люди спрашивают: в чем причина всех этих испытаний? Почему Б-г допускает, чтобы мы страдали?

Многие считают, что трудностями и испытаниями Б-г наказывает нас за плохое поведение. На самом деле правильное еврейское отношение к проблеме иное: Б-г дает нам испытания, чтобы мы могли измениться к лучшему. И тогда после периода бедствий наступает улучшение, а сами трудности становятся как бы трамплином для человека, дабы он мог подняться выше в материальном, физическом и духовном плане.

Любой врач объяснит, что боль – это не наказание. Если у человека болит – это значит, где-то что-то не в порядке, и внутренние силы организма мобилизуются, чтобы победить болезнь. Если есть повреждение, а боли нет – значит, организм не мобилизуется на борьбу, и человек может умереть.

Б-г – не милиционер, который штрафует нас, например, за нарушение правил движения. Он не хочет, чтобы нам стало плохо. Кстати, ведь и милиционер, когда штрафует нарушителя, делает это не со зла, а ради добра, чтобы пешеходы и водители соблюдали закон. Но милиционер не обязан нас любить. Между тем Б-г – наш Отец, Он любит нас по-настоящему, как детей Своих. Так что для Него наказание – тем более не цель, Он хочет, чтобы любимые дети стали лучше!

Но значит ли это, что дети должны быть избавлены от трудностей и испытаний? Подумайте, как вы сами воспитываете своих детей, вспомните, как вас воспитывали родители. Создать ребенку тепличные условия – это не самый правильный способ обеспечить ему хорошую жизнь. Чтобы вырасти сильным, чтобы уметь добиваться поставленных целей, чтобы получить правильные моральные представления – для достижения всего этого необходимо научиться преодолевать препятствия.

Есть хасидская притча о царе, у которого был неблагодарный сын. Отец давал ему все, чего тот ни потребует, даже предугадывал его самые трудноисполнимые желания – и ни слова благодарности в ответ. Подданные любили царя за то, что он о них заботился, а от родного сына он ни разу не услышал даже «спасибо». Что делать? Советник царя предложил: «Ты должен изгнать сына из дворца на три дня – пусть поживет обычной жизнью, столкнется с трудностями. Тогда он научится ценить добро». Царю тяжело было пойти на это, ведь он очень любил сына, но делать нечего: советник прав, если позволить сыну оставаться таким эгоистом, он станет плохим царем, и тогда всему государству придет конец. Царевича выставили за ворота, трое суток он голодал, спал где придется, вынужден был выполнять тяжелую работу за кусок хлеба – зато по истечении срока испытания, когда отец вновь ввел его во дворец, это был другой человек! Он осознал свои ошибки, стал платить добром за добро, заботиться о своих родителях и своем народе.

Иные скажут, что вот де царь наказал сына и тот исправился. Но то, что предложил советник и сделал царь, не было «наказанием» в привычном смысле этого слова. Цель здесь была не в том, чтобы показать царевичу: вот он плохой и ему за это тоже сделали плохо. Царевич не был «плохим» – он просто не использовал свой потенциал добра. Чтобы позволить ему раскрыть свою душу, проявить свои силы, надо было подвергнуть его испытаниям, поставить перед лицом жизненных трудностей.

Именно для того, чтобы каждый из нас мог в полной мере реализовать свой позитивный потенциал, существуют трудности, которые нам посылает Г-сподь. Его действия можно сравнить с поведением хорошего тренера. Спортсмен, даже с самыми лучшими физическими данными, никогда не установит рекорда, если тренер работает с ним, что называется, «в шадящем режиме». Хороший тренер – это именно тот, кто подвергает своего подопечного экстремальным нагрузкам, позволяющим проявиться всем талантам спортсмена.

Но хороший тренер никогда не даст спортсмену нагрузку, которая тому не по плечу. Подвергнуть тяжелому испытанию необходимо, но подвергнуть испытанию непосильному – этого настоящий тренер никогда не сделает, потому что знает, что так можно только загубить растущий талант, подорвать в нем веру в победу. И точно так же поступает Б-г! Мы, евреи, знаем и верим в то, что Б-г никогда не подвергнет человека испытанию, которое тот не способен выдержать.

В известном анекдоте говорится, что однажды Б-г призвал священника, муфтия и раввина и сказал им: «Ваша паства совсем испортилась – не могут жить в мире, все время грешат. Мое терпение иссякло. Я обрушу на землю новый потоп через три дня!» Священник тут же собрал людей в церкви, приказал им молиться и совершать добрые дела, чтобы после потопа попасть в рай. Муфтий тоже собрал мусульман в мечети, призвал к молитве и покаянию. А раввин обратился к евреям в синагоге так: «Вы доигрались – Б-г решил устроить новый потоп. Вам осталось три дня, чтобы научиться дышать под водой».

Здесь в шуточной форме высказана очень глубокая мысль о еврейском подходе к испытаниям, которые нам приходится преодолевать. Можно сказать так: Б-г меня наказывает, потому что я плохой. Однако верующий еврей скажет: Б-г хочет, чтобы я использовал всего себя – все силы, всю душу, весь свой потенциал, – чтобы преодолеть поставленное Им препятствие и добиться победы!

А чтобы добиться победы, необходима очень важная вещь – вера. Вера спортсмена в то, что тренер работает с ним правильно. Вера ребенка в то, что советы родителей ему во благо. Вера каждого человека в то, что наш общий Отец и Создатель нас любит и желает нам добра. А значит, поможет победить, если мы будем следовать Его указаниям.

Пословица говорит: «Надежда умирает последней». Добавим к этому: вера не умирает вообще никогда.

ЧУДО ПУРИМА

Àäëí Øòáéí çàëüü

Мегилат Эстер выделяется из книг Танаха тем, что в ней ни разу не упомянуто ни одно из Имен Всевышнего. (В «Шир а-ширим» на первый взгляд Имена Творца тоже не встречаются, но, поскольку вся она – притча, аллегория, мудрецы объясняют, что даже имя «Шломо», образованное от корня шин-ламед-мэм – «цельность», «мир», в этой книге Писаний имеет двойной смысл и может быть прочитано как Имя Всевышнего.) Одно из объяснений заключается в следующем: Мегилат Эстер имеет форму летописи, и читателями ее могли стать как евреи, так и представители других народов, – на это есть намек в конце текста, где говорится о том, что Эстер разослала послание во все концы империи (9:29-32). Во многих местах книги имеются свидетельства о том, что свиток появился в придворных кругах во время расцвета Персидской империи, простиравшейся от реки Инд до Египта и Греции, в правление царя Ахашвероша.

Автор (авторы?), несмотря на свое высокое положение и демонстративную лояльность царю, безусловно осознавая, что находится под неусыпным наблюдением, и потому тщательно обходя все темы, которыми могла быть недовольна цензура, тем не менее ни разу не попытался приукрасить образ владыки. Устное предание рисует Ахашвероша человеком грубым и неумным^[1], и в тексте Мегилат Эстер он предстает отнюдь не более привлекательным: царь сластолюбив и похотлив, ревнив и недалек. И все же автор не пытается внушить читателю сомнение в величии правителя – наоборот, сцены царского великолепия открывают и завершают Мегилат Эстер. Ахашверош, несмотря на все его недостатки, предстает в ней человеком, уважающим закон и способным, допустив ошибку и осознав это, исправить ее.

Отсутствие в Мегилат Эстер Имен Всевышнего, объясненное выше историчностью повествования, может быть понято и как намек на неявность происшедшего чуда. Книга необыкновенно хорошо написана, изложение событий последовательно, все части мозаики занимают свое место, и на все возникающие вопросы может быть дан четкий и ясный ответ. Это очень логичный рассказ с напряженной фабулой, в котором на первый взгляд нет и намека на сверхъестественную природу происходящего.

Сюжет, однако, содержит в себе и много загадок. Почему, скажем, царь наделял почти неограниченной властью кого-то, кроме себя, – сначала Амана, потом Мордехая? Объяснить это можно так: деспот, правивший Персидской империей, даже в моменты трезвости и вдали от своих страстей не мог в одиночку удержать бразды правления огромным государством. Поэтому он назначал сановников, которым разрешал подписывать от его имени практически любые документы.

Эти ставленники, обладая колоссальным влиянием, были, несомненно, более опасны для царя, чем кто-либо другой. Один из способов свести риск к минимуму заключался в том, чтобы время от времени менять таких людей. Другой способ, которым и воспользовался Ахашверош, состоял в назначении на такие посты иноземцев – чужаков для знати, не имевших поддержки в народе. Этим людям царь мог доверять: им было намного сложнее узурпировать власть. Если такой человек преуспевал в чем-либо, это считалось заслугой владыки, если же терпел неудачу – вина целиком возлагалась на него.

Таким образом, агагеец Аман – как, впрочем, и еврей Мордехай – получил свой важный пост благодаря тому, что был чужаком и в социальном плане ничего собой не представлял, – и действительно, когда его вели на казнь, никто не протестовал.

В истории жизни Йосефа в Египте (см. Берешит, 41-50) мы находим применение того же способа удержания контроля над властью. Став первым лицом в стране после фараона, Йосеф не только реформировал египетскую экономику, осуществив централизацию государства, но и обратил всех египтян в рабов. Именно потому, что подобный шаг представлял двойную угрозу для владыки – во-первых, он наверняка вызвал недовольство народа, во-вторых, ставленник обретал слишком большую власть, – фараон и поручил «грязную» работу Йосефу, презренному иноземцу, бывшему рабу.

Еще одна загадка: почему Мордехай, дядя и наставник Эстер, дал ей необычное повеление «не рассказывать ни о народе своем, ни о своем происхождении» (2:10)? Это странно по нескольким причинам: если некоторая доля таинственности при знакомстве мужчины и женщины интригует, то идея женитьбы на безродной малопривлекательна, тем более для царя. Кроме того, скрывая свое происхождение, Эстер многое теряла: ведь, как указано в Талмуде, ей было легко доказать свою принадлежность к царскому роду – она была из рода Шауля (Саула).

Причиной такого повеления Мордехая, скорее всего, было то, что он задумал использовать Эстер в качестве «внедренного агента». Мордехай был придворным Ахашвероша и принадлежал и в этом качестве, и как глава еврейской общины страны к верхушке персидской аристократии. Ведя политическую игру, он делал многоходовые расчеты, готовясь к возможным изменениям ситуации. Если принять эту версию, на долю Эстер отнюдь не случайно выпала роль спасительницы, что видно из слов Мордехая: «...и кто знает, не для этой ли поры ты достигла царского достоинства» (4:14).

Еще одна загадка сюжета: почему даже после разоблачения и казни Амана Эстер пришлось в слезах молить царя спасти евреев? И в этом случае все объясняется просто.

Ахашверош оказался в ловушке. Он не может отменить указ Амана, потому что «написанное от имени царя и скрепленное царской печатью не может быть отменено» (8:8). Повеление царя имеет абсолютную силу, ибо обожествленный владыка никогда не ошибается. Поэтому был издан еще один царский указ – если первый поставил евреев вне закона и установил дату погрома, то второй позволял им обороняться.

Как и во все времена, при погромах население прекрасно знало, что власти не станут вмешиваться в происходящее. Когда правил Аман, было очевидно, что всех евреев ждет уничтожение; когда же Мордехай занял его место, убивать евреев стало менее безопасно. И все же евреям пришлось именно обороняться, ибо силу имели оба царских указа.

Поступки Эстер логичны и последовательны. В необыкновенно опасной игре, которую она с риском для жизни вела с царем и Аманом, ей удалось убедить владыку в том, что влияние первого министра, наиболее значительного человека во всем государстве после самого царя, возросло и стало опасным для последнего. Ахашверошу хватило ума и подозрительности, чтобы почувствовать себя неудобно на пиру у супруги (а то, что он нашел Амана у ног Эстер, стало лишь каплей, переполнившей чашу).

Аман, со своей стороны, совершил двойную ошибку. Во-первых, он попросил царя повесить человека, сделавшего тому добро (на этом этапе повествования Ахашверош уже успел убедиться в преданности Мордехая; см. 2:21-23 и 6:1-3). Второй ошибкой Амана был его ответ владыке, спросившему, как бы первый министр предложил отметить человека, «которому царь хочет оказать почет» (6:6-9). Согласно общепринятому в те времена правилу, никто, кроме самого царя, не может ездить на его конях, и после смерти правителя их убивают или калечат. В такой стране, как Персия, где властитель считался богом, предложение Амана облачить фаворита в одежды Ахашвероша и верхом на царском коне провести по улицам города было неслыханно дерзким. Эти слова министра укрепили подозрения царя и ускорили падение второго человека в империи.

Еще один аспект истории Пурима, один из тех, что делают столь актуальным ежегодное чтение Мегилат Эстер в этот праздник, – антисемитская аргументация Амана, ставшая образцом для его последователей в следующих поколениях.

До Амана антисемитизма не было. Немногим известно, что на протяжении длительных периодов в истории народа Израиля многие евреи зарабатывали на жизнь как наемные воины, служа в армиях других народов. Хотя евреи никогда не отличались кровожадностью, они воевали, и многие общины в диаспоре представляли собой колонии бывших ратников. Но, несмотря на то, что евреи почти беспрестанно сражались в чужих войнах, антисемитизма не было, потому что причины этих войн были экономическими или политическими. Даже разрушение Храма не было актом, направленным против иудеев как таковых, скорее это было действие, совершенное огромной империей против маленького царства, стоявшего на ее пути. В вавилонском изгнании евреи также встретили радушный прием. Таким образом, первым историческим свидетельством антисемитизма является Мегилат Эстер.

В чем причина юдофобии Амана? Поводом, несомненно, послужила его ненависть к Мордехая. Но почему он не мог удовлетвориться местью лишь тому, кого ненавидел? Зачем ему понадобилось уничтожить «всех иудеев во всем царстве Ахашвероша» (3:6)? Ответ на этот вопрос может быть один: само существование евреев вызывало у него животную иррациональную злобу. Аман не пытался найти ни теологическое оправдание этому чувству, как это делают христиане, ни какое-либо другое объяснение – он просто ненавидел евреев. Это антисемитизм в чистом виде, подобный дистилляту, полученному в лаборатории.

Первый образец антисемитской риторики, обращение Амана к Ахашверошу, содержит все ставшие впоследствии классическими «обличения» евреев (см. 3:8). Были соблюдены и все три условия, необходимые для того, чтобы антисемиты взяли в руки топоры: а) наличие идеолога; б) ненависть к евреям; в) бездушный правитель, который если не сам инициирует погромы, то и не останавливает их. Так случилось во времена Эстер, и так бывало не раз на протяжении столетий.

Несмотря на уже отмеченную выше строгую историчность книги и отсутствие пафоса, вся она наполнена Б-жественным присутствием, хотя Имя Творца не встречается в ней ни разу. Упоминаются молитва, пост, вера в избавление, но слова «чудо» там не найти. Это резко контрастирует с остальными книгами Танаха, на страницах которых – множество свидетельств о сверхъестественных событиях.

В чем же тогда чудо Пурима, который мы празднуем на протяжении двух с половиной тысячелетий? Наверное, прежде чем задать этот вопрос, нужно выяснить, что такое чудо вообще, как разглядеть его в обыденном.

Чудо обычно определяют как сверхъестественное событие, но на самом деле оно вполне может и не быть таковым. Эти два понятия могут пересекаться, но они абсолютно не тождественны. Можно сказать, что сверхъестественное – это то, что не может быть объяснено в соответствии с законами природы, в то время как чудо – это и судьбоносный в своей совокупности ряд событий, независимо от того, произошли они в рамках этих законов или вне их. Событие становится чудесным в нашем восприятии в силу его значимости, а какие причины сделали его возможным – естественные или сверхъестественные – не суть важно; если Всевышнему все равно, каким образом будет происходить чудо, то нам – тем более. Важно, что произошло, а не как.

Эта концепция отличается от расхожего представления о чуде – ведь даже событие, происшедшее совершенно естественным образом, может стать таковым. Благословение А-гомель, к примеру, мы произносим при избавлении от опасности, в частности после выздоровления. Благодарность, приносимая Творцу в этом случае, отнюдь не означает, что излечение было сверхъестественным явлением, но лишь подчеркивает его значение.

Более того, когда мы привыкаем к чуду, наше отношение к нему неизбежно теряет первоначальную силу и трепетность. Например, падение мана с неба (манны небесной) было, несомненно, чудом, но за сорок лет скитаний по пустыне евреи привыкли к нему. Когда Хава (Ева) родила Каина, она пробормотала в трепете: «Создала я человека вместе с Б-гом» (Берешит, 4:1). Сегодня рождение ребенка – не меньшее чудо, но, поскольку это стало частым явлением, оно воспринимается как должное. В конце XVIII века месмеризм был новостью, и все считали его сверхъестественным. В XIX веке, когда люди стремились дать греческие названия всем явлениям, а потом благополучно о них забывали, месмеризм был назван «гипнозом», и, хотя это не сделало его понятней, он перестал кого-либо интересовать. Став привычным, он более не был чудом.

В еврейском молитвеннике, сидуре, мы находим большое число благословений, многие из которых произносятся в связи с будничными, обыденными действиями, такими, как утреннее пробуждение, возможность ходить, видеть и т. д. Для чего это нужно? Потому, что человек склонен забывать о важности рутинных, часто повторяющихся событий. Они, несомненно, важны для нас, однако мы вспоминаем об этом только тогда, когда припечет. Если у человека болит нога и ему трудно ходить, он осознает важность благословения «...который направляет шаги человека». Эпическая поэма, написанная классиком польской литературы Адамом Мицкевичем, начинается словами: «О, родина, ты, как здоровье: лишь тот, кто лишен его, знает, что это такое».

Зачастую, лишь столкнувшись с чем-то из ряда вон выходящим, мы осознаем важность повседневного, к нам возвращается способность видеть чудо в обычных, рутинных явлениях. Необходим шок, чтобы для нас стала очевидной истинная ценность обыденного.

Подведем итог. Можно ощутить присутствие Б-га в мире, став свидетелем чего-либо сверхъестественного, а можно увидеть Его в привычном. Природа – это псевдоним Всевышнего. Не всегда Творец подписывается Именем.

Ш Мудрым Ахашверош выглядит, кажется, только в интерпретации, которую дает тексту Мальбим в своем знаменитом комментарии к Танаху.

ПУРИМ: ПИТЬ ИЛИ НЕ ПИТЬ?

אָמײַע װײַן

Как известно, в праздник Пурим каждый еврей должен выполнить четыре заповеди: послушать чтение Книги Эстер, дать пожертвование беднякам, послать продуктовую посылку хотя бы двум другим евреям и устроить праздничную трапезу.

На иврите слово «трапеза» («миште») происходит от глагола «лиштот» – «пить», «выпивать». И действительно, традиционная пуриимская трапеза сопровождается обильными возлияниями. Пьют при этом все: стар и млад, знатоки Торы и неучи. Даже те, кто в другие дни не прикасается к вину и даже в субботу предпочитает делать кидуш с виноградным соком, в Пурим отдают дань крепким напиткам.

Об обычае напиваться на Пурим вспоминали многие мемуаристы, писавшие о традиционном еврействе Восточной Европы. К примеру, Полина (Песя) Венгерова, выросшая в Бресте в первой половине XIX века, вспоминала: «Особое внимание в этот вечер уделялось напиткам, что вообще-то отнюдь не было принято в нашем доме. Мне даже казалось, что если кто-то на Пурим выпивал лишнего, отец смотрел на это как на доброе и Б-гоугодное дело»^[1].

Обычай напиваться на Пурим не может не вызвать удивление, поскольку известно, что с библейских времен евреи относились к пьянству весьма отрицательно. Осуждение неумеренности в питье мы находим уже в Торе – в историях о Ноахе и Лоте (Берешит, 9 и 19). Решительно осуждается пьянство и в книге Мишлей: «Не заглядывайся на вино – как красиво оно алеет: тому, кто остановит свой взгляд на содержимом бокала, всякий порочный путь покажется прямым. То, что в конце его ожидает, – словно укус змеи и жало гадюки. Глаза твои засмотрятся на чужих жен, а сердцу своему будешь твердить бестолковщину» (23:31-33).

Резкие высказывания против пьянства мы находим и в Талмуде. Разумеется, мудрецы никогда не были сторонниками сухого закона и даже считали полное воздержание от вина грехом, поскольку человек не должен лишать себя никаких разрешенных удовольствий (Вавилонский Талмуд, Недарим, 10а). Однако излишнее употребление спиртных напитков вызывало у них решительное осуждение. По словам

мудрецов, опьянение нередко приводит к запрещенным сексуальным связям и другим грехам. Поэтому тот, кто воздерживается от вина, чтобы по ошибке не согрешить, достоин всех благословений, которые произносят коены, благословляющие народ (Вавилонский Талмуд, Ктубот, 65а; Бемидбар раба, 11:1).

В Торе рассказано, как сыновья Аарона, Надав и Авигу, «...воскурили пред Г-сподом чуждый огонь, какого Он не велел им. И вышел огонь от Г-спода, и пожрал их, и умерли они пред Г-сподом» (Ваикра, 10:1, 2). По одному из мнений мудрецов, они были наказаны столь сурово, поскольку осмелились приблизиться к жертвеннику в подпитии (Ваикра раба, 20:9)^[2].

И тем не менее именно в Талмуде мы находим историю, лежащую в основе обычая пуримского пьянства: «Сказал Рава: “Человек обязан опьянеть в Пурим до такой степени, чтобы не отличать „проклят Аман!“ от „благословен Мордехай!“» Раба и рав Зейра устроили совместно пуримскую трапезу. Опьянели. Встал Раба и зарезал рава Зейру. Назавтра, [протрезвев], он попросил [Всеvyšнего] о милосердии – и вернул его к жизни. В следующем году сказал он ему [Раба – раву Зейре]: “Приходи, уважаемый, и мы устроим совместно пуримскую трапезу!” Ответил ему тот: “Не во всякий час свершается чудо”» (Вавилонский Талмуд, Мегила, 7б).

Почему Рава считал, что в Пурим непременно нужно выпить? Ведь нельзя же всерьез предположить, будто это связано с тем, что сам он был виноторговцем, да и любил вино (Вавилонский Талмуд, Брахот, 56а, Псахим, 107б). Раввин Давид Абударгам (Севиля, XIV век) предложил такое объяснение: по его мнению, мудрецы требовали напиваться в Пурим, поскольку все важнейшие события Книги Эстер – низложение Вашти, свержение Амана и т. д. – произошли во время возлияний (Сефер Абударгам, с. 209, 210).

Как бы то ни было, в каждом поколении, и тем более в наши дни, всегда были евреи, понимавшие слова Рава буквально и действительно напивавшиеся в Пурим до «неспособности отличить Амана от Мордехая» – или, говоря привычным языком, в стельку.

Заповедь напиться в Пурим мы находим у Рамбама; он писал: «Каковы законы пуримской трапезы? Следует есть мясо и пить вино, пока не уснешь пьяным» (Мишне Тора, Законы чтения Мегилы, 2:15). Подобное мнение приведено и в кодексе Шульхан арух. Однако рав Моше Исерлес (Рама, Польша, XVI век) добавил к этому следующий комментарий: «А иные полагают, что не следует напиваться, но нужно лишь выпить больше, чем обычно».

Еще больше вопросов вызывает история об убийстве и чудесном воскрешении рава Зейры. Чему эта история должна научить нас? Во все века были раввины, резко осуждавшие пуримское пьянство и пытавшиеся ввести этот обычай в разумные рамки. Назовем лишь некоторых из них.

Рав Эфраим (Северная Африка, XI век) полагал, что история про убийство и воскрешение рава Зейры призвана «нейтрализовать» слова Рава. Соответственно, не следует напиваться в Пурим. Рав Александр а-коен Зуслин (Германия, XIV век) подметил, что ивритские буквы, образующие выражения «проклят Аман» и «благословен Мордехай», имеют одинаковое числовое значение – гематрию – 502. По его мнению, требование Рава напиться ограничено способностью пьющего сосчитать гематрию. Так что искомая степень опьянения значительно ниже той, которая нужна для достижения

бессознательного состояния. Рав Йосеф Хавива (Испания, XV век) писал, что для выполнения этой заповеди достаточно дойти до того состояния, когда человек начинает говорить глупости. Рав Нетанэль Вейль (Германия, XVIII век) считал, что «до тех пор» означает «меньше, чем», ибо в противном случае человек напьется «до состояния Лота». Рав Аарон из Люнеля (Прованс, XIV век) поясняет: «следует пить больше, чем обычно, чтобы устроить большой праздник и сделать бедняку большой праздник, тем самым утешив его... и в этом заключается истинная радость» (пожалуй, это самая оригинальная трактовка заповеди напиваться – как «инструмента» для выполнения другой заповеди – «подарки бедным»). Наконец, Менахем Меири (Прованс, XIV век) писал: «В любом случае мы не обязаны напиваться... и должны не дебоширить и творить глупости, но чистосердечно радоваться, в любви ко Всевышнему и с благодарностью за чудеса, которые Он совершил для нас».

Поскольку алкогольные напитки продаются лишь совершеннолетним, было бы странно учить взрослых людей тому, как и сколько им пить. Однако следует помнить, что современный религиозный еврей невольно находится в состоянии постоянной проверки, когда по его поступкам судят об иудаизме и обо всех религиозных евреях в целом. Так что пьяные выходки легко могут привести к «осквернению Имени Всевышнего», особенно в России, где евреи традиционно относятся к пьяным и пьянству весьма отрицательно. Разумеется, не нужно перегибать палку и устраивать «безалкогольный Пурим». В конце концов, для этого праздника существует заповедь радоваться и веселиться, а, как сказано в Талмуде, «нет радости без вина и мяса» (Вавилонский Талмуд, Псахим, 109а).

Согласно известному мидрашу, когда Ноах разбил первый виноградник, ангел-губитель зарезал там ягненка, льва, свинью и обезьяну. Поэтому, когда человек выпьет первую чашу, он становится кротким как ягненок. После второй – смелым как лев. После третьей – валяется в грязи как свинья. А после четвертой – теряет человеческий облик и уподобляется обезьяне (Танхума, Ноах, 13). Шульхан арух начинается словами из трактата Авот: «Будь... могуч, как лев, исполняя желание Отца твоего, Который на Небесах». Эти слова стоит помнить, когда мы сидим за пуримской чашей. И пить так, чтобы быть как лев, а не как свинья или обезьяна.

А если кто-то боится, что тем самым он нарушит обычай, сложившийся в его общине, ему стоит вспомнить слова другого выдающегося раввина, рава Моше Исерлеса: «Неважно, много выпьет человек или мало, важно, чтобы его намерения были во имя Небес».

39. ^[1] П. Венгерова. Воспоминания бабушки. Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2003. С.

^[2] Ваикра раба, 20:9.

«ПОКА НЕ ПЕРЕСТАНЕШЬ РАЗЛИЧАТЬ...»

Ёоау Аёлїад

Люди пьют спиртное с разными целями. Есть те, кто пытается таким образом уйти от забот, и те, кто хочет поднять настроение, те, кто иначе уже не может, и те, кто получает удовольствие от вкуса благородного напитка. Но только евреи пьют (и даже напиваются допьяна) с религиозной целью. Правда, нечасто – раз в год. Многие пьют с трудом, я бы даже сказал, с отвращением. Сосредоточенно вливая в себя стакан за стаканом, они выполняют заповедь напиться так, чтобы благородный праведник Мордехай стал неотличим от подлого Амана. Грамотные уже догадались, что речь идет о празднике Пурим и об одном из самых экзотических законов иудаизма: предписанном пьянстве во время праздничной трапезы в этот день.

Обычно не позволяющий себе лишку благочестивый еврей обязан довести себя до такого состояния, когда его разум перестает служить критерием истины. Я называю этот закон экзотическим не только потому, что пьяный еврей до сих пор (слава Б-гу) редкое зрелище, но и по той причине, что интеллект всегда высоко ценился в традиционном еврейском обществе; юродивые и блаженные почетом не пользовались, а дурак не становился героем фольклора. Одно из отличий иудаизма от иных религий заключается в обязательном, заповеданном использовании ума для изучения Торы и постижения Творца. А тут вот, право слово, взять – и напиться... Неудивительно, что этот закон вызывает недоумение, а зачастую и ханжескую критику со стороны.

Тем не менее для удивления и тем более для критики нет причины: все сущее в этом мире целесообразно лишь тогда, когда занимает свое, положенное ему место. В том числе и разум. Выступая в качестве главного инструмента постижения мира, он является мерилем оценки необозримого множества событий и явлений, нас окружающих. Особого выбора у нас нет, других возможностей для этого нам не дано. Однако, при всем уважении к собственным и чужим мозгам, нам ли не признать, что этот инструмент часто дает сбой и те оценки, которые он выставляет людям и событиям, а также их уместности и «хорошести», грешат пристрастностью и зависят от множества субъективных факторов!

Я отнюдь не призываю отказаться от единственного доступного нам способа познания, но, тем не менее, как хорошо, что хотя бы раз в году еврей демонстрирует признание своей ограниченности в постижении ценности явлений и силы ума! Сколь

многим из нас, уверенным, что уж они-то понимают, что почем, как надо относиться к ближним и дальним, не хватает усвоения этого урока Пурима – признания узости своих возможностей и превосходства промысла Создателя над логикой творений.

А уж если человек дошел до понимания всего вышесказанного, воспарив над самим собой и признав, что все сотворенное разумно и служит единой цели, неужто он не может позволить себе пропустить стаканчик-другой?!

ЮМОР В ТАЛМУДЕ

Юрий Голдес

Талмуд, по определению четырехтомного «Словаря русского языка», – «собрание догматических религиозно-этических и правовых положений иудаизма». «Талмудизм» – «схоластические рассуждения»; отсюда выражение поэта, «бывшего и остающегося лучшим поэтом нашей (то есть сталинской) эпохи»: «талмудисты (в смысле схоласты) поэзии». И, с легкой руки «величайшего в мире специалиста по языкознанию», в свое время был запущен в обращение типично советский штамп, отличающийся характерной для этого «гения» и его наследников тавтологической избыточностью [1]: «талмудист и начетчик». То есть, согласно «Толковому словарю языка Совдепии» [2], «человек, много читавший, но усвоивший прочитанное некритически, формально».

Нелегко отделаться от штампов. Поэтому и теперь нередко слышишь: «Тогда он (бухгалтер, например) заглянул в свои талмуды...» – то есть в огромные и толстые книги (или папки, кляссеры), разобраться в которых постороннему не дано.

У еврея, следующего указаниям Торы, отношение к Талмуду, разумеется, совершенно иное. Прежде всего, благоговейно-почтительное: ведь Талмуд – это гигантский кодекс Устной Торы, вмещающий если не всю, то, во всяком случае, очень значительную ее часть, а вся Тора в целом – и Письменная, и Устная – это Слово, сообщенное нам, евреям, Творцом Вселенной. Существенный фактор, формирующий отношение к Талмуду, – трудность его изучения. И дело не только в том, что он написан весьма своеобразно: это смесь иврита и арамейского языка, да еще с вкраплением греческих, латинских и даже персидских слов, причем зачастую ивритизированных или арамеизированных. Сама форма изложения крайне затрудняет постижение Талмуда.

Талмуд – не учебник, хотя в нем содержатся все законы, регулирующие и жизнь еврея, и его служение Всевышнему. Найти там какое-то конкретное указание весьма

затруднительно: одна и та же проблема обсуждается в нескольких (а иногда – во многих) местах, и даже не в одном трактате, а в разных; при этом в процессе обсуждения нередко делаются выводы, вовсе не соответствующие закону. Чтобы узнать, какой из выводов окончателен, необходимо мысленно соединить все места, где обсуждается данный вопрос, и представить их себе как единое целое. Поэтому тот, кто изучает Талмуд, должен помнить все, что было сказано ранее, в какой связи и кем именно. Из отдельных высказываний каждого из мудрецов Талмуда, собираемых из различных трактатов, постепенно вырисовывается система взглядов, которой он придерживается, и выявляется масса внутренних связей, пронизывающих все это гигантское творение и скрепляющих его воедино. Талмуд – не статичная, откristаллизовавшаяся структура, но динамичное целое. В частном случае еврей, изучающий Талмуд, словно выводит каждый из законов Торы заново; в общем плане – априорная открытость Талмуда обеспечивает ему вечную жизнь, не позволяя превратиться в окаменелость, в музейный экспонат. Благодаря присущей Талмуду по самой его природе процессуальности, каждая эпоха находит в нем разрешение любых новых проблем, порожденных временем.

Из сказанного ясно, почему знаток Талмуда всегда вызывал и вызывает глубокое уважение, а люди (их не так уж много), изучившие весь Талмуд, считаются элитой.

Тем не менее Талмуд, в сущности, очень веселая книга. Мудрецы еврейского народа, написавшие Талмуд, не были ни памятниками собственному величию, ни одеревеневшими чинушами, ни занудными моралистами. Они весьма ценили остроумие, удачный парадокс, меткое выражение и, наконец, просто шутку. Величайшие мудрецы Талмуда – Рава, Раба и Абайе, рав Йосеф и особенно рав Папа^[3] – с явным удовольствием цитируют народные пословицы, иногда чересчур фривольные. Так, в связи с обсуждением увеличения размеров жертвенника в Иерусалимском храме по сравнению с теми, которые были в Мишкане, Гемара приводит народную поговорку: «Когда любовь наша была горяча, мы могли лежать на лезвии меча, а теперь нам тесно на кровати в десять локтей шириной» (Сангедрин, 7а). А бесславный конец Бильама рав Зутра бар Тувья от имени Рава иллюстрирует поговоркой: «Пошел верблюд просить себе рога – у него отрезали даже уши» (Сангедрин, 10ба).

Правда, во всем этом никогда не было ни тени пустословия, ни зубоскальства. «Язык мудрецов – благословение, язык мудрецов – богатство, язык мудрецов – исцеление», – не раз повторяет Талмуд (см., например, Ктубот, 103а). «Даже будничная беседа мудреца Торы требует изучения» (Авода зара, 19б) – потому что, как объясняет ребе Раяц (Маамар Леха доди, 5689, п. 2 [Маамарим кунтресим, т. 2. с. 40])^[4], «у того, кто более велик, и будничные беседы на ступени более высокой, так как возможно выучить из них множество замечательных и чудесных вещей». И мы хотим привести несколько образцов довольно неожиданного подхода наших мудрецов к серьезным проблемам, когда каждая искра юмора оказывается в строжайшем соответствии с положениями Закона.

* * *

Весь трактат Йома посвящен темам, связанным с Йом Кипуром, и в его шестой главе говорится о том, как во времена Храма отводили в пустыню «козла отпущения». И вот ученики рабби Элизера спросили его, как следует поступить, если возникнут помехи, мешающие исполнить эту заповедь (Йома, 66б):

– Что делать, если козел по дороге заболел? Может ли нарочный взвалить его себе на плечи?

Ответил рабби Элиэзер:

– Он может посадить на себя верхом и меня, и вас.

– А если заболел нарочный? Может ли он послать с козлом другого человека?

– Лишь бы мы с вами были здоровы! – ответил рабби Элиэзер.

– Столкнул козла со скалы, но тот не погиб, – что, если нарочный спустится за ним и добьет его?

– «Так да погибнут все враги Твои, Г-сподь!» (Шофтим, 5:31) – был ответ.

Талмуд поясняет, что рабби Элиэзер вовсе не дурачил своих учеников, хотя, без сомнения, каждый его ответ вызывал у них взрыв смеха. Нет, он строго следовал усвоенному принципу: никогда не говорить того, чего не слышал от своих учителей.

* * *

Особый интерес – и, наверное, симпатию – вызывал у мудрецов Талмуда... слон. Должно быть, поэтому в нескольких местах Талмуда его «привлекают» к обсуждению важных алахических проблем.

В трактате Сукка рассматриваются различные законы, регулирующие построение шалаша для праздника Суккот. В частности, Гемара обсуждает вопрос: можно ли в качестве стенки использовать... какое-то живое существо? Рабби Меир категорически отрицает такую возможность: любой объект, «в котором есть дух жизни», не делают стенкой праздничного шалаша. Почему? Абайе объясняет точку зрения рабби Меира так: тот опасается, что животное «вдруг помрет», рабби Зейра иначе: животное «вдруг убежит». Чтобы предотвратить последнее, животные предлагают привязать, и вот тут-то возникает горячая дискуссия (Сукка, 23а):

Если как стенку шалаша использовать привязанного слона, то все согласятся с тем, что никаких проблем не возникнет: даже если слон «вдруг помрет» и упадет, его туша все равно имеет в высоту «десять ладоней» (минимальную высоту стенки шалаша). Но по поводу слона непривязанного мнения мудрецов расходятся: вероятность того, что он «вдруг помрет», слишком мала, и с ней незачем считаться, а вот вероятность того, что слон «вдруг убежит», действительно должна внушать опасения. Поэтому даже Абайе – тому, кто сказал: «Вдруг помрет», – следует согласиться с тем, что истинной причиной запрета, наложенного рабби Меиром, было сомнение в том, долго ли останется на месте живая стенка шалаша.

Нет, приходит к выводу Талмуд, наоборот: по поводу слона непривязанного все согласны с тем, что его не ставят как стенку шалаша. Разногласие между Абайе и рабби Зейрой вызывает слон привязанный. В этом случае нет опасения, что он убежит, но как поступить, если он «вдруг помрет»?

Правда, даже пока слон жив, все равно остается проблема: между его ногами слишком большое расстояние – значит, там не будет стенки и шалаш окажется негодным? Ну что ж, предлагает Талмуд, этот промежуток заполним пальмовыми ветками и построим нечто вроде забора от передних ног слона до задних.

А вдруг он ляжет? Значит, слона следует крепко-накрепко привязать к верхней перекладине.

О, тогда нечего опасаться и того, что слон «вдруг помрет»! Он же все равно будет стоять, крепко привязанный к верху шалаша!

Нет, иногда его высота меньше десяти ладоней, тогда вверху останется незаполненный просвет в три ладони или больше, а значит, стенка будет недостаточной для нужд шалаша...

На этом прервемся: дальше Талмуд отвлекается от темы слона и переходит к обсуждению вопроса о том, насколько велика вероятность смерти, чтобы принимать ее в расчет в Алахе.

Но вот другой пример. В трактате Кидушин, вообще-то посвященном теме бракосочетания, затрагивается также вопрос о совершении киньяна, то есть действия, закрепляющего права нового владельца на приобретаемое им (25б, 26а). Но о том, каким должно быть это действие, есть различные мнения. Например, мудрецы считают: когда покупают животное, киньян заключается в том, чтобы заставить его сдвинуться с места, или спереди потянув его за веревку, или сзади, прикрикнув на него, хлестнуть хворостиной. Однако рабби Шимон полагает: киньян состоит в том, чтобы поднять животное вверх. Это мнение оспаривает рав Йосеф:

– Но если так, то как же, по мнению рабби Шимона, приобретают слона?!

Отвечает ему Абайе:

– Путем обмена. Или так: продавец на время одалживает покупателю тот участок земли, на котором стоит слон, и тот вместе с этой землей получает во владение слона.

Рабби Зейра предлагает иной способ:

– Продавец приносит свои четыре посуды и подставляет их под ноги слона (после чего слон принадлежит ему – как любой предмет, оказавшийся в посуде его владельца).

– Где это слышано, – изумляется Гемара, – чтобы посуда покупателя приобретала что-то своему хозяину, находясь на месте, принадлежащем продавцу?

– Ну, допустим, что купля-продажа слона происходит не на общей улице, а в переулке, принадлежащем покупателю, – следует ответ. – Или киньян совершают так: покупатель приносит связки хвороста и заставляет слона встать на них всеми четырьмя ногами – это все равно, как если бы он поднял его...

Остроумно? И наконец, упомянем, что слон, как выясняется, нужен для разрешения совсем другой проблемы, связанной с тем, какие предметы способны воспринимать ритуальную нечистоту, а какие – нет. А именно: если слон проглотил «египетскую корзину» и она целиком вышла обратно с противоположной стороны его тела, сохраняет ли «египетская корзина» свою прежнюю способность воспринимать ритуальную нечистоту? (Бава батра, 22а.)

* * *

У разных народов среди любимых персонажей фольклора и художественной литературы не так уж редко встречаются разбойники. Чаще всего эти благородные люди, по каким-то причинам отверженные обществом. Они великодушно защищают бедных и обездоленных. Таковы, например, Робин Гуд, Ринальдо Ринальдини, Карл Моор, Луиджи Вампа, Хосе-Мария или тот же Дубровский. А иногда, напротив, это ярко выраженные злодеи – такие, как Соловей-разбойник, персонаж русских былин. Но ни у кого, нигде и никогда разбойники не прославились тем, что сделали положительный вклад в формулировку религиозного закона.

А у евреев и здесь иначе. Правда, в чисто историческом плане кое-где в мидрашах встречаются упоминания о сынах народа Израиля, занимавшихся незаконным промыслом. Как правило, эти упоминания не отличаются особой доброжелательностью к ним. Однако два еврейских разбойника обладали столь уникальными особенностями, что вошли в еврейское законодательство, и их имена навеки запечатлены в Устной Торе.

Первый – Бен-Друсай – известен тем, что всегда ел полусырое мясо: по одним сведениям, прожаренным лишь наполовину, по другим – на треть. И эта степень готовности пищи стала нормой в законах о приготовлении пищи на субботу: к моменту наступления святого дня все кушанья, которые оставляют на огне, чтобы они достигли полной готовности в субботу, должны быть, по крайней мере, такими, «как пища Бен-Друсая» (Шабат, 20а, 36б; Шульхан арух, Орах хаим, 253:6, 8; 254:2, 6).

Другой разбойник известен своим прозвищем: Бен-Батиах. «Батиах» – это сокращение от «аватиах», то есть «арбуз». У этого молодца каждый кулак был величиной с арбуз – и не маленький, а размером с голову обычного человека. Именно такой кулак взяли за единицу измерения, обозначающую нормальную величину такого отверствия

(образовавшегося в стене естественным путем, без участия человека), которое приводит трупную нечистоту из помещения, где лежит тело, в другое (Мишна, Келим, 7:12).

* * *

После всего сказанного уже не вызовет удивления попытка истолковать Талмуд в духе хасидской притчи.

Последняя мишна в трактате Бейца (Вавилонский Талмуд, 40а) обсуждает вопрос о том, возможно ли резать скот в праздник, если срочно понадобилось мясо. Оказывается, рогатый скот – и крупный, и мелкий – делится на две категории: «домашний» и «пустынный» (то есть «живущий в пустыне»), причем «пустынный» скот запрещено резать в праздник. В чем состоит различие между этими двумя категориями, Талмуд объясняет: «пустынные» – все, которые выходят в Песах и пасутся на заливных лугах, а возвращаются лишь осенью, когда прольется первый дождь. «Домашние» – все, которые выходят пастись довольно далеко, но на ночлег возвращаются домой. Однако Рабби[5] принимает иную точку зрения. По его мнению, и те и другие животные – «домашние», а «пустынные» выходят пастись на заливных лугах и не возвращаются домой ни летом, ни в период дождей (то есть зимой).

Слово «Тора» означает «ораа», «указание» (Зоар, ч. 3, 53б). Это верно применительно и к Письменной Торе, и к Устной, в частности к Гемаре. Поэтому вполне правомерен вопрос: какой урок здесь содержится для нас и для нашего времени – дней, когда уже «слышны шаги Машиаха»? Тем более что заканчивается шестое тысячелетие существования мира, соответствующее шестому дню недели, кануну субботы, когда мы «в буквальном смысле уже очень близки к началу “дня, который весь будет Субботой”» (выражение из Мишны [Тамид, 7:4], обозначающее «всемирную Субботу» – седьмое тысячелетие), когда «следует попробовать кушанья (приготовленные на субботу) накануне субботы, и хорошо попробовать каждое из кушаний»! (Шульхан арух а-Рав, Законы о субботе, 250:8).

Ответ содержится в той же самой Мишне. «Не поят и не режут “пустынных”, однако поят и режут “домашних”» – так сказано в ней. «Но для чего говорят мне: “поят”?» – изумляются в Талмуде и получают такой ответ: «Попутно с законом сообщают нам нечто. А именно: стоит сначала напоить скотину, а потом зарезать – тогда будет легче снять с нее шкуру».

Вполне допустимо понимание, при котором под выражением «скотина человека» имеется в виду животная душа (см. Танья, гл. 6, 7). Тогда получается, что цель Талмуда – дать добрый совет: как зарезать скотину, которая сидит в каждом из нас, йецер а-ра^[6]. Весь вопрос лишь в том, как сделать ее более податливой, чтобы она не слишком сопротивлялась шхите^[7].

Как советует Талмуд, нужно прежде всего «напоить» животное.

Смысл этого совета разъясняет известная хасидская притча, восходящая к Межиричскому магиду^[8]. Она рассказывает, как некий царь послал своего единственного горячо любимого сына в далекую страну, чтобы тот проделал там необходимую для него работу. Принц принудил выполнять эту работу диких туземцев, населявших те места, и они худо-бедно выполняли ее. Однажды, охваченный страшной тоской по отцу, принц совсем было пал духом, но сказал себе: «Постой-постой, что ты так убиваешься? Ведь настанет день, когда ты закончишь работу и вернешься к отцу! Эти дикари так и останутся здесь, а ты снова войдешь в царский дворец и обнимешь царя, он же обнимет и расцелует тебя!» Принц развеселился, ему захотелось петь и плясать, но его остановила мысль о том, что дикари подумают, будто он сошел с ума, и совсем выйдут из повиновения. Тогда он устроил праздник и напоил своих работников. Те опьянели, стали петь и плясать, и царский сын тоже стал петь и плясать вместе с ними. Однако те делали это только спьяну, а принц – радуясь тому, что он – сын царя и в недалеком будущем вернется к отцу.

Эта притча объясняет, почему у хасидов принято немного выпить во время фарбрэнгена, хасидского застолья: тело вместе с животной душой, с йецер а-ра, пьянеет, становится более добродушным и не мешает веселью Б-жественной души, которая вспоминает своего Отца в Небесах. И когда хасиды, собравшись вместе, говорят: «Ле-хаим!» («За жизнь!») и отвечают: «Ле-хаим ве-ли-вроха!» («За жизнь и благословение!»), становится легче «зарезать» йецер а-ра и «снять шкуру» с него. То есть содрать с него «запаханные одежды» влечения к удовольствиям этого мира, мешающие ему обратиться к добру. И тогда «зло превращается в совершенное добро», дурное начало становится в буквальном смысле слова добрым началом – когда удаляют с него «запаханные одежды<...> в которые он облачен» (см.: Танья, гл. 9, с. 146).

^[1] Типа «Человек человеку (не волк, а) друг, товарищ и брат».

^[2] СПб.: Фолио-пресс, 1998.

^[3] См. Сангедрин, 95-106, где рав Папа буквально сыплет пословицами, каждая из которых оказывается яркой иллюстрацией к объяснению отрывка из Танаха.

^[4] Там же приводится обычай Рабы, который, начиная урок Торы, рассказывал анекдот, чтобы «открыть мозг и чувства» учеников и тем самым подготовить их к восприятию серьезных предметов.

^[5] Рабби Йеуда а-Наси, составитель и редактор кодекса Мишны.

^[6] Совокупность дурных черт характера человека, которые отвлекают его от служения Всевышнему (чтобы обеспечить человеку свободу выбора и получение вознаграждения за победу над ними). См.: Танья. Конец гл. 9, гл. 25 и гл. 29.

^[7] Дословно «перерезание [горла]» (*ивр.*) – особый способ забоя скота, предписанный Торой.

^[8] Р. Дов-Бер, глава хасидского движения после Бааль-Шем-Това, учитель и наставник рабби Шнеура-Залмана (Алтер Ребе).

РАББИ ЯАКОВ-ЙОСЕФ ИЗ ПОЛОННОГО

Nai oee Aidoöööööö

Окончание. Начало в № 1, 2, 2009

8.

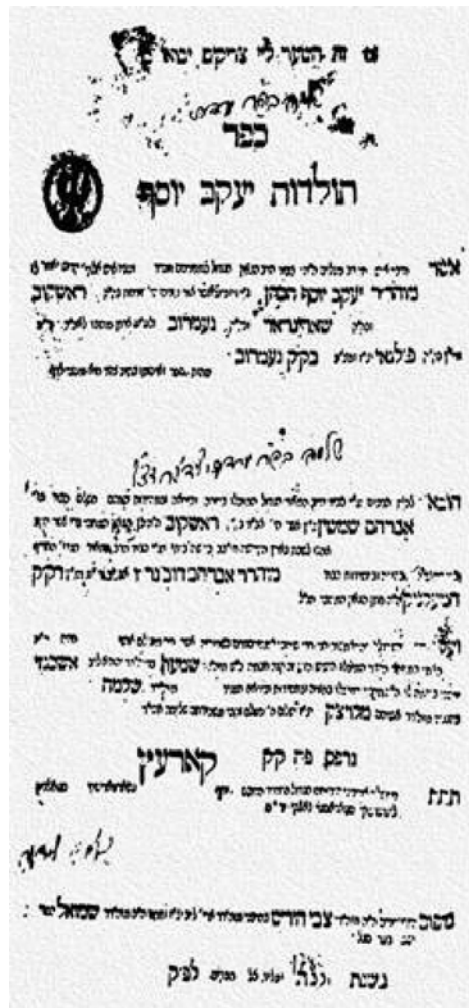
После кончины Межиричского магида нападки и преследования со стороны митнагедов не прекратились, а среди хасидов не нашлось человека, могущего дать им достойный отпор. Теперь над хасидским движением нависла двойная опасность: преследования и анафема противников извне и раскол и распыление сил внутри, поскольку центр хасидизма в Межириче, объединявший общины разных краев и стран и направлявший их деятельность, со смертью рабби Дов-Бера утратил свою значимость. Группа учеников Магида, спаянная одной главной идеей – идеей хасидизма, распалась, они разъехались по разным городам и странам, где каждый устраивался на свой лад. В Литве движение стало сдавать свои позиции, хотя на раннем этапе хасидизм весьма успешно привлекал там новых сторонников, причем даже в Вильно – оплоте самых ярых его врагов. Хасидам Литвы, очутившимся в эпицентре активных враждебных действий, пришлось тяжелее других, проживавших на Волыни и в Подолии. Их предводители – рабби Менахем-Мендл из Витебска, рабби Авраам Калискер и рабби Исраэль Полицкер, ученики Магида, – увидев, что силы неравны, и осознав, что не смогут дальше распространять столь важное для них мировоззрение, оставили родные края и перебрались в Страну Израиля, а с ними – сотни приверженцев, поверивших в правильность избранного ими пути. Противники хасидизма не могли нарадоваться. Им представлялось, что очень скоро «ереси» придет долгожданный конец и чудесным образом хасидизм полностью исчезнет с лица земли, будто его и вовсе не бывало.

Их радость, однако, оказалась преждевременной – в 5541 (1780) году рабби Яаков-Йосеф опубликовал свою книгу «Толдот Яаков-Йосеф» («Порождение Яакова Йосефа»). Книга была отпечатана в хасидской типографии «святого града» Кореца и, в отличие от принятого обычая, не содержала ни рекомендательных писем, ни хвалебных отзывов известных раввинов – факт сам по себе небывалый и возмутительный, с точки зрения еврейского ученого мира. «Толдот Яаков-Йосеф» была первой книгой о хасидизме, без всяких уверток и ухищрений провозглашавшей и воспевавшей новую идеологию. Она защищала хасидизм от нападков и, со своей стороны, обличала и высмеивала современный мир раввинов и талмудистов. Митнагедов охватило серьезное беспокойство. Уверовав было, что хасидизм повергнут, растоптан и доживает свои последние дни, они вдруг удостоверились, что это далеко не так, что ненавистное им учение полно внутренних сил и жизненных соков и отнюдь не истощило свой высокий потенциал. Идеи, изложенные в книге, не были вздором или демагогией, которые можно было бы заклеймить проклятиями либо игнорировать с помощью херема.

Главы раввинистических кругов были весьма оскорблены выведенными в книге портретами, и, хотя их имена не были названы, каждый легко мог себя узнать. Они поняли, что из обвинителей превратились в подсудимых – теперь хасидизм сделался атакующей стороной. Кроме того, они усмотрели в книге нападки на все святое в иудаизме, и автор стал для них злейшим врагом, даже хуже, чем в свое время Магид. Раввинисты не могли не признать, что «Толдот» представляет собой мощное оружие в пропаганде хасидизма и дискредитации его противников, ведь теперь люди во всех частях

света смогут прочесть книгу, распространившуюся в тысячах экземпляров. Если до сих пор идеи хасидизма, поучения цадииков и их толкование иудаизма были известны лишь немногим приближенным и тем, кто непосредственно примкнул к движению, сейчас они стали общедоступными, открытыми для самой широкой публики. До той поры имя Бешта как зачинателя хасидизма в сознании многих связывалось в основном с творимыми им чудесами или с написанными им амулетами, теперь же, будучи процитирован в книге 280 раз, он представал как мыслитель, обладавший глубокими философскими и этическими воззрениями. К тому же рабби Яков-Йосеф постарался подчеркнуть святость и Б-гобоязненность Бешта. Он описал мистический опыт, когда душа Бешта поднялась в высшие миры и там увидела, как «ангел Михаэль, великий заступник еврейского народа, утверждал, что даже грехи их суть добрые дела». А на задававшийся повсеместно вопрос, у кого учился Бешт и кто открыл ему тайны Торы, автор «Толдот» отвечал: «Наставником моего учителя был пророк Ахья а-Шилони, получивший Тору непосредственно от Моше, живший в поколении, вышедшем из Египта, а впоследствии сидевший в суде царя Давида и обучавший пророка Элияу».

Публичное оскорбление достоинства раввинистов и восхваление Бешта возбудило ярость митнагедов. Они негодовали даже сильнее, чем в прошлый раз, в 5532 (1772) году, когда их враждебность привела к оглашению первого херема, заклеившего хасидизм и его последователей. Почувствовать настроение и степень возмущения в лагере противников хасидизма после выхода книги помогут написанные в 5541 (1781) году слова одного из ревнителей традиционного пути. Вот как этот раввин представил читателям книгу «Толдот Яков-Йосеф»:

Титульный лист издания «Голдот Яаков-Йосеф» («Порождение Яакова Йосефа»)

Внемлите мне, поборники справедливости, все сыновья Яакова, надорвите сердца свои и одежды ваши (по Йозель, 2:13); положите из того, чем славна земля, в сосуды ваши (по Берешит, 43:11); смотрите, кладу я перед вами (по Дварим, 11:26) грамоту разрыва (по Дварим, 24:1) с притеснителями вашими, а сие послание ревнителей возьмите в руки ваши, когда выйдете на войну с врагами вашими (по Дварим, 21:10), как книгу ревности (по Ирмеяу, 32:11) и меч обоюдоострый (по Теилим, 149:6); и возьмете список послания (по Эстер, 3:14) и победите притеснителя, теснящего вас (по Бемидбар, 10:9). А Б-г Всемогущий да наделит вас милосердием перед лицом беды, происшедшей в наше время. Написано и скреплено печатью (Эстер, 3:12), и от услышанного болеть будет душа ваша.

Речь веду о книге, появившейся у вас в месяце менахем ав, в году 5541-м (1781), написанной раввином Полонного Яаковом-Йосефом. Тема книги – толкования и назидания, которые произносятся, как это принято у них, в субботу, во время третьей трапезы, а в них – новый стиль, перенятый ими у их учителя, называемого Исраэль Бааль-Шем, про которого сочинитель сей пишет: «слышал я это от моего учителя, который получил это от своего учителя, Ахьи а-Шилони». Направленность книги – совратить народ Израиля и подстрекать идти их путем, а не дорогой нашей святой Торы и предков наших. А построено все на том, чтобы прервать напряженное изучение Торы, как в том, что касается ее явного смысла, так и в том, что принадлежит тайному учению, и чтобы каждый похвалялся знанием по разумению своему и тратил весь день на раздумья о

зловредном, сменив этим помыслы о добре. И назвал книгу «Бейт Яаков-Йосеф», выпустив ее без единого одобрительного отзыва.

И приведу я вам несколько отрывков, дабы вы могли узреть лишь краешек ее (по Бемидбар, 23:13), ибо саму книгу надо было бы сжечь.

Из главы Вайеце: В трактате Таанит, 83, сказано: «Да будет человек гибок, как тростник, и да не будет тверд, как кедр», и объясняет эта книга: «Не должен человек приучать себя учиться непрерывно, а должен общаться с людьми, и лучше пусть вообще не учится, так как это приводит к гордыне». И не могу я найти оправдания в ней написанному, ведь все это идет вразрез с истинным смыслом сказанного... А его толкование идет против Торы, сказавшей «и размышляй о ней (о Торе) днем и ночью» (Йеошуа, 1:8), и против мнения наших мудрецов, превозносивших Тору выше всех заповедей, вплоть до совета не проходить четыре локтя без изучения ее. Как раз об этом гласит стих «И нерадивый в деле своем – брат губителю» (Мишлей, 18:9).

И от услышанного болит душа наша, слух разносится и звонит как колокол об одном из их секты по имени Лейб Коэн-Цедек, да сотрется имя его, ибо он – жрец бога другого, Сатаны, и публично возгласил следующее: «Владыка мира, я хочу исполнять волю Твою, но что делать? Ведь Тора в моих внутренностях (по Теилим, 40:9) – Гемара, которую я учил, – находится внутри меня и не позволяет мне исполнять волю Творца!» У каждого услышавшего такое зазвенит в обоих ушах! (Шмуэль I, 3:11.)

Еще из главы Вайеце: стих «Зачем вам еще быть битыми?» (Йешаяу, 1:5) толковали наши мудрецы: «битые – это мудрецы, сбивающие ноги, переходя из города в город ради учения». Книга же эта трактует: зачем вам ранить ноги ради учебы в ешивах, ведь этим вы только «продолжаете отступничество»? И даже если попытаемся их оправдать, сказав, что они имеют в виду изучение Торы из гордыни, – даже это против слов наших мудрецов, сказавших: «пусть учит человек Тору даже не ради ее изучения – в конце концов он придет к изучению ради самого изучения» (Псахим, 50б). И еще они говорили: «Если бы Меня оставили, а Тору соблюдали <...> ее свет вернул бы их ко Мне» (Псикта де-рав Каана, 15:5). Так что это никак не может называться «продолжением отступничества».

Портрет Виленского гаона. Йосеф Гловацки. Гравюра.
Середина XIX века

Перу того же автора принадлежат и другие высказывания против книг по хасидизму, например: «Вся книга “Цофнат Панеах” – вымыслы и пустое, без вкуса и без запаха <...> открыл он то, что на сердце у него, и оказалось, что подобен он одному из десяти сыновей Амана». Или так: «...новые книги, которые написаны скрытыми мудрецами и теми, кто сведущ в заклинаниях, – “Толдот Яков-Йосеф”, “Завещание Риваша”, “Ноам Элимелех”, “Ликутей амарим” <...> и обнаружил я, что это книги еретические, насквозь пропитаны ересью...»

Из всего вышесказанного ясно, какую бурю чувств и возмущения породил выход «Толдот Яков-Йосеф». Эта книга поразила литовских евреев в самое сердце, но больше всех разгневался Виленский гаон. Он, проведший всю жизнь на пространстве «четырех локтей Алахи», видел в постоянном и непрерывном изучении Талмуда вершину бытия и наивысшее счастье для еврейского народа, а потому не мог спокойно читать фразу, вроде такой: «Не должен человек приучать себя непрерывно учиться». Одного этого было достаточно, чтобы распалить гнев рабби Элияу и привести его к выводу, что подобные еретические книги надо сжигать. И в Бродах, по постановлению местных раввинов, для которых мнение Гаона было свято, «Толдот Яков-Йосеф» публично предали огню, причем сделали это намеренно рядом с домом одного их хасидских цадиков, рабби Михла из Злочева. Жгли книгу и в других городах.

Хасидская легенда рассказывает о том, что происходило в «высших мирах», когда был вынесен приговор о сожжении «Толдот Яков-Йосеф». С громкими стенаниями поднялся рабби Михл из Злочева в небесные чертоги и объявил, что книгу собираются сжечь. «Ведь известно перед престолом Славы Всевышнего, – утверждал цадик, – что не ради славы своей написал рабби Яков-Йосеф “Толдот”, но во славу Г-спода и Торы Его». За ним, горестно восклицая, явился сам автор и пожаловался, что хотят сжечь его труд. Наконец раздался глас: «Расступитесь перед Бештом – вот он восходит в чертоги Всевышнего!» Даже Бешт не мог спокойно усидеть в раю, видя, как книги его преемника, приобщившего к учению хасидизма многих и многих евреев, исчезают в пламени на глазах у всех.

Но Виленский гаон на этом не остановился – он знал, что невозможно уничтожить и сжечь все экземпляры книги, разошедшиеся по ближним и дальним краям, и решил наложить на хасидизм еще один херем. С целью придать новой анафеме большую огласку и произвести большее впечатление на евреев, оглашение херема приурочили к ежегодной ярмарке в Зельве^[1], поскольку в эти дни раввины и главы общин имели обыкновение собираться для обсуждения различных вопросов, определяли, что насущно, а потом оглашали принятые решения. Виленский гаон переслал с двумя раввинами от возглавляемого им суда слова нового херема, который предполагалось зачитать публично вместе с прочими решениями совета общин. Гаон сам подписал этот документ, чтобы все собравшиеся на совет раввины и главы общин выразили свое с ним согласие. Заключительные слова этого херема, обращенные к тем, кто должен был поставить под ним свое имя, были таковы: «Хоть обычно я не выхожу с публичными заявлениями, но когда “нарушается Тора, приходит время действовать ради Г-спода” (Теилим, 119:126), и потому двадцать четвертого числа месяца менахем ав 5541 (1781) года я подписываю речение Элияу, сына учителя моего Шломо-Залмана, да будет благословенна память праведника». Расчет был верен: никто не посмел воспротивиться мнению Гаона. Третьего элула 5541 года все присутствующие подписали полученный документ, который и был разослан по городам и местечкам. Новый херем отличался от предыдущего высокомерностью тона и более жесткими предписаниями к действию. Если первый выступал только против идеи хасидизма, не затрагивая его приверженцев, второй

призывал к гонениям против хасидов вплоть до полного их изгнания. Книга «Толдот Яков-Йосеф» способствовала прозрению литваков: они наконец осознали, что имеют дело с мощным и серьезным движением, которое вдохновляется идеями, проникающими в сердца людей и завоевывающими все новые места еврейского обитания.

Митнагеды решили, что после столь жесткого и решительного шага с хасидизмом будет покончено. На самом деле все оказалось наоборот – «зажженными свечами и трубным гласом» невозможно одолеть дух, а резкими словами – заставить человека изменить идеологии, пленившей его душу, тем более если речь идет о массовом движении, каким стал к тому времени хасидизм. Прочитируем здесь несколько фраз из херема, дабы дать о нем некоторое представление:

Все сыновья Израиля, спуститесь в долину Еошафата (долину суда Г-сподня, см. Йозль, 4:2), в глубины закона, дабы вырвать сорняки и колючки из виноградника Г-спода Воинств, теснить и преследовать их с превеликой яростью, истреблять души их и все, что у них (Дварим, 6:5), выкорчевывать и искоренять их, как это делается с идолопоклонниками. «Вон!» – говорите им, а «заходи» – не говорите, сталкивайте принадлежащих к этой общине в яму и не поднимайте их, если они туда попали. Их следует принижать, лишать крепости, как размягчают хлеб в воде, раздроблять ряды их, чтобы они не могли объединиться и собраться в шайку предателей, противников святой Торы, и в любом месте следует выгонять их из стана, подобно прокаженному и тем, чья плоть гноится. Все это вменяется нам делать с ними, в этом – наш долг и величие... Никто да не присоединится к ним, не посмеет идти с ними по одному пути – ни примкнуть к ним, ни находиться в их обществе, ни есть мясо забитых ими животных, ни заключать с ними союз или менять слова и порядок молитвы с ашкеназской традиции на сефардскую.

Так было предано поруганию и проклятию большое сообщество, заметная часть народа, и сделали это люди, которые считались руководителями и вождями нации, величайшие знатоки Талмуда, умевшие толковать каждую букву и знак столь изощренно, что о них говорили: «слона через игольное ушко протащат». Именно из-за своей учености они полагали себя лучше прочих и думали, что имеют право жестоко преследовать других, хотя те не изменяли иудаизму, не выступали против Б-га, а просто иначе мыслили и внесли немного блеска и оживления во мрак и тягость своей жизни. Но трубный глас раввинизма остался гласом вопиющего в пустыне – проклятие быстро забылось, а идеи медленно, но верно проникали в еврейские души...

Буря, вызванная появлением его первой книги, не остановила рабби Якова-Йосефа, и он продолжал выпускать в свет следующие труды: «Порат Йосеф» («Поросль Йосефа») и «Цофнат Панаех» («Разгадывающий сокровенное»). Выступления против раввинов и глав общин в них более сдержанны – видимо, он не хотел подливать масла в огонь вражды, но и от пути хасидизма не отступил ни на шаг. В новых книгах он продолжал дело, начатое в «Толдот»: укреплял цитадель хасидизма, приводил и толковал слова учителя, прославляя его имя и святость. Рабби Яков-Йосеф также работал над подготовкой книги по Талмуду, вероятно тоже в свете хасидского подхода, но смерть настигла его раньше, чем он успел привести свой замысел в исполнение.

Если среди митнагедов книга «Толдот Яков-Йосеф» была встречена бурным протестом и проклятиями, в хасидских кругах она произвела фурор и вызвала радость и ликование. Этот труд служил приверженцам движения главной сокровищницей хасидских идей и щитом от нападков извне. Рабби Пинхас из Кореца, один из виднейших хасидов своего времени, не склонявший головы даже перед Бештом, поскольку считал себя его

равноправным другом и соратником, писал: «Такой книги не было еще никогда, это буквально Тора, полученная с небес». Сочинение рабби Якова-Йосефа признано наиболее авторитетным и достоверным источником по хасидизму и активно используется и в наши дни.

Понимая, что от этого зависит судьба хасидизма, рабби Яков-Йосеф сам занимался распространением своих книг. Легенда гласит, что однажды, приехав в Бердичев, он пытался продать там свои книги, однако покупателей было мало, и он сильно разгневался. Ученик Магида, рабби Зеэв из Житомира, почувствовал, что на Небесах против жителей города выдвигаются серьезные обвинения и их ждут большие неприятности. Он срочно приехал в Бердичев и купил у автора сто экземпляров. Утешая рабби из Полонного, рабби Зеэв говорил: «Что ты так возмущаешься? Ведь ты не лучше Всевышнего, а Ему пришлось долго ходить, предлагая Тору всем народам, тогда как те отказывались ее принять» (см. Авода зара, 2б).

Рабби Яков-Йосеф из Полонного умер примерно в 5542 (1782) году и был похоронен в одном склепе со своим старшим другом рабби Йеудой-Лейбом, «Обличителем» из Полонного, раввинский пост которого рабби Яков-Йосеф в свое время занял. Вот выдержки из эпитафии на его могиле:

.....
*יְשַׁע הַזְּרַעִי הוּא, וְיֵשׁוּעַ הַזְּרַעִי הוּא הַזֶּה
נֶחְדָּרְיָהוּ הוּא הַזֶּה אֲבִי-עֵשֶׂה,
יְדִי עִירֵי דְרָא אֲנִי דְיָו: «נִיְוֵיֵה»,
.....
דְּאֵהֵי יְאֻרֵי יְאֻרֵי הוּא, אֲבִי-עֵשֶׂה
אִיִּי יְאֵי יְאֻר, הוּא-עֵשֶׂה יְאֻר בְּאֵיֵה-עִירֵהוּ,
נִיְוֵי הוּא-עֵשֶׂה יְאֻר אֲנִי עֵשֶׂה, אֲנִי עֵשֶׂה
עִירֵהוּ «וְיֵשׁוּעַ הַזְּרַעִי-עִירֵהוּ»
עִירֵהוּ «יְדִי עִירֵהוּ»
.....«Цофнат Панеах»
.....*

Хасиды у могилы рабби Якова-Йосефа в Полонном

О месте захоронения рабби Якова-Йосефа среди жителей Полонного ходит следующая легенда. После смерти «Обличителя» один еврей купил для себя место рядом с его могилой. Каждый день приходил он туда, молился, читал псалмы и обкладывал место своего будущего погребения монетами, которые потом раздавал бедным. Однажды на кладбище пришел рабби Яков-Йосеф, ему понравилось это место, и он решил быть похороненным там. Когда ж он узнал, что участок уже принадлежит кому-то, вызвал хозяина и начал уговаривать его продать облюбованное место. Тот согласился, но при условии, что его похоронят рядом с рабби, что и было ему обещано. После смерти рабби Якова-Йосефа над его могилой и могилой «Обличителя» был возведен склеп, да так, что свободного места там не осталось. А несколько лет спустя тот еврей умер, но перед смертью попросил членов погребального братства сходить на могилу рабби Якова-Йосефа и напомнить покойному о данном обещании. Едва он умер, тело его принесли к склепу, и кто-то из исполнявших его последнюю волю напомнил об обещании. В тот же миг могилы рабби Якова и «Обличителя»... раздвинулись и образовалось пространство, достаточное, чтобы похоронить одного человека. Сразу после погребения могилы раввинов вновь сблизились.

Итак, герой хасидского движения отошел в мир иной, хлебнув горя и претерпев гонения. Однако даже в могиле он не обрел покоя – война с его книгами не утихла и после его смерти, но если в России буря вскоре улеглась, будто херема и не было, за границей пламя вражды только начинало разгораться. Лагерь противников возглавил верховный раввин Праги Йехезкель Ланда (1713–1793), автор труда «Нода бе-Йеуда» («Известно в колене Йеуды»), во многом похожий на Виленского гаона. Он относился к хасидам, как рабби Яков Эмден (1698–1776) и его последователи – к рабби Йонатану Эйбишпоцу и его приверженцам^[2]. Самих хасидов рабби Ланда и в глаза не видел, так как Прага отстояла далеко от центров их проживания, но книга «Толдот Яков-Йосеф», которая на тот момент была основным трудом по хасидизму, настолько обозлила его, что он, подобно Виленскому гаону, приговорил ее к сожжению.

Сохранилось предание о том, что рабби Яков-Йосеф явился во сне своему ученику, рабби Шимшону из Шепетовки, и потребовал, чтобы тот отправился в Прагу и

потребовал от рабби Йехезкеля объяснений. После долгих скитаний рабби Шимшон добрался наконец до Праги и под видом нищего вошел в дом автора «Нода бе-Йеуда», когда тот сидел в окружении учеников, оттачивая свой ум в изоощренных талмудических дискуссиях. Рабби Йехезкель принял «попрошайку» неприветливо, посчитав, что тот мешает и отвлекает его и учеников от учебы, но тот вступил в беседу и остроумно показал, насколько безосновательны и бесцельны их логические построения. Он назвал эти штудии лишь забавой и способом блеснуть, а кроме того, доказал, что и сам умеет при надобности талантливо вести дискуссию, найти «изюминку» в предмете и обладает талмудическими познаниями, не менее глубокими, чем у тех, кто сидит перед ним. Когда присутствующие убедились в его учености, он открыл им свое истинное лицо и сказал: «Я меньший из младших учеников святого цадика из Полонного, автора “Толдот Яков-Йосеф”. Из этого вы можете заключить, каковы у нас средние ученики и каковы же старшие, а после того сумеете себе представить, какова глубина познаний и острота ума великого рабби, написавшего “Толдот Яков-Йосеф”».

Затем, продолжает предание, последовала дискуссия между ним и рабби Йехезкелем о хасидизме вообще и о рабби Якове-Йосефе в частности. Особенно изумило пражского раввина утверждение рабби Якова, что «для того, чтобы цадик смог приподнять нижнюю ступень и приблизить ее к высшей, он должен спуститься к ней и обрести с ней связь». Гость из Шепетовки отвечал: «Прежде чем удивляться словам рабби, вам следовало бы вознегодовать на Моше, который первым пошел той же дорогой». «В час, когда евреи совершили это деяние (поклонение золотому тельцу), – учил рабби Нехемья в мидраше Шмот раба, – встал Моше, чтобы убедить Всевышнего простить их, и сказал: “Владыка мира, они Тебе помогли, а Ты хочешь их уничтожить?! Тогда пусть этот телец Тебе помогает: Ты будешь заставляешь светить солнце, а он – луну, Ты – звезды, а он – созвездия и т. д.”. Ответил Г-сподь: “Моше, ты ошибаешься так же, как и они, ведь этот телец – ничто!” Но тот ответил: “А почему же Ты тогда гневаешься на Своих сыновей?” Видите, что Моше, с которым, как утверждает Тора, никто не может сравниться, в своем желании защитить еврейский народ и приподнять его на более высокую ступень, позволял себе спуститься настолько, что произнес слова, которые могут быть истолкованы как издевательство и насмешка над Небесами».

В конце концов рабби Шимшон одержал победу в споре и смог убедить рабби Ланда в своей правоте. Тогда, заключает предание, тот «поднял книгу “Толдот Яков-Йосеф”, которая валялась у него под ногами, и поцеловал ее».

^[1] Зельва – местечко в Гродненской губернии, Волковысском уезде, на левом берегу реки Зельвянки. Ярмарка, учрежденная в начале XVIII века, долго была главным местом для торговых сделок купцов губерний Гродненской, Виленской и Царства Польского.

^[2] То есть как к последователям лжемессии, подобно саббатрианцам и франкистам.

РАЛЛИ ЧЕЛНЫ–ДАКАР

Èéiy Èàdì áí éî

Современный город, в котором, как и положено, очень много автомобилей, но при этом почти нет... пробок! Скажете: да это утопия! Нет, такой город есть. Находится он в Татарии, а называется Набережными Челнами. И что показательно, немалый процент его многонационального населения всегда составляли евреи. Да еще какие!..

Набережные Челны совершенно не похожи ни на столицу республики, Казань, ни на соседний удмуртский Ижевск. А уж тем более на ближайшего соседа по Каме, старинный Сарапул.

Челны вообще мало похожи на среднерусские города. Это настоящий российский Детройт. Тот же размах в габаритах, столь же деятельные обитатели. А тон кипучей деловой жизни региона в немалой степени задают местные евреи, которые в 70-х годах прошлого века в числе других первопроходцев построили здесь, рядом с промышленным гигантом, КамАЗом, город, завод, ГЭС. И стали из неопитов аборигенами.

Председатель Еврейского общинного центра г. Набережные Челны Л. Штейнберг

ЯРСКИЕ, БЕРЕГОВЫЕ, НАБЕРЕЖНЫЕ...

С удивлением узнали мы, что этот «молодой» город имеет древнейшую историю.

Оказывается, территория Набережных Челнов входила в состав Волжско-Камской Булгарии, а сам город в XIV–XV веках был крупным центром Ярской (Побережной) области Булгарского царства. В болгарских летописях Бахши Имана «Джагфар Тарихы» 1680 года упоминается, что по инициативе муллы Мирхаджи Наккара, отца поэта Мохаммеда Кул Гали, был основан город Яр Чаллы (в местной орфоэпии жар – откос, обрыв, крутой берег; чал – камень, чаллы – огороженное камнями место,

крепость). И произошло это в 1172 году! В русских летописях Береговые (они же Бережные, уже позже – Набережные) Челны упоминаются впервые в 1626 году.

Без малого 840 годиков – вот вам и «молодой»!

В начале XX века Бережные Челны становятся центром торговли и одним из портов – поставщиков леса для Казани и Астрахани. Население в основном – русские и татары. Однако не исключено, что помимо русских купцов Стахеевых и татарских Халфиных торговлей лесом и пушниной занимались и купцы-евреи. Нам об этом, увы, неизвестно.

Но известно, что после 1917-го «заплывали» в эти края революционер и писатель Лариса Рейснер, астроном и большевик Павел Штернберг.

В 1930 году селу был присвоен статус города. Жителей тогда насчитывалось 9300 человек. Сегодня – более полумиллиона. Наверное, поэтому можно говорить о том, что современная (в том числе и еврейская) история Набережных Челнов началась в 1960-х годах, со строительства Нижнекамской ГЭС, завода КамАЗ, нового города. И с заложенной в июле 1969-го у старой Мензелинской дороги бетонной плиты, на которой написано: «Здесь будет построен Камский автомобильный батыр»...

В этом городе, одном из немногих, а может быть, даже единственном в СССР, никогда не было памятника Ленину... Зато есть памятник Владимиру Высоцкому, который побывал здесь с концертами в конце 1970-х годов. А это дорогого стоит!

В Челнах же мы столкнулись с уникальным для России, да и всего мира феноменом – двойной адресацией. То есть каждый дом в городе имеет почтовый адрес и так называемый «адрес по комплексу». Причем челнинцы пользуются именно им. И как правило, своего «нормального» адреса вообще не помнят.

Такого, признаюсь, я не встречал нигде. Были живописные магалы Дербента, место расположения старых урамов Казани, полные восточного своеобразия махалля Самарканда и Бухары, но чтобы кварталы города обозначались номерами, подобно трассам в «Атласе автомобильных дорог», – дело невиданное! Но в городе автостроителей, наверное, и названия автодорожные?

Оказалось, нет – строительные. Это был своеобразный, как и все советское, эксперимент: присваивать кварталам молодого города цифровую нумерацию. В 1990-х деление на комплексы определяло и принадлежность криминальной молодежи к разным группировкам.

Джордж Оруэлл отдыхает...

СТРОЙКА ВЕКА

Один из «отцов-основателей» Набережных Челнов – легендарный строитель Евгений Батенчук говорил:

– Строительство КамАЗа, города и его градообразующих предприятий было стройкой века. Такие города создавались за 300 лет – мы создали город за 20 лет. Жаль, что ни в этом столетии, ни в начале XXI века не повторится наш опыт.

Рядом с Батей, как ласково-уважительно называли в Челнах Евгения Батенчука, на «стройке века» работали многие замечательные специалисты. И среди них немало евреев: первым начальником управления строительства «Камгэсэнергостроя» был Аркадий Эгенбург, главным инженером – Владимир Альфиш, трудились здесь энергостроители братья Михаил и Натан Вайнеры и многие другие. А ведь, как заметил глава компании «Кама-Тракс», председатель местного Еврейского общинного центра Леонид Штейнберг, «на строительство КамАЗа в то время собрались люди неглупые – самые “сливки”».

Набережные Челны – главный город почти миллионной по числу жителей Нижнекамской агломерации, то есть компактного скопления населенных пунктов, объединенных общими производствами, транспортом, экономической и культурной жизнью. Об особенностях этой системы, объединяющей разбросанные на огромной территории мощные полисы, нам рассказал Михаил Вайнер, заместитель гендиректора компании «Камаглавстрой», а в местной еврейской общине – фигура знаковая.

Михаил Исаакович – челнинский старожила, ветеран «Камгэсэнергостроя», обладатель множества орденов и званий и замечательный человек, которого уважают и любят в округе... диаметром 60 километров! Именно на этом участке, включающем Челны, Нижнекамск, Заинск, Елабугу, Камские Поляны, кипит деятельность неугомонного энергостроителя, который, кстати, недавно отметил 70-летие. Сейчас он занят тем, чтобы к вырабатываемым тут ГЭСами и ТЭСами 6 млн кВт электроэнергии прибавить еще четыре миллиончика. Дабы получилась круглая цифра – 10 млн кВт!

...Еще одно сходство Челнов и Штатов, помимо «автомобильности» и ширины проспектов и автобанов, состоит в «пришлости» всего населения – ведь здесь практически нет коренных жителей! Все обитатели и города, и агломерации (те, кому за пятьдесят) прибыли на Каму ловить удачу и/или строить «коммунистическое завтра». Их дети и внуки уже считают себя коренными челнинцами. Но тем не менее, истоки там – в белорусском местечке, украинском штетле, татарской деревушке, кавказском ауле...

Марк Товштейн, заведующий кафедрой прикладной математики и информатики местного филиала Казанского университета, подтверждает:

– Город наш уникален тем, что строить КамАЗ приехали люди из разных республик. Огромные землячества азербайджанцев, грузин, армян, чувашей, мордвин, таджиков – около двадцати национальных общин!

Из-за волны антисемитских настроений на родной Украине или в Белоруссии многие евреи предпочли поменять насиженные места на «стройку коммунизма». Ведь в Челнах, да еще и с Батей (к слову, Евгений Батенчук родился в Балте под Одессой, где до войны евреи составляли более 70% населения) можно было нормально жить и работать.

Это подтверждает Леонид Штейнберг. В 1965-м из Житомира он приехал в Татарию учиться:

– На Украине поступить в вуз было нереально. Мы приехали в Казань, там после войны было много евреев. Поступил в Авиационный на инженера-механика. Ну, этот институт всегда был интернациональным.

Потом была всесоюзная ударная комсомольская стройка, КамАЗ, Набережные Челны, борьба с преступностью (среди приезжей молодежи), а затем – как следствие – служба в органах внутренних дел, должность первого заместителя начальника УВД, звание подполковника... С начала 1990-х – международные автомобильные перевозки, фирма «Кама-Тракс».

Ныне Леонид Данилович не только ее гендиректор, но и президент Логистической ассоциации Татарстана, заслуженный работник транспорта Республики Татарстан, председатель Ассоциации грузоперевозчиков Закамья, председатель челнинского филиала Ассамблеи народов Татарстана, Почетный гражданин Набережных Челнов – перечислить все его звания места не хватит. Недавно был удостоен знака «Почетный работник транспорта России».

Фамилия Штейнберг вызывает в Челнах глубокое уважение. Игорь Лерман, создавший в городе камерный оркестр и ставший художественным руководителем великолепного Органного зала, об отношении к Леониду Даниловичу говорит так:

– Штейнберг здесь национальный герой. Я приехал в этот город в 1980-м, и стоило только заикнуться в разговоре, что я родственник Штейнберга, – ко мне относились как к родному. Причем независимо от национальной принадлежности собеседника.

У Лермана – своя история:

– Я рос в Кременчуге таким красивеньким кудрявеньким мальчиком. И вот подходит ко мне соседский мальчишка и говорит: «Ты жид!» А я улыбаюсь. Потом он мне ррраз по морде! Я заплакал, бегу к маме: «Что такое жид?» И так все мое детство. Пришлось драться, до крови... И когда я услышал, что здесь открылось музыкальное училище, что можно квартиру получить, решил ехать. Мне всегда хотелось организовать камерный оркестр и чтобы никто не мешал. А тут такая возможность!

НА ВСЕХ СКОРОСТЯХ

Вы когда-нибудь сидели за рулем многосотсильной машины? Чувствовали мощную вибрацию мотора? Покоряли бездорожье, мчались по барханам на железном чудище – «летающем грузовике» – так, что дух захватывает? Нет?

Я тоже нет. Наверное, поэтому и поехал в Челны. Чтобы посмотреть на легендарных покорителей Сахары, потрогать за рукав суровых бойцов – всамделишных участников ралли «Париж–Дакар»! Оказалось, что этим делом для настоящих мужчин занимаются не только «лихие еврейские парни» вроде Семена Якубова, но даже сам премьер-министр Татарстана Рустам Минниханов!

Да, особый город Набережные Челны. Здесь любят автомобили и скорости, гордятся своим КамАЗом. И конечно же, замечательной командой Семена Якубова – «автомобильной сборной страны»!

Команда «КамАЗ-мастер» стала трехкратным обладателем Кубка мира по внедорожным ралли, неоднократно призером и восьмикратным победителем ралли-рейда «Париж–Дакар». А были еще и недавние «Тихий Дон» под Ростовом, и «Дезерт

Челлендж» в ОАЭ, которые команда выигрывала ежегодно, начиная с 1999-го! Кстати, «Дезерт Челлендж» – любимое ралли премьера Республики Татарстан, чей экипаж неоднократно становился лучшим в состязании. За что Минниханову и было присвоено высшее спортивное звание мастера спорта международного класса.

Многоопытный руководитель команды, немногословный и вечно занятой Семен Якубов в свои машины, видимо, просто влюблен. «Лучшие в мире грузовики, которые человечество способно создать» – так говорит он о железных участниках ралли.

Это правда. Но все-таки важнее люди: за каждой победой команды стоит весь автогигант, самоотверженный труд его специалистов. И конечно, сам Якубов, сплошь заслуженный: заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер – и России, и Татарстана... Ордена, медали, звания – длинный перечень в несколько абзацев.

Якубов признался как-то, что самое главное в ралли – это не обогнать соперника, а превозмочь стихию, сохранить автомобиль, выдержать испытание. И в каждой из этих составляющих нужно лавировать на грани возможного, а часто – и за этой гранью...

Правда, состязание, на которое мы попали в Набережных Челнах минувшим летом, было совсем не похоже на знаменитое ралли «Париж–Дакар». Конкурс на Кубок мэра, организованный по инициативе Леонида Штейнберга, состоялся впервые в истории города и был посвящен 40-летию начала строительства КамАЗа и 20-летию команды «КамАЗ-мастер». Соревновались профессионалы высочайшего класса – водители большегрузных фургонов, так называемых магистральных автопоездов. Народ сейчас все как-то больше тянется в брокеры да в маркетологи, а не в дальнобойщики... Вот и решили в Челнах: надо привлекать молодых!

Показать свое мастерство приехали 18 команд из нескольких городов России. 37 водителей, самых разных по стажу и возрасту, «оседлали» и наши «КамАЗы», и их «МАНы», «мерседесы», «ивеко», «вольво»... Главным судьей был назначен Фирдаус Кабиров, член команды «КамАЗ-мастер», заслуженный мастер спорта. Вот восхищенный отзыв Светланы Левитан, педагога воскресной школы и редактора еврейской газеты:

– Огромные машины, филигранная работа... Ширина ворот – 2,75 метра, а ширина фуры – 2,5 метра. На легковой машине не так просто заехать задним ходом в гараж, а что же говорить про двадцатиметровую фуру! Но сами водители признавались, что в жизни бывают ситуации гораздо сложнее, чем на соревнованиях.

Первым стал Юрий Печников из Челнов («Кама-Тракс»), второе и третье места достались Александру Пырусову и Игорю Сеничеву из Брянска («New Line»). Главный приз – автомобиль «ВАЗ-2107».

В честь юбилея по инициативе мэра Челнов Ильдара Халикова 2008 год назван в автограде «Годом команды “КамАЗ-мастер”». А Пахмутова и Добронравов написали к 20-летию гимн команды, душевно исполненный ее большими друзьями – Михаилом Турецким и его хором.

Прав был, наверное, Николай Добронравов, вписавший в этот гимн такие слова:

Êæîá â ì èðà ááçâîðîæüü!

Í î îðîòîí èáí üá í á äëü í äñ

È í äâçì íæí í á äñçì íæí í,

Êí äâ äðüââðîüÿ Êâì Äç...

ОСНОВАТЕЛИ ЕВРЕЙСТВА

Кто-то назвал Марка Товштейна и Арона Либермана «основателями еврейства в Челнах». Именно они в конце 1980-х, на излете так и недоразвитого социализма, создавали в автомобильной столице Прикамья первую еврейскую общину.

Заразился этой идеей Марк Яковлевич у евреев Казани, где его дочь Полина училась в музучилище и пела в еврейском ансамбле.

Первым, с кем Товштейн поделился своей идеей, был Арон Либерман:

– Либерман – это же личность! Мастер анекдотов! Он вообще чуть ли не с Буденным знаком. Мы с ним встретились на почте, и я говорю: «Знаете, Арон Натанович, неплохо бы евреям объединиться». А это были годы, когда еще не очень-то можно было. А он: «О! У меня есть идишский словарь! Идем!»

И Товштейн, и Либерман состояли в обществе «Знание» и вели каждый свою секцию. Оба пропагандировали знания: первый – естественнонаучные, а второй – атеистические. Так что первая еврейская община Набережных Челнов начиналась с секции атеизма...

Оказалось, в обществе работали многие евреи. А его председателем был Лев Фет – начальник финансового управления КамАЗа.

Марк Яковлевич продолжает рассказ:

– Однажды после заседания правления общества «Знание» Фет спускается впереди меня по лестнице. И я, идя за ним, говорю: «Лев Моисеевич, вы знаете какие-нибудь еврейские колыбельные песни?» С бухты-барахты спрашиваю – Полина дала мне заказ. Фет останавливается, поворачивается и говорит: «Как! И вы тоже?!» Вот он-то и был третьим... В том же «Знании» работал Бейниш Хаимович Ланда, замечательный человек! Физкультурник, мастер спорта, кандидат технических наук и мастер рассказывать разные истории. И еще Софья Ильинична Вайнберг. Со «Знания» все и начиналось!

Сначала собирались просто дома у Товштейна. Было тесно, «распределялись» как могли по трехкомнатной квартире. В 1991 году общину зарегистрировали. Первым ее председателем стал Лев Моисеевич Фет.

Товштейн вспоминает: когда они собрались в самый первый раз – с Ароном Либерманом, Борисом Мундером и остальными, – пригласили и Полину:

– Она пришла, стала что-то рассказывать. Но ее прервали и говорят: «Полина, спой!» Она спела на идише «Шолом, шолом». И мы плакали...

Наверное, поэтому ту первую «полуподпольную» общину в Челнах так и назвали – «Шолом»...

В СЕМЕЙНОМ КРУГУ

В общинном центре на стене – карта Израиля. «Ну и что тут особенного?» – скажете вы. Да, но на ней отмечено, в каких населенных пунктах и сколько проживает челнинцев, указаны все имена!

«Наши люди очень дружные. Бывших челнинцев не бывает», – объяснили нам с гордостью. Оказывается, как в Челнах есть еврейское землячество, так и в Эрец-Исраэль – челнинское.

В этой общине возникает удивительное ощущение единения и сотворчества, здесь никто ни против кого не «дружит»! Понаблюдав, я понял, что причина проста: местные евреи свою общину искренне любят, а в отношениях между собой сохраняют тот самый дух – комсомольцев со всесоюзной ударной стройки! И еще что приятно, здесь не делят «пирог» разнообразные еврейские организации: все собрались вместе и благополучно сотрудничают.

Может, в Татарии воздух какой-нибудь особенный, к миролюбию располагающий?

Шутки шутками, но политике поддержания межнационального и межконфессионального мира у руководителей республики можно только поучиться. Проводится она здесь достаточно последовательно, что могло бы стать добрым примером для всех других, не всегда толерантных (а то и вовсе ксенофобских) регионов России.

К сожалению, прежде в общине довольно долго царил разлад. После отъезда в Израиль Льва Моисеевича Фета, первого председателя, новое руководство не могло найти общего языка с координаторами «Хеседа», «Сохнута», молодежного клуба, да и с самими членами общины. Председатели сменяли друг друга, ругались, судились, одно время даже существовали две общины. В общем, «два еврея, три мнения». Это тянулось до 2004 года,

когда Леонид Штейнберг и Яков Геллер собрали всех, кто считал, что мириться с таким положением больше нельзя. Переизбрали председателя религиозной общины. Создали Еврейский общинный центр. И все встало на свои места.

Челнинцы были первыми в стране, кто создал и зарегистрировал подобную организацию, – считает Евгений Коган, заместитель председателя ЕОЦа и член Совета общины, один из ее ведущих активистов и спонсоров. Евгений Ефимович поясняет:

– Я знаю, что сейчас в России уже есть такие организации. А на тот момент – в 2004 году – мы были единственными. Уникальность заключалась в том, что мы создали общинный центр как юридическое лицо, в правление которого вошли избираемые члены общины и постоянные члены – председатель религиозной общины, координатор «Сохнута», координатор «Хесед», координатор «Гилеля». Это демократическое объединение сплотило ранее разобщенные еврейские организации.

Под крышей ЕОЦа собрались все – религиозная община, клубы, программы, школа. Кроме того, объясняет Евгений, фактически это привлекло финансовые ресурсы: «Предприниматели, входящие в Совет общины, увидели, что никто не тянет одеяло на себя, а все всё делают вместе, и стали давать деньги».

Совет занимается всеми вопросами жизни общины. В его составе – десять человек. Для принятия решения кворум обязателен. Такой своего рода «организационный миньян»...

...Сколько человек в местной иудейской религиозной общине? По словам ее председателя, Леонида Колоднера, более 500. «Община пережила непростой период становления, и потом бывали трудные дни. Но активизировалась она, когда вошла в состав Еврейского общинного центра», – поясняет председатель.

Леонид Исакиевич рассказывает, как отмечают в Челнах еврейские праздники, как участвует в их организации молодежь, о спектаклях, что ставят ученики воскресной школы и о гостях, приезжающих в Челны из Елабуги, Нижнекамска, Заинска. И конечно, благодарит за помощь местных меценатов – Леонида Штейнберга, Анатолия Калущих, Константина Гомберга, Андрея Болтакса, Владимира Зельмана, Бориса Берлина, Евгения Вайнера и других. Видно, не оскудела земля татарстанская богатыми и добрыми евреями!

И есть надежда, что не оскудеет: недавно у Леонида Исакиевича родился внук, с чем мы его и поздравляем!

Леонид Колоднер в общине – со дня основания. Здесь о нем отзываются так:

– Всегда скромный и отзывчивый. Никогда не повышает голос. Он из первых строителей КамГЭС и КамАЗа, был заместителем гендиректора «Управления механизации строительства». Обеспечивал ударную комсомольскую стройку техникой. И хотя он не любит быть на виду, но всегда пользовался большим авторитетом у членов общины.

Побывали мы и в еврейской воскресной школе. Это несколько специализированных кабинетов в новом здании Образовательного центра. Нина Подолинская – директор школы, а также член совета, его исполнительный директор. В общине она с момента ее зарождения, а в школе – три года. Нина Владимировна рассказывает:

– Здесь ребята изучают историю и традиции еврейского народа, иврит, английский. Разучивают песни, занимаются танцами, рукоделием, учатся работать на компьютере. Ни один еврейский праздник не обходится без участия наших детей: они каждый раз готовят небольшой тематический спектакль. Есть и настоящие «звезды» – такие, как Самсон Либерман.

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Работают в центре и разнообразные программы, семейный, женский и молодежный клубы. Организатором первого молодежного клуба была Ольга Колоднер. Она поставила работу так, что еврейские подростки, прежде никогда не собиравшиеся вместе, не пропускали ни одной встречи. Эстафету подхватили Лена Перемыслова и Катя Филиппова (именно она ведет теперь клуб «Гилель»). Лена сейчас учится в Казани, и там она – один из лидеров местного молодежного клуба.

За пожилых людей – их здесь уважительно называют старейшинами – отвечают координатор «Хеседа» Галина Уманская и председатель Совета старейшин Ванда Левшенко. Совет собирается довольно часто: проводят шاباتы, отмечают дни рождения. «Это очень важно для людей старшего возраста, – считает Ванда Яновна. – Они нуждаются в постоянном тесном общении».

Говорят, мероприятия у старейшин проходят очень интересно. А в Клубе кошерной кухни, который по очереди с остальными старейшинами ведет Ванда Левшенко, – еще и вкусно. Одесская мама передала ей много рецептов еврейских блюд. В частности, куриной шейки. По сути, кроме Ванды Яновны, никто в общине не умеет правильно ее готовить. Несколько раз искусница давала даже «мастер-классы».

За организацию литературного и исторического клуба отвечает координатор «Сохнута» Марина Исакова. Ее стараниями встречи каждый раз ведут новые интересные гости.

В воскресной школе «Кешет»

Здесь работает даже Клуб мам израильских военнослужащих. Ведет его Марина Исакова, и девиз у них такой: «Родителей солдат ЦАХАЛ в Челнах у нас живет немало». В общинной газете периодически появляются жизненные иллюстрации тяжелой еврейской солдатской доли.

А еще в общине есть свой ансамбль – «Руах Каля» («Ветерок»), которым руководит Елена Сторожук – учитель хореографии и в воскресной школе, и в общине. Она профессиональный педагог-хореограф, в Челнах живет с рождения. И теперь под руководством Елены Александровны «Руах Каля» регулярно занимает первые места на городских конкурсах. В ансамбле занимаются и школьницы, и девушки постарше. Все танцы в репертуаре коллектива – разные по стилю: озорной «Пуримшпиль» и степенный «Шабат», коллективный «Хор» и сольный – «Озорница». У Елены Сторожук есть талантливая дочь, и мама уверена: Катя тоже будет хореографом!

Еврейская община Набережных Челнов принимает участие в сабантуе – национальном татарском празднике, ставшем праздником многонациональным. Все общины города собираются на большом майдане, готовят национальные блюда. На еврейском столе – и гефилте фиш, и цимес, и форшмак, и куриная шейка, – спасибо Ванде Яновне Левшенко, Эмили Самсоновне Кочергиной, Белле Ильиничне Чернышевой и Людмиле Вячеславовне Перепелициной.

Выступают ученики воскресной школы, ребята из Молодежного клуба, ансамбль «Руах Каля». «Звездами» концертов стали Анна Будневич, Наталья Чернова, Анна Меерсон. На последнем сабантуе бурные аплодисменты заслужила песня «Шолом», которая особенно по душе челнинцам.

Община богата молодыми талантами. Ни один праздник не обходится без Полины Сандимировой и Яны Журбы. Яна вокалистка, а Полине удастся сочетать вроде бы несочетаемое – спортивные танцы и скрипку.

...Праздник Победы – совсем особый. «Я считаю, что самый святой праздник для российского еврея – это 9 мая. Не было бы Дня Победы, и нас бы не было», – говорит Леонид Штейнберг.

Традиционно накануне 9 мая представители еврейского общинного центра вместе с общинами города выезжают на Тарловский мемориал. В Набережных Челнах не было боевых действий, но есть воинские захоронения – русские, татары, евреи... Это те солдаты и офицеры, которых отправили в тыл, в первый в Поволжье госпиталь для тяжелораненых бойцов Красной Армии. Увы, многие из них обрели покой в братской могиле на Тарловском кладбище.

А в День Победы все приходят к Вечному огню, возлагают цветы. Оттуда отправляются в Дом дружбы народов, поздравляют ветеранов. В программе праздника предусмотрено все: и концерт, и подарки ветеранам, и «фронтовые» сто грамм, и праздничная трапеза, и даже фейерверк!

...Ну и, конечно же, в Челнах успешно действуют «Сохнут» и «Хесед». Много лет координатором «Сохнута» был Марк Товштейн, а в 2002 году его сменила на этом посту Марина Исакова. Она оказывает неоценимую помощь будущим репатриантам и молодым людям, уезжающим учиться по программам, проводит регулярные встречи в клубе «Мааян» – для родителей, чьи дети живут и учатся в Израиле, – и в интеллектуальном клубе «Мишкефет».

Координатором «Хеседа» с первых дней работы была Нина Минина, в 2003 году ее сменила Анна Жаренова. А с 2007 года им ведает Галина Уманская. Она рассказывает, сколько народу «охвачено» еврейской благотворительностью, перечисляет разнообразные программы. И, заглянув в глаза Галины Ушеровны, понимаешь: помощь придет без промедления!

Второй год в общине радуются выходу собственной газеты с говорящим названием – «Вместе». Ее редактор Светлана Левитан о своих читателях говорит лаконично: «Это люди, которые еще не разучились читать и не отбили пальцы в SMS-чатах».

Название у газеты, конечно, оптимистичное, но Светлана – реалист:

– Большинство еврейских семей по меньшей мере на протяжении двух поколений оказалось абсолютно оторвано от вековых традиций своих предков, поэтому теперь, по прошествии почти сотни лет, «вспомнить всё» очень нелегко. Тем не менее больше десяти лет еврейская община пытается приобщиться к живительному источнику национальных традиций. С иллюзорной надеждой на будущие поколения, которые, видимо, будут лучше, светлее и всегда будут помнить то, о чем забыли их родители.

Члены общины у памятника защитникам Родины

РАВВИНСКАЯ ОПЕКА

Общину второго города в республике не оставляет своей заботой раввин Татарстана Ицхак Горелик: приезжает более чем за 200 километров из Казани, хоть для этого и надо везти с собой из дома «тормозок» – с кошерными продуктами в городе на Каме непросто. Раввин встречается с членами общины, проводит беседы, рассказывает о заповедях, традициях, праздниках и, конечно, объясняет самое главное – что значит быть евреем. В Челнах многие ждут его, жаждут услышать живое мудрое слово, комментарии к Торе, спешат задать вопросы.

Рав Ицхак приехал к челнинским евреям на Ту-би шват – еврейский Новый год деревьев. Прежде всего раввин посетил еврейскую школу, рассказал о том, как возник праздник и как принято его отмечать, о его сокровенном смысле:

– Человек очень похож на дерево – маленькое семечко прорастает только на хорошей почве. Когда появится росток, мы должны долго оберегать его и ничего от него не ждать, а потом, через несколько лет, дерево даст плоды. Так и человек – сначала маленький ребенок, о котором мы все время заботимся, а после – взрослый человек, словно дерево с крепкими корнями. Если повредить маленькое деревце, то оно на всю жизнь останется больным. Так же и с человеком – то, что ранит его в детстве, навсегда оставляет шрам в его душе.

Раввин Ицхак Горелик в еврейской школе

Рав Ицхак отвечал на вопросы детей, задавал им свои. А потом все вместе рисовали деревья и сажали комнатные цветы. На «ура» прошел и конкурс салатов – разделившись на команды, ребята сами готовили вкусные и красивые блюда из традиционных для праздника фруктов и орехов, а после подведения итогов и вручения призов детишки с удовольствием всю эту вкуснятину съели.

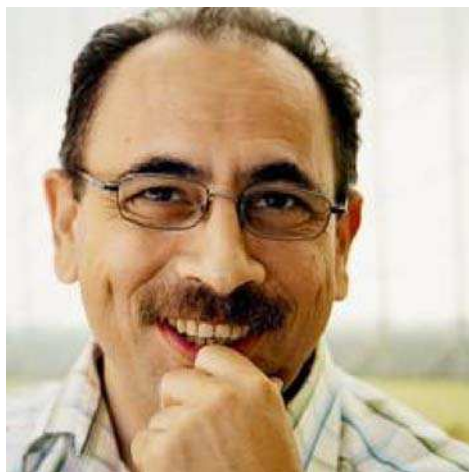
«Для меня большое счастье видеть, как в городе, где нет даже синагоги, таком далеком от мирового еврейского центра, дети отмечают национальные праздники, приобщаются к нашим традициям», – сказал раввин.

После воскресной школы уважаемый гость перебрался в офис ЕОЦа. Там праздник продолжился в компании взрослых – на встречу с раввином собрались около 50 человек. Они выслушали рассказ рава Ицхака о празднике, о традициях проведения шабата, о жизни и учении Любавичского Ребе.

В этот день большие не отставали от маленьких: забыв о годах, с восторгом участвовали в конкурсах, рисовали деревья и украшали своими творениями помещение общины. Но были и серьезные занятия: рав Ицхак надевал на мужчин талит и тфилин, после совместной молитвы отвечал на вопросы.

ОХ УЖ ЭТИ КОГАНЫ!

Вы будете смеяться, но благодаря приезду рава Ицхака в Челны на праздник Ту-би шват молодые деревья появились... в Эрец-Исраэль! Об этом нам рассказал Евгений Коган:

Е. Коган

– Мы собрали деньги и перечислили в Иерусалим. И от имени челнинских евреев там посадили семь деревьев.

Евгений Коган – не только деятельный заместитель председателя ЕОЦа, но и гендиректор фирмы «КОРА», машиностроительного инжинирингового предприятия. В Набережных Челнах он с 1981 года, «еврейскими делами» занимается не так давно. А еще Евгений Ефимович – отец весьма почтенного семейства.

...Мы с удовольствием едим вкуснейшую рыбу, приготовленную Валентиной, женой Евгения, а счастливые родители с гордостью рассказывают о своих чадах. У Коганов шестеро детей – пятеро сыновей и дочь. «Дочка – пятая по счету. Первый Игорь, второй Дима, потом Олег, потом Костя, потом Аня, последний – Ефим», – перечисляет Евгений Ефимович.

Дима окончил Нижегородский государственный университет и живет в Челнах. Олег заканчивает Нижегородский же строительный, Аня учится в Екатеринбурге в художественно-архитектурной академии. Ефим – челнинский школьник, ему 14. А Костя служит в израильской армии и пишет оттуда для газеты «Вместе» трогательные репортажи о военных буднях.

Старший сын приехал из Израиля в прошлом году, там он учился в Иерусалимском университете и служил в армии. А когда вернулся, его «рекрутировали» на преподавание иврита в воскресной школе. Игорь особо не сопротивлялся...

В Челнах он женился. Вот свидетельство за подписью председателя совета фонда «Иехиль Лэкет» (Иерусалим):

В ознаменование своего бракосочетания Игорь и Ирина Коган как символ создания новой семьи посадили кедр на Святой земле. Пусть любовь их будет вечной, как зелен кедр, а само дерево послужит прообразом генеалогического древа их потомков.

Так что, наверное, сажать деревья у Коганов – просто семейная традиция...

Жена Игоря Ирина – солистка танцевального ансамбля «Руах Каля», победитель и лауреат многих конкурсов. В настоящее время, правда, Ирине танцевать сложно: недавно у «старших-младших» Коганов родилась дочь. И мы их поздравляем!

«ДЕТИ» СОНЦА И АМБИЦИОЗНАЯ «ПРОВИНЦИЯ»

Однако челнинские евреи – не только строители, энергетики, гонщики и дальнбойщики. В их душах всегда звучала и звучит музыка!

Челны регулярно навещает казанский ансамбль «Симха». Дружба эта завязалась еще при Леониде Сонце – легендарном создателе и руководителе одного из первых в СССР клезмерских коллективов.

Полина Шеперд, урожденная Товштейн, – пианистка, певица, композитор, аранжировщик и руководитель вокального квартета «Ашкеназим» – начинала свой путь в организованном Сонцем самодеятельном кружке, а продолжала в его «Симхе». Потом создала свой квартет, который первоначально назывался «Лехаим». Тогда он исполнял песни на иврите, идише, ладино, русском.

Теперь «Ашкеназим» поют только на идише и только на музыку, написанную Полиной и/или в ее аранжировках, – деятельная руководительница ансамбля входит в движение за возрождение идиша. А кроме того, пропагандирует импровизационное пение, основанное на еврейских ладах и инструментальной орнаментации, выступает с сольной программой песен на идише, проводит семинары по нигуним (еврейским песням без слов). Музыка Полины Шеперд для еврейского театра и композиции на стихи еврейских поэтов исполняют многие хоры и солисты.

А еще Полина несколько лет подряд была художественным руководителем Фестиваля еврейской культуры имени Юрия Плинера. В рамках фестиваля каждый год 15 февраля ансамбль «Симха» организовывал в Казани концерты памяти Леонида Сонца «С днем рождения, Маэстро!».

Сейчас наша героиня живет в Брайтоне (Великобритания), продолжает руководить вокальным квартетом «Ашкеназим», объездившим с гастролями Россию, Европу, США. Конечно, теперь, когда Полина не живет в России, работать квартету стало сложнее.

Но музыка в Челнах по-прежнему звучит!

Камерному оркестру Игоря Лермана исполнилось 20 лет – для музыкального коллектива это возраст творческой зрелости. За эти годы «Провинция» была замечена в очень даже столичной компании: с нею выступали Елена Образцова, Николай Петров, Виктор Третьяков, «Виртуозы Москвы» Владимира Спивакова и другие звездные солисты

и коллективы. «Я на сцене 43 года, и это один из лучших оркестров, с которыми я пела», – отозвалась о «Провинции» Елена Образцова. Ей вторит Юрий Башмет: «Оркестр играет на высочайшем профессиональном уровне».

И. Лерман

«Провинция» отнюдь не провинциальна: исполнение чистое и тонкое, репертуар очень разнообразен – от музыки барокко до современных авторов. Ее обработкой, созданием транскрипций занимается сам Игорь Лерман, он же организует гастроли, а также издает сборники переложений для камерного оркестра и солистов, преподает в Казанской консерватории. И вполне заслуженно получил звание заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан.

Оркестр записал шесть компакт-дисков. Особенно интересен последний – «Концерт в местечке». Это еврейские народные песни и еврейские темы из Шостаковича, Прокофьева, Ахрона, Бруха в обработке Лермана. Свой диск Игорь посвятил памяти мамы, открывает «Концерт» ее любимое произведение – «Мелодия» Глюка. И эта музыка – таки да, берет за сердце, когда плачет, и за печеньку, когда смеется!

Игорь Лерман не только талантливый дирижер и педагог, сильный «музыкальный менеджер». Он – художественный руководитель Органного зала Набережных Челнов. А недавно возглавил «Татарский Ренессанс»: в городе на Каме Игорь организовал и провел Первый международный фестиваль классической и фольклорной музыки. В нем, кроме «Провинции», участвовал Владимир Спиваков и его самозабвенные «Виртуозы Москвы», блестяще дирижировал Государственным симфоническим оркестром Татарстана Фабио Мастранжело и неподражаемо играл на органе Рубин Абдуллин.

Приветствуя участников фестиваля, раввин Татарстана Ицхак Горелик сказал:

– Тора называет музыку «пером души», так как в ней человек может передать свои самые глубокие чувства, мысли, желания, как с помощью пера, которым пишет. Музыка, преодолевая культурные и языковые границы, сближает разные народы, что было важно всегда, и в наше время тоже.

БОЛЬ УТРАТЫ

Уходят, уходят...

Михаил Доля два года был директором воскресной школы, вел занятия по истории еврейского народа. Один воспитывал двух сыновей. Читал интереснейшие лекции в Политехе, написал диссертацию по каббалистике. Но не успел защитить. Однажды после лекции спускался по лестнице в институте, прихватило сердце. Врачи «скорой» спасти не сумели. Его хоронил весь институт вместе с общиной, по еврейскому обряду: миньян, кадиш...

Нет больше Софьи Ильиничны Вайнберг, одного из основателей общины. Именно она рассказывала местным евреям о национальных традициях еще в начале 1990-х, когда подобной информации было мало. Софья Ильинична была очень деятельным человеком: писала интереснейшие воспоминания в газету «Вместе», сценарии спектаклей, создавала костюмы для них, репетировала со взрослыми и детьми. Писала картины маслом на библейские темы. Большинство из них сын передал в дар общине...

После смерти Владимира Давыдовича Вейцброта, собравшего за свою долгую жизнь огромную библиотеку, его дочь Елена подарила его библиотеку городу и частично воскресной еврейской школе.

Вскоре после нашего возвращения из Набережных Челнов оттуда пришла скорбная весть: трагически погиб Александр Аронович Либерман – директор Центра образования имени Давыдова, профессор, кандидат психологических наук, создатель новой формы обучения, научный руководитель психологической лаборатории и многих других образовательных проектов для школьников и студентов...

Казалось, только вчера мы сидели за чашкой чая и смеялись веселым майсам его отца Арона Натановича, слушали полный гордости за любимого сына и внуков рассказ его милой мамы Людмилы Семеновны, восхищались богатой библиотекой...

Шестеро детей остались без любящего отца, а Центр образования, который уже давно зовут школой Либермана, – без заботливого директора. Не стало прекрасного профессионала, учителя, ученого, друга, коллеги, родного и любимого человека. Это большое горе для семьи, тяжелая утрата для еврейской общины и для всего города.

Смерть Александра Либермана – причина склонить голову, но не повод опускать руки: его дети должны расти и учиться, пожилые родители – ощущать каждодневную заботу близких, Центр образования – плодотворно работать, коллеги – продолжить начатое им дело.

Мы скорбим вместе с вами...

* * *

Практичность, деловитость, динамичность, мобильность (и, конечно же, «автомобильность»!) – вот характерные черты, присущие молодому городу на Каме и многим его обитателям. У них есть чему поучиться.

«ЧТО Я ДУМАЮ О ЕВРЕЙСКОМ ИСКУССТВЕ...»

Ī àdē Øàãñē

В прошлом номере мы предложили вниманию читателей страницы готовящейся в издательстве «Текст» книги автобиографических заметок Марка Шагала. Ныне мы представляем другое издание текстов художника: в «Чейсовской коллекции» («Текст»/«Книжники») готовится сборник его публичных выступлений – эссе, статей, лекций и речей, записанных или надиктованных на протяжении всей его долгой жизни. Книга выходит в переводе с английского языка, под редакцией Бенджамина Харшава, с его предисловиями и комментариями, составляющими отдельный и весьма значительный исследовательский текст. вниманию читателей предлагаются две главы из книги.

Как я работал в Еврейском камерном театре. 1921–1928^[1]

Пришло время резких, революционных перемен. В открытом по инициативе Шагала Народном художественном училище Казимир Малевич пропагандировал супрематизм – абстрактное, минималистское, геометричное искусство, создав художественное объединение УНОВИС («Утвердители нового искусства»). Шагал помог опубликовать первую программную брошюру Малевича, но впоследствии потерял всех своих учеников – слушатели его мастер-класса увлеклись новым, более радикальным направлением в искусстве. Шагал был категоричен, выступая против академизма и рутины в живописи, против реализма и психологизма. Он был за революцию в искусстве, но считал, что оно должно, пусть даже искаженно, отражать действительность и раскрывать внутренний мир художника. Летом 1920 года Шагал ушел из витебского училища, которое до тех пор возглавлял, и вместе с женой и дочерью отправился в Москву.

Осенью того же года экспериментальный Еврейский камерный театр, основанный Алексеем Грановским в Петрограде, переехал в Москву – новую столицу Советской России. Театр расположился в брошенной квартире, ее богатые хозяева бежали из страны во время революции. В бывшей кухне соорудили сцену, а в гостиной устроили зрительный зал на девяносто мест. Абрам Эфрос, заведовавший в театре художественной частью, уговорил Грановского заказать Шагалу художественное оформление первого московского спектакля, состоящего из трех одноактных пьес Шолом-Алейхема.

Шагал с головой ушел в работу и за сорок дней, в ноябре–декабре 1920 года, закончил свой шедевр. Художник не просто украсил театр, он включил его в контекст собственной живописной композиции. Конструкция сцены, грим актеров, живописные панно на стенах театра – все это было создано Шагалом. Неудивительно, что театр стали называть «шагаловской шкатулкой»^[2]. Под влиянием Шагала новаторский театр Грановского приобрел новое лицо. За короткое время он стал одним из самых известных театральных коллективов в России и в Западной Европе.

Шагал вспоминал об этой работе в двух статьях. Первую он написал в 1928 году, когда театр получил разрешение на гастрольную поездку по западным странам (за основу были взяты более ранние мемуары Шагала 1921 года). Вторая статья вышла в свет

в 1944 году, после того как Соломон Михоэлс, новый руководитель Еврейского театра, побывал в Нью-Йорке.

* * *

– Вот стены, – сказал Эфрос, – и делай с ними что хочешь.

Это была брошенная, нежилая квартира, ее хозяева уехали.

– Смотри, здесь будут скамьи для зрителей, там – сцена.

Честно признаться, «здесь» я не видел ничего, кроме остатков кухни, а «там»...

«Долой старый театр, провонявший чесноком и потом!»^[3] – воскликнул я. – Да здравствует...» – И набросился на стены. На полу холсты^[4], рабочие и актеры перешагивают через них, бродят по отремонтированным комнатам и коридорам, среди щепок, стамесок, тубиков с красками, эскизов.

Ключья Гражданской войны – продуктовые карточки, бумажки с номерами из всевозможных очередей – разбросаны тут же. Порой мне даже нравилось лежать вот так. У меня на родине покойников клали на землю. Родные плакали, распростершись у изголовья. Да и сам я потом полюбил лежать на земле, нашептывая ей свои жалобы, молитвы...

Я вспоминал своего прадеда, который расписывал синагогу в Могилеве^[5], и плакал: ну почему он не взял меня сто лет назад к себе хотя бы подмастерьем? Ну разве не жаль, что он, заступник мой перед Г-сподом, покоится сейчас в могилевской земле? Он бы рассказал, какие чудеса творила его кисть в местечке Лиозно. Вдохни в меня, мой бородатый предок, хоть капельку еврейской истины!^[6]

Проголодавшись, я посылал швейцара Эфраима за молоком и хлебом. Собственно, это было не совсем молоко и не совсем хлеб. В молоке – вода и крахмал, в хлебе – овес и какая-то труха табачного цвета. Может, это и правда настоящее молоко, а может – от какой-нибудь революционной коровы. Может, сукин сын Эфраим подмешивал в воду какую-то гадость и подавал мне. Чью-то белую кровь... Я пил, ел, приободрялся. Эфраим, представитель рабочих и крестьян, вдохновлял меня. Если бы не он, разве у меня что-нибудь получилось бы? Его нос, его убогость, его тупость, его вши, переползавшие с него на меня – и обратно. Он стоял рядом, неуверенно улыбаясь. Он не знал, на что смотреть – на меня или на мои художества. И то и другое выглядело чудно. Где ты сейчас, Эфраим? И кто еще помнит меня? Может, ты и простой швейцар, но иногда ты стоял возле кассы и проверял билеты. Я часто думал: надо бы им взять его на сцену, ведь взяли же они супругу швейцара Каца? Ее фигура напоминала кубометр сырых дров, присыпанных снегом. Втащите-ка дрова на пятый этаж и сложите в комнате. Запотеют – не то слово... На репетициях она визжала и ревела, как жеребая кобыла. А ее груди! Врагу не пожелал бы смотреть на них. Ужас.

Сразу за дверью – кабинет Грановского. Пока помещение не готово, у него мало работы. В комнатухе не протолкнуться. Он распластался на кровати, под кроватью опилки. Сейчас он болеет. «Как здоровье, Алексей Михайлович?»

Так он лежит, улыбается, язвит или бранится. И часто крепким словцом, по матушке и по батюшке, честит меня или того, кто первым подвернется. Не знаю,

улыбается ли Грановский сейчас, но тогда его грустная улыбка, как Эфраимово молоко, успокаивала меня. Правда, порой мне казалось, я его раздражаю, но я не решался спросить, любит ли он меня.

Так я и уехал из России, не узнав этого.

Я давно мечтал поработать в театре. Еще в 1911 году Яков Тугендхольд^[7] писал, что предметы на моих картинах живые и что я вполне мог бы сделать декорации для психологической драмы. Я задумался. И вот в 1914 году Тугендхольд посоветовал Таирову, руководителю Московского камерного театра, взять меня оформителем «Виндзорских насмешниц» Шекспира.

Мы встретились и мирно разошлись. Но кубок был переполнен^[8]. Сидя у себя в Витебске – комиссарствуя, насаждая искусство по всей губернии, множа учеников-врагов, – я ужасно обрадовался, получив в 1918 году^[9] приглашение от Грановского и Эфроса. Они звали меня поработать в только что открытом театре, где будут ставить пьесы на идише. Ну как описать вам Эфроса? Одни ноги. Не шумный, не тихий, он всегда в движении. Вечно снует туда-сюда, блещет очками, мелькает его борода, то он здесь, то он там. Эфрос одновременно всюду. Мы с ним большие приятели и обязательно встречаемся раз в пять лет. О Грановском я впервые услышал в Петрограде, во время войны. Он ученик Рейнхардта и получил известность благодаря массовым постановкам. С тех пор как Рейнхардт привез в Россию «Царя Эдипа», эти массовые действия стали пользоваться успехом. Грановский набирал для своих спектаклей не профессиональных актеров, а любителей, людей самых разных профессий. Отовсюду. Именно они впоследствии образовали еврейский театр-студию.

Я видел эти пьесы, поставленные в реалистическом духе, по Станиславскому. И, прибыв в Москву, очень волновался. Мне казалось, во всяком случае поначалу, что мы с Грановским не сработаемся. Я не привык доверять никому и ничему, он – самоуверен, ироничен. Но главное – он абсолютно не Шагал.

Мне предложили расписать стены для первого спектакля. «Отлично, – подумал я, – вот прекрасная возможность перевернуть старый еврейский театр, со всем этим реализмом, натурализмом, психологизмом и накладными бородами». И взялся за дело. Я надеялся, что, по крайней мере, несколько актеров Еврейского камерного театра и театра «Габима»^[10] (куда меня позвали оформлять спектакль «Диббук») сумеют понять новое искусство и откажутся от старых правил. Я сделал наброски. На одной стене я хотел в общем плане представить зрителям народный еврейский театр. На остальных стенах и на потолке будут клезмеры, свадебный шут, танцовщицы, переписчик Торы^[11] и влюбленная парочка, парящая над сценой, а рядом – всевозможные яства, пироги, фрукты, столы с угощением, и все это на фризе^[12]. Напротив – сцена, где играют актеры. Работа была трудная, я понемногу осваивался на новом месте. Грановский, похоже, находился в процессе перехода от Рейнхардта и Станиславского к чему-то еще. В моем присутствии он был каким-то рассеянным, задумчивым. Порой мне казалось, что я ему досаждаю. Так ли это? Не знаю, он никогда со мной не откровенничал. А я сам не заговаривал с ним о серьезных вещах. Эту стену отчуждения пробил актер Михозлс, такой же изголодавшийся, как и я. Он часто подходил ко мне – глаза навывкате, крутой лоб, волосы дыбом, приплюснутый нос, пухлые губы – впечатляющее зрелище

Он ловит мою мысль раньше, чем я ее выскажу, и всем своим угловатым телом пытается уловить суть. Никогда его не забуду. Он смотрел, как я работаю, просил разрешения взять домой эскизы – чтобы как следует вникнуть в образ, привыкнуть к нему,

прочувствовать. И однажды радостно заявил: «Знаете, я изучил ваши рисунки и все понял. Я полностью изменил трактовку образа. Теперь все смотрят на меня и не могут понять, в чем дело».

Я улыбнулся. И он улыбнулся в ответ. Другие актеры тоже стали как бы невзначай подходить ко мне, разглядывали холсты, пытались угадать, что же там такое, вдруг и для них что-то изменится? Материала для костюмов и декораций не хватало. В последний день перед премьерой мне принесли кучу заношенной, ветхой одежды. В карманах попадались окурки, сухие хлебные крошки. Я быстро раскрасил костюмы. В день премьеры я так и не смог выйти в зрительный зал. Я был весь вымазан краской. За считанные минуты до того, как поднялся занавес, я кинулся на сцену – расцветить последними штрихами некоторые костюмы: не выношу «реализма». И вдруг – конфликт. Грановский вывешивает на сцене обычное, простое полотенце! Я заметил это и кричу: «Простое полотенце?»

«А кто тут режиссер, вы или я?» – отвечает он.

Бедное мое сердце!

Меня попросили сделать декорации для «Диббука» в театре «Габима». Я не знал, как поступить. Эти два театра враждовали друг с другом. Но я не мог пойти в «Габиму», где актеры не играли, а молились, бедняги, на систему Станиславского.

У нас с Грановским, как он сам выразился, роман не сложился. Вахтангов (который к тому времени поставил только «Сверчка на печи») был мне совсем не знаком. Казалось, нам будет трудно найти общий язык. На явную любовь я отвечаю любовью, а заметив неуверенность и сомнения, разворачиваюсь и ухожу.

Например, в 1922 году меня любезно пригласили во Второй Художественный театр Станиславского поставить вместе с режиссером Диким [\[13\]](#) пьесу Синга «Герой».

Я взялся за дело, но труппа объявила забастовку: «Невразумительно».

После этого они позвали кого-то еще, и пьеса провалилась. Ничего удивительного.

На первой репетиции «Диббука» в «Габиме», глядя, как работает с актерами Вахтангов, я подумал: «Он русский и грузин, мы видим друг друга впервые. Может, он читает в моих глазах хаос и сумятицу Востока. Суевликий народец, и искусство у них какое-то непонятное, чудное... Так что же я смущаюсь, краснею и поедаю его глазами?»

И все же каплю отравы я в него заронил – Вахтангов признавался в этом позже и при мне, и за моей спиной. После меня придут другие, они станут повторять мои же слова и жалобы, но не в такой резкой форме, и потому их услышат.

В конце концов я спросил Вахтангова, какой он видит постановку «Диббука». Он спокойно и веско произнес, что единственная верная линия для него – система Станиславского.

«Нет такого направления для возрожденного еврейского театра», – заявил я.

Наши пути разошлись. А Цемаху[14] я сказал: «Все равно вы поставите пьесу по-моему, даже без меня. Иначе просто невозможно» – и вышел на улицу.

Вернувшись домой, в детскую колонию в Малаховке, я вспоминал свою последнюю встречу с Ан-ским[15], на званом вечере в 1915 году в Калашниковской бирже[16]. Качая седой головой, он поцеловал меня и сказал: «У меня есть пьеса, “Диббук”, и только вам по силам ее оформить. Я сразу подумал о вас». Стоявший рядом Баал-Махшовес одобрительно кивнул, блеснув очками.

«Так что же мне делать? Что же делать?»

Потом я узнал, что год спустя Вахтангов часами просиживал над моими эскизами и в результате пригласил другого художника – но попросил его, как говорит Цемах, сделать эскизы «под Шагала». А у Грановского, слышал я, они и сами себя перешагалили. Ну и слава Б-гу.

Малаховка, 1921 – Париж, 1928

Р. S. Только что узнал, что москвичи за границей. Всяческих им благ!

О еврейском искусстве – Листки 1922[17]

Проработав меньше двух лет уполномоченным по делам искусства в Витебске, Шагала вынужден был уйти из художественного училища, которое с таким энтузиазмом создавал. Неизвестно, выгнали его или он просто устал от административной работы – ведь ему приходилось сражаться то с партийными руководителями, то с коллегами по творческому цеху, которые стремились показать себя еще большими революционерами, чем он сам (такую позицию заняли даже бывшие друзья Шагала – Казимир Малевич и Эль Лисицкий). Летом 1920 года Шагала с женой и четырехлетней дочкой переезжает из Витебска в Москву. В то время благодаря политике большевиков, провозглашавших равенство и братство всех народов, еврейская светская культура переживает бурный подъем. Шагала тоже включается в эту созидательную работу. Он создает панно и декорации для Еврейского камерного театра и работает учителем рисования и еврейской литературы в колонии для еврейских детей-сирот в подмосковной Малаховке. Поэтому вовсе не случайно его попросили сказать несколько слов по поводу еврейского искусства для читателей литературно-публицистического журнала «Штрот» (это название переводится как «бурный поток» – понятие, ставшее метафорой революции).

* * *

Несколько слов, товарищи, по интересующему вас вопросу: что я думаю о еврейском искусстве.

Еще совсем недавно в еврейских творческих кругах шли жаркие споры о так называемом еврейском искусстве.

И вот в результате всего этого шума и гама обнаружилась группа еврейских художников. Среди них Марк Шагала.

Когда со мной приключилось такое «несчастье», я уже был в Витебске (только вернулся из Парижа) и лишь улыбнулся. Тогда у меня было полно других дел.

С одной стороны – еврейский, «новый мир»[\[18\]](#), столь ненавистный Литвакову[\[19\]](#): все эти улочки родного штетла, скрюченные, селедочные обыватели, зеленые евреи, дядюшки, тетушки, с их вечным: «Слава Б-гу, ты вырос, стал большим человеком!» И я все время их рисовал.

С другой стороны, тогда я был моложе лет этак на сто, и я любил их, просто любил. И для меня это было важнее, это захватывало меня больше, чем мысль о том, что мое предназначение – быть еврейским художником.

Как-то, в бытность мою в Париже, я сидел в своей комнатухе в «Улье»[\[20\]](#), где у меня была мастерская, и услышал за перегородкой голоса двух еврейских эмигрантов. Они спорили: «Так что ты думаешь, разве Антокольский, в конце концов, не еврейский художник? Или Исраэлс, или Либерман?»[\[21\]](#)

Тусклый свет лампы едва освещал мою картину, поставленную вверх тормашками (да, так я работаю – ну что, довольны?!), и наконец, когда над парижским небом стал заниматься рассвет, я от души посмеялся над праздными рассуждениями моих соседей о судьбах еврейского искусства[\[22\]](#). «Ну ладно, вы еще поговорите – а я пока поработаю».

Представители всех стран и народов! К вам обращаюсь я (невольно вспомнил Шпенглера). Скажите честно: теперь, когда в Кремле сидит Ленин и даже щепки не достать [для печки], все в чаду, жена бранится, – где сейчас ваше «национальное искусство»?

Вы, радители интернационального искусства: и умник-немец Херман Вальден[\[23\]](#) со товарищи, и утонченные французы Метзингер и Глез[\[24\]](#) (если вы еще живы), – я знаю, что скажете вы мне в ответ: «Ты прав, Шагал!» Евреи, будь у них такое желание (у меня есть), могли бы погоревать о том, что художники, украшавшие орнаментом деревянные синагоги в штетлах (о, почему я не лежу с вами в одной могиле!), и резчики, изготовлявшие узорные трещотки (я видел такие в коллекции Ан-ского[\[25\]](#), старые и обугленные), канули в прошлое. Но на самом деле какая разница между моим могилевским прапрадедом Сегалом[\[26\]](#), который расписал синагогу в Могилеве, и мной, разрисовавшим еврейский театр (и хороший театр!) в Москве? Уверяю вас, нам одинаково досаждали вши, хотя один из нас ползал по доскам в синагогах, а другой – по полу в театре. Более того, я уверен, что, если я перестану бриться, вы увидите точный его портрет...

Во всяком случае, отец мой [был на него похож]. Поверьте мне, я старался как мог, а уж сколько любви (и какой любви!) мы в это дело вложили!

Разница лишь в том, что он [Сегал] рисовал, следуя религиозным канонам, ну а я учился живописи в Париже, о котором он тоже наверняка кое-что слышал. И все же... Ни он, ни другие такие же (а они есть) – это еще не все еврейское искусство. Давайте посмотрим правде в глаза. Откуда этому искусству взяться? Не родится же оно, прости Г-споди, просто по чьему-то приказанию! Оттого, что Эфрос[\[27\]](#) напишет статью, или потому что Левитан[\[28\]](#) пропишет мне «академический паек»!..

Было когда-то японское искусство, египетское, персидское, греческое. Начиная с эпохи Возрождения национальные искусства постепенно приходят в упадок. Границы размываются. Вперед выступают художники – отдельные личности, граждане той или иной страны, рожденные здесь или там (благословен родной мой Витебск!), и без помощи хорошего регистратора или даже паспортиста (по еврейской части) определить «национальность» всех художников уже не удастся.

И все-таки мне кажется: если бы я не был евреем (в том смысле, какой я вкладываю в это слово), я бы не был художником – или стал бы совсем другим художником.

И где же тут новость?

Лично я прекрасно знаю, на что способна эта маленькая нация.

Но, к сожалению, я слишком скромн и не могу вслух произнести, чего она может добиться.

А ведь добилась она уже немало.

Захотела – и явила миру Христа и христианское учение.

Пожелала – и дала Маркса и социализм.

Может ли такое быть, чтобы она не показала миру немного искусства?

Неприменно покажет!

Убейте меня, если нет.

[1] Переведено с идиша. Написано по случаю западноевропейского турне Московского еврейского камерного театра и опубликовано в 1928 году в майском номере (№ 2) «Ди идише велт» (ежемесячный журнал о литературе, критике, искусстве и культуре. Вильна, изд-во Клецкина). Это, по сути, дополненная и переработанная версия главы из книги воспоминаний Шагала «Моя жизнь».

[2] Театру Грановского и работе Шагала в этом театре посвящена книга: В. Harshav, «The Moscow Yiddish Theater».

[3] Имеется в виду старый еврейский театр как зрелище для простонародья.

[4] Шагал использовал для своих панно сшитые вместе холсты. Их разместили затем на стенах театра.

[5] Имеется в виду Хаим Сегал, живший в XVIII веке и расписывавший синагоги в Могилевской губернии. Возможно, он являлся дальним предком Шагала (поскольку родители Шагала были родом из Лиозно, которое находилось в Могилевской губернии), однако документальных свидетельств такого родства нет. С другой стороны, слово «элтер-зейде» («прадед»), которое находим в идишском варианте статьи, может означать и более обобщенное «предок, пращур», причем необязательно родственник.

[6] «Еврейская истина» в данном контексте – проверенное временем, то, на что можно положиться.

[7] Яков Александрович Тугендхольд (1882–1928) – русский художественный критик.

[8] Кубок слез и страданий переполнен – старинный еврейский мотив, особенно ярко поданный в написанном на идише стихотворении Шимона Фруга (1860–1916).

[9] Здесь Шагал, как это часто с ним случалось, путает даты. Это приглашение он получил лишь в конце 1920 года.

[10] Театр «Габима», основанный в Москве в 1917 году, показывал спектакли на иврите, который в те годы активно возрождался и составлял своеобразную конкуренцию идишу. Режиссером театра был Евгений Вахтангов, ученик К.С. Станиславского. После гастролей в Западной Европе в 1926 году труппа «Габимы» предпочла остаться на Западе и в конце концов обосновалась в Палестине. Впоследствии «Габима» стала национальным театром Государства Израиль.

[11] Здесь Шагал называет еврейские традиционные образы, представленные на панно соответственно как Музыка, Театр, Танец и Литература.

[12] По мнению некоторых исследователей, Шагал также расписал потолок. Однако никаких указаний на это не содержится ни в этом тексте, ни в описании работ для камерного театра, составленном Шагалом в конце 1921 года для послужного списка.

[13] Алексей Денисович Дикий (1889–1955) – режиссер и актер, играл у Станиславского в спектаклях 1-й студии МХАТ и ставил спектакли в других театрах, в том числе в Еврейском театре-студии и в «Габиме».

[14] Нахум Цемах (1887–1939) – основатель театра «Габима», в 1926 году во время зарубежных гастролей остался в США.

[15] С. Ан-ский (наст. имя Соломон Раппопорт; 1863–1920) – уроженец Витебской губернии, собиратель фольклора и писатель, автор знаменитой пьесы «Диббук». Ан-ский организовал этнографическую экспедицию по местечкам в черте еврейской оседлости.

[16] Калашниковская хлебная биржа в С.-Петербурге была не только местом, где проводились торги, но и центром отдыха, где устраивали различные балы и прочие торжественные мероприятия.

[17] Переведено на английский с идиша. Впервые опубликовано на идише в московском литературном журнале «Штром», № 1 за 1922 год.

[18] Шагал вкладывает в слово «новый» ироничный смысл. Имеются в виду «люди старого мира», «старомодные».

[19] Мойше Литваков (1875–1938?) – литератор, писавший на идише. До революции был убежденным сионистом, затем вступил в Коммунистическую партию и стал руководителем Евсекции (Еврейской секции Коммунистической партии) и редактором газеты «Эмес» («Правда»), издававшейся на идише. Литваков призывал к искоренению еврейских религиозных обрядов и других проявлений национализма. Шагал имеет в виду нападки Литвакова на московских еврейских писателей, которые пытались выстроить новую, светскую еврейскую культуру, основываясь на образном строе старой культуры. Литваков исключил этих писателей из числа авторов коммунистической газеты, которую он возглавлял.

[20] La Ruche («Улей») – так называлось общежитие художников-иммигрантов в Париже. С 1911 по 1914 год Шагал занимал там комнату с мастерской.

[21] Евреи-художники: Исраэлс Йосеф (1824–1911), Исраэлс Исаак (1865–1934) – голландские живописцы, Макс Либерман (1847–1935) – немецкий художник-импрессионист.

[22] Идеей создания «еврейского искусства» увлекались многие коллеги Шагала, которых он знал по «Улью». Может, он и был для них живым примером, однако сам Шагал предпочитал иметь дело с французским искусством и его представителями.

[23] Херварт Вальден (наст. имя Георгий Левин; 1878–1941) – основатель немецкого журнала «Дер Штурм» экспрессионистского направления, владелец одноименной галереи, где выставлялись работы художников-авангардистов из разных стран. В 1914 году организовал первую персональную выставку работ Шагала.

В начале 1933 года, после прихода Гитлера к власти, эмигрировал в СССР. В 1941 году был арестован и погиб в сталинских застенках.

[24] Художники Альбер Глез и Жан Метзингер, с которыми Шагал познакомился в Париже, были авторами первой книги о кубизме «Du cubisme», Paris: Figurie`re, 1912.

[25] См. примеч. 15.

[26] См. примеч. 5.

[27] Абрам Эфрос (1888–1954) – искусствовед, художественный критик, один из авторов первой монографии о Шагале. Эфрос заведовал художественной частью в Еврейском камерном театре в Москве и в 1920 году попросил Шагала оформить помещение театра.

[28] Исаак Левитан (1861–1900) – мастер лирического реалистического пейзажа в русской живописи. Эта фраза содержит в себе мрачную иронию: покойный мэтр «академического» направления решает, какой «академический паек» полагается Шагалу, т. е. насколько ценно его искусство.

ЕВРЕЙСТВО В КРИЗИСЕ КУЛЬТУРЫ

Еврейская точка зрения: Матвей Каган

Ėāī ēā Ėāōēñ

Окончание. Начало в № 2, 2009

2. Что такое «иудаизация христианства»

Сама идея о том, что современное ему христианство требует иудаизации в некоей духовной форме, требует доказательства, тем более что неокантианец Матвей Каган принадлежит к традиции так называемой «научной философии» Германа Когена, который немало писал на эту тему.

Поэтому Каган прямо обращается к рассуждениям о том, что реальная проблема истории состоит в том, что мир еще не построен, что работа над внутренним очищением мира чужда эстетски-внешнему язычеству, основанному на идее эстетического просветления, а не на идее исторической. Ведь для язычника мир готов с самого начала, и исправлять в нем что-то, тем более внутренне, нечего.

Поэтому и христианская задача истории (по Кагану) – задача «по существу иудейская».

В свою очередь, идея воплощенной святости, идея конкретного героя-жертвы, искупителя и т. д., сделала христианство понятным и приемлемым для языческого мира. Ведь наличие конкретного плотского Спасителя с неизбежностью приводит к его эстетизации, даже если это эстетизация смерти, ран, стигматов и т. д.

Однако, оставаясь еврейским философом, Каган формулирует и свое понимание исторической задачи иудейства перед лицом христианства.

«Пантеистическая струя христианства, абстрактно живущая в нем, сделала его и внутренне понятным, и приемлемым для всех народов и отделила себя тем самым от иудейства. Будучи само по себе тоже исторически-этическим, язычество не поэтому отделило себя от иудейства в его идее. Должно сказать, наконец, что в идейной истории строгости христианства альтруизм, конечно, уступает иудейству»^[1]. Дальнейший текст Матвея Кагана практически следует позднейшей работе Германа Когена «О ближнем»: «Все то, что подчас говорят об этом в виде опровержения, ныне должно признать в лучшем случае недоразумением. Ведь и “люби ближнего как самого себя” в иудействе гораздо альтруистичнее выражено. “Rea” не только ближний, но и “другой”, alter; а “coimoicho” означает вернее: “он-ты”, второе лицо, как основание, почему надо

любить другого. Ведь и пресловутое приписывание иудейской идее “око за око” не меньшее недоразумение. Ведь оно в контексте относится к штрафам и наказаниям в защиту рабов и обиженных. За око обиженного слабого – око обидчика, сильного произволом! Не знаю, включает ли это “люби ближнего” и самого себя!»[\[2\]](#)

Здесь мы ненадолго остановимся, чтобы отметить, что философию Матвея Кагана часто, если не всегда (за редким исключением работ Брайана Пула, впрочем, далеких от нашей проблематики), включают в контекст философствования христианина Михаила Бахтина, действительно друга и собеседника Кагана. Однако делается это вне того иудейского контекста, в котором находятся все размышления Кагана. Более того, даже откровенно еврейские тексты еще одного теоретика проблемы «он-ты», сиониста, соратника Теодора Герцля и еврейского философа Мартина Бубера, тоже очищаются от их иудейского контекста и тоже приводятся к виду, легко сопоставимому с ранними текстами Бахтина, которые, однако, сами испытали на себе влияние и Когена, и Кагана.

Вернемся к нашей теме. Разбор очевидных для иудея особенностей изложения еврейского закона, которые были абсолютизированы в христианской мысли до роли чуть ли не символа жестокости в иудаизме (отсюда и настойчивое употребление Каганом термина «альтруизм»), Каган переводит в обсуждение проблемы места антропоморфного Героя-спасителя, как он понимается в христианстве, и, соответственно, вопроса о том, что подобный Герой (в эллинистическом смысле) может значить для иудейства.

Каган пишет, продолжая свои размышления об «Его», на которых мы прервали цитату: «Навряд ли эгоистическое “ego” было исходным пунктом и мерилom. Исторически это было бы нелепостью именно по отношению к иудейству, которое, живя по принципу коллективной индивидуальности и будучи индивидуальностью страдающей, принявшей на себя страдание, по существу и совершило воплощение Страдающего Христа как индивидуума, конкретно и природно жившего как Героя»[\[3\]](#).

Понятно, что идея избранности народа автоматически делает это избранничество индивидуальным актом Всевышнего, так как другого избранничества история не знает. Кроме того, раз избранничество было Синайским откровением, или Заветом, а за моментом получения Моше скрижалей следили 600 тыс. свидетелей, то и иудаизм стал религией коллективного свидетельства и коллективной ответственности, равно как и «коллективной индивидуальностью, принявшей коллективное страдание».

Для такого типа религиозного переживания нет никакой необходимости в личностном выражении жертвенного Героизма. Да и еврейство часто называется «коллективной личностью», а, например, праздник Песах именуется «Днем коллективного воскресения». Именно такой термин употребил в этом случае, например, Лев Выготский.

В сущности, Матвей Каган показывает, почему иудеям нет необходимости верить в «живого мессию» – Христа. Эта внешняя форма жертвенности и героизма (в античном плане) лишает иудаизм задачи преобразования несовершенного мира – так как идеальная, да еще и богочеловеческая личность уже была явлена человечеству.

Именно здесь Каган прямо переходит к открытой формулировке причин неприятия иудаизмом Христа: «И идея абсолютно ответственной и творческой единичной индивидуальности человека гораздо чеканнее у пророка, когда он требует и прокламирует, что человек не есть только потомок, не подрывая при этом идеи рода и рождения культурного творчества в единстве ответственности за всю культуру во всей ее связанности, – гораздо чеканнее, чем в факте Христа, который является жившим Героем,

которому надо уподобляться. Упорное неприятие еврейством христианства есть нежелание пожертвовать идеей непантеистического альтруизма, чистота которого требует идеи истории как таковой в ее непантеистической свободе, без которой свобода как таковая может быть подорвана по существу. Пантеистический альтруизм христианства сделал близким идею истории Европе, ввел Европу в круг исторического действия. Это же подорвало и индивидуальный характер исторического творчества человечества и сказалось глубоким кризисом»[\[4\]](#).

Действительно, если христиане оказываются, как они считают, неким Новым Израилем, то автоматически теряется сама идея Завета с избранным народом, т. е. идея индивидуальности избранничества. Однако при этом избранными оказываются все «языки и народы», а это уже путь к «язычеству». Другое дело, что без иудеев апокалиптическая схема христианства не работает. Ведь христианский Мессия все равно должен прийти из колена Давидова. Если же этого колена нет, то и приходиться ему неоткуда. Отсюда и появляется идея апостола Павла о спасительности иудаизма для истинных иудеев. Однако точных признаков «истинности» он миру не оставил.

Наконец, само рассуждение Матвея Кагана о еврействе как воплотившем в своем коллективном страдании все то, что мог принести Христос, ведет нас к специфическому пониманию христианства в еврейском кругу после первой мировой войны и погромов войны Гражданской, которые стали предвестием приближавшегося Холокоста.

Напомним, что на многих картинах 1920-х годов о революции и Гражданской войне, например Марка Шагала, мы видим распятого на кресте Христа, символизирующего страдания евреев во время катаклизмов начала XX века. Этот образ выражал идею коллективной жертвенности евреев в этот период. И то, что он встречается и у философа Кагана, и у художника Шагала, позволяет счесть это своего рода общим местом еврейской мысли в начале XX века.

Этот подход был во многом и ответом на бурно развивавшуюся с конца XIX века идеологию так называемого «арийского Христа» Чемберлена, призывавшую вообще оторвать еврейство от всей христианско-эсхатологической и этической проблематики и тем самым оправдать антисемитизм, вплоть до физического уничтожения еврейства, в том случае, если евреи оказывались не столько народом-Б-гоносом, сколько носителями идеи Антихриста.

Однако еврейские философы искали причины еврейских бед не только в христианском окружении или в европейской философии.

Нам уже приходилось говорить о том, что само вхождение иудейских мыслителей в круг проблематики европейской философии, т. е. занятия вполне эллинского или даже языческого, было изначально внутренне противоречиво и несло в себе потенциально те кризисы, которые проявились в начале XX века.

Если мы хотим адекватно понять роль иудаизма в трудах еврейских ученых, смотрящих на христианство с еврейской стороны (учитывая, естественно, разницу в этих взглядах), и одновременно понять подход к иудаизму христианских мыслителей этого же времени, мы должны прочесть и тексты еврейских философов, отдавая себе отчет в острой кризисности их мышления, кризисности никак не меньшей, чем у их христианских современников.

Итак, Каган продолжает: «Дело не в обвинении. Пусть не думают, что я не считаю причастным к кризису иудейство. Без сомнения, и еврейство все более и более проникалось пантеизмом. Большинство мифологических устремлений еврейской истории вместе с новейшим хасидизмом несомненно пантеистично и, вероятнее всего, усвоено от христианства. Цадикизм, старчество и таинство, несмотря на все их коренные различия, конечно в большей мере эстетично-пантеистичны, героичны и связаны приятием воплощенной (разрядка наша. – Л. К.) святости, в ее фактичности и совершенстве непосредственно биологическим образом в живом, вечно живущем человеке. Современная кризисная Европа исторически почти сравнила и нивелировала положительно-культурную разницу еврея и христианина или наделила их только разными отрицательно-культурными качествами распада индивидуальности, механически атомизирующейся души»[5].

По-видимому, здесь Матвей Каган поступил, с одной стороны, слишком философски прямолинейно и резко, а с другой – раз уж философия (как наследующая язычникам-эллинам в прямом смысле слова «любовь к мудрости») существует, условно говоря, преимущественно с «христианской стороны», то и обобщенной фигуре хасидского цадика Матвей Каган (находящийся, похоже, в русле митнагедской традиции литовского иудаизма – чему его обучение в витебском хедере никак не противоречит, – противостоящей хасидизму в любых его проявлениях) приписал свойство «вечной жизни», подобно земному, христианскому воплощению святости в ее телесной форме; к тому же никаких таинств в христианском смысле иудаизм не знает. При этом подходе Матвей Каган наделяет разные виды иудаизма «отрицательно-культурными качествами», которые существуют (по Кагану же) в отношении иудеев к христианам и христиан к иудеям в тогдашней Европе.

Каган оставляет без внимания существенные противоречия уже внутри христианства, которое он понимает и описывает в куда большей целостности и целокупности, чем знакомый ему изнутри иудаизм. Достаточно вспомнить реальное христианство хотя бы с учетом православия и католицизма, не говоря уже о разновидностях протестантизма, чтобы подобная целокупность распалась. Однако дело здесь не столько в незнакомстве Кагана с реальным христианством, в чем его и заподозрить невозможно, а в продуманной философской позиции.

Это становится тем более очевидно, когда философ переходит к оценке роли язычества в мировой культуре, отмечая, что язычество всегда существовало в человеческой истории и просуществует до конца времен. Одновременно с этим языческий путь вхождения в мировую историю через миф, свойственный античной культуре, реализовывал такое понимание мировой истории, когда нет известной и заранее предопределенной конечной цели, а есть космологический миф, требующий осознания существования природы и человека. В свою очередь, слишком быстрое преодоление христианством языческого пантеизма без творческой его переработки привело к появлению разного рода гностических теорий, в виде которых язычество подпольно продолжило свое существование в христианстве. Наконец, возникло христианско-светское государство, где церковь взяла под свой контроль быт, независимый от культуры, а всеобъемлющее учение церкви оказалось вне связи с наукой. Борьба с наукой велась церковью так же активно, как и борьба с «с иудейством как канонически заключенным миром исторического смысла, который всемирно и интернационально у христианства не удался. Но в последние времена кой-чему у христианской церкви учиться и замкнутое, внутренне изолированное от всего мира иудейство. И это не что иное, как культура Средневековья, к которой причастна вся европейская культура»[6].

Причем возникла эта культура в формах духовной и профанной. Поэтому главной задачей теперь становится объединение всех форм культуры и культурного творчества. Чтобы, с одной стороны, не уйти в чисто профанную сферу, а с другой – чтобы не утратить связь с предустановленным смыслом истории вообще. «Постоянный и самый важный вопрос сегодняшней культуры как христианского, так и еврейского человечества есть не что иное, как проблема канонизации труда всей культуры»^[7].

Каган решается на смелый вывод относительно роли именно евреев в этом процессе, ибо «Еврейство, не знавшее собственного культурного Средневековья, не знавшее разрыва между профанной и духовной культурой, познало и противопоставление профанной культуре, которая в последнее время была воспринята евреями от христиан как атеистическая. Сегодня евреи в атеистическом пафосе не уступают христианам и даже проявляют более свежую силу этого пафоса, чем последние, давно живущие этим. Как-то странно, именно евреи, иудейство в Средние века не знало этого разрыва надындивидуальной цельности всей культуры, всего смысла истории. Еврейство знало это негосударственно, и не из интересов хозяйства; оно было окружено со всех сторон культурой борьбы творческих устремлений человечества друг с другом, внутренне разрывающих индивидуальную цельность творчества. Знали это отчасти христианские монастыри и братства, поскольку они не стали иезуитскими или официально-государственными. Понятно и поучительно это все именно сегодня в связи с современным кризисом культуры»^[8].

Ища для всей мировой культуры выход из этой ситуации, а для евреев место в этом процессе, Каган вполне в духе своего учителя Пауля Наторпа, однако с бóльшим религиозным пафосом, предлагает создавать в мире небольшие творческие группы людей разных религий, которые, по его мнению, нельзя назвать ни христианскими, ни иудейскими, ни оккультными, ни церковными, а некими коммунальными братствами мировой культуры, что и позволит свободному человеку преодолеть кризис культуры, сохраняя правду и христианства, и язычества. А еврейская целостность, неразрывная цельность окажется прообразом Ренессанса истинно канонизирующей творческой природы.

Понятно, что такой выход из положения выглядит утопическим. Понимает это и сам автор этой теории. Однако, понимая это, Каган пытается найти некую точку опоры в своем понимании космичности существования человека и смысла откровения человеку Всевышнего, оставаясь при этом евреем и иудеем.

Поэтому, несмотря на всю парадоксальность того, чем закончится эта статья о «Еврействе в кризисе культуры», именно внутреннее ощущение еврея, чей кризис структурно и ментально отличается от кризиса христианской культуры, оказывается той основой, которая позволяет еврейству и иудейству вновь, как и в синайские времена, оказаться коллективным спасителем человечества, способным устоять в кризисный момент огня и дыма первой мировой войны и войны Гражданской: «Иудейство, взятое в его мифологической чистоте как чуждое Средневековью, намечает чисто принципиально путь трудового и творческого непричастия (разрядка наша. – Л. К.) к кризису; но при кризисе оно способно творчески действовать не только как незнакомое с силою и пафосом того, что вызывает кризис, а как хорошо со всем этим знакомое и умеющее поэтому себя упорно отстаивать своим смыслом вопреки окружающей нас кризисной бессмыслице Средневековья и распада индивидуальности и творческого человечества. Из этого становится понятным и факт какого-то особого, как бы монашеского пребывания еврейства в истории, монашества без распространения монашества среди самого

еврейства, ибо носящего само спасение в работе и благодати творческого своего осуществления идеи осмысленной истории, истории как смысла самого по себе»[\[9\]](#).

Этот вывод может поразить своей резкостью и даже неполиткорректностью. Однако, когда речь идет о событиях мессианского масштаба, человеческие политические и прикладные категории уходят на задний план.

Между тем философы – современники Кагана, со своей стороны, ощущали проблему абсолютно так же, только не все они искали некоей коллективной формы исторического творчества. Впрочем, людям эллинской и христианской культур это совсем не обязательно.

Поэтому сейчас, чтобы услышать о тех же проблемах с противоположной стороны, мы приведем высказывание феноменолога, платоника и атеиста Г.Г. Шпета, жившего и мыслившего, однако, всецело в рамках европейской культуры.

В лекции о кризисе культуры в 1920 году Г.Г. Шпет прямо говорил, что кризис этот характеризуется распадом христианства на его составляющие – иудаизм и язычество, которые начинают существовать автономно[\[10\]](#). Густав Шпет[\[11\]](#) и Матвей Каган оказались в итоге несовместимыми антиподами. Тем интереснее их неожиданное согласие в столь принципиальном вопросе. Согласие, открывающее принципиально новые возможности осмысления места иудаизма и еврейства в кризисе культуры XX века.

Оба эти высказывания – и разобранный нами статья Матвея Кагана, и оставшиеся в записных книжках тезисы Г.Г. Шпета – не вышли за пределы узкого круга слушателей или частной переписки. Однако тот факт, что и сегодня эти мысли звучат вполне актуально, тем более сливаясь, а в чем-то и поясняя размышления о кризисе культуры, например Андрея Белого, заставляет нас внимательно присмотреться к осмыслению роли еврейства и иудаизма как раз в документах, не предназначенных для открытого обсуждения. Ибо прямота и искренность в подобного рода случаях значат больше, чем прилизанные официальные тексты для академических журналов.

[\[1\]](#) Каган М. Еврейство в кризисе культуры // Каган М. О ходе истории. М., 2004. С. 175.

[\[2\]](#) Там же.

[\[3\]](#) Там же.

[\[4\]](#) Там же.

[\[5\]](#) Там же. С. 176.

[\[6\]](#) Там же. С. 178–179. Вопросу о роли церкви в кризисе культуры Каган посвятил специальную работу, которую мы здесь не рассматриваем, но идеи которой вполне соответствуют изложенному.

[\[7\]](#) Там же.

[\[8\]](#) Там же. С. 179–180.

[\[9\]](#) Там же. С. 182.

[\[10\]](#) Шпет Г.Г. Кризис философии // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2004/2005 год. М., 2007. С. 92–102.

[\[11\]](#) См. об этом: Кацис Л. Град Китеж еврейской философии? // Лехаим. 2007. № 11.

ПУРИМСКИЙ СМЕХ СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ

Пуримшпили 1970–1980-х годов

Deò à Ááí çäëäää

Национальное движение советских евреев 1970–1980-х годов сопровождалось расцветом бесцензурного сатирического творчества. Наряду с неистребимым анекдотом, оно было представлено стихами, бардовскими и «локальными» песнями, сатирическими текстами еврейского самиздата – и конечно же пуримшпилем.

Этот старинный жанр народного еврейского комического театра был реанимирован активистами еврейского движения после полувекового небытия и получил распространение в городах с многочисленным еврейским населением от Прибалтики до Восточной Сибири. За полтора десятилетия, с середины 1970-х до конца 1980-х годов, были созданы многие десятки оригинальных пуримских пьес, часть которых безвозвратно утрачена.

Предлагаемая статья базируется на более чем пяти десятках оригинальных пуримшпилей, поставленных в Москве, Ленинграде, Риге, Таллине, Вильнюсе и Тбилиси.

Вплоть до конца 80-х годов пуримшпили представлялись на частных квартирах, зачастую – с риском для их хозяев, артистов и зрителей. Автор шести московских пуримшпилей Роза Финкельберг писала, что во дворах и около домов, где должны были состояться пуримские представления, к приходу артистов уже дежурили несколько откровенно официальных машин. Милиционеры и узнаваемые фигуры в штатском пытались помешать представлениям, запугивая хозяев квартир, но к арестам не прибегали^[1].

Беспощадным преследованиям пуримшпилеры подвергались в Украине. На суде одесских активистов Меира Непомнящего и Якова Левина, обвинявшихся в «систематических измышлениях, порочащих советский государственный и политический строй», одной из главных улик служило содержание пуримшпиля, поставленного на квартире Непомнящих в марте 1984 года.

По рассказам харьковчанина Евгения Айзенберга, осужденного в 1985 году на два с половиной года за распространение «ложных измышлений» и «разжигание эмигрантских настроений», на его судебном процессе в качестве доказательства вины приводились цитаты из пуримшпилей, реквизированных при обыске.

**Детский хор под управлением Полины Айнбиндер.
Квартира Хасиных. Москва. 1976–1977 годы**

В условиях постоянной опасности представляли свои спектакли ленинградские пуримшпилеры. За две недели до Пурима 1982 года активистов, причастных к подготовке представления, предупредили о недопустимости сборищ в связи с еврейскими праздниками. Им угрожали, за их квартирами была установлена открытая слежка, каждого входившего фотографировали. В ответ на это генеральному прокурору СССР, в ЦК партии, в КГБ были отправлены письма протеста, подписанные тридцатью отказниками. Но результатом обращений стали милицейские налеты и блокада квартир. Тогда было решено отложить пуримшпиль на две недели. В назначенный день десять детей в сопровождении десяти взрослых были встречены «четырьмя милицейскими машинами, одним автомобилем “Москвич”, несколькими машинами “Волга”, принадлежавшими КГБ, и милиционерами в количестве тридцати человек. У пришедших требовали предъявить документы под предлогом кражи из соседней квартиры. Их имена были переписаны и паспорта изъяты»[\[2\]](#).

Накануне Пурима 1985 года ленинградская художница Нелли Липович-Шпейзман, обучавшая ивриту несколько групп еврейской молодежи, предложила одному из своих учеников, Борису Локшину, написать пуримшпиль. Текст был готов и отрепетирован, но представлять его было негде. Квартира Шпейзманов на проспекте Славы находилась под неусыпным наблюдением. И тогда кто-то предложил использовать ожидавший капитального ремонта пустующий дом неподалеку от станции метро Чернышевская, где прежде жил один из отказников. Чтобы в день праздника не привести за собой «хвост», Шпейзмановы отправились на место представления заранее и провели ночь в промерзшем, давно нежилом помещении, по которому сновали крысы. К семи вечера следующего дня на генеральную репетицию стали собираться актеры. На представление попали только те из зрителей, кто пришел с участниками спектакля, и те немногие, кто, миновав оцепление, проник в дом через неизвестный преследователям черный ход. Остальных вылавливали на остановке автобуса и у выхода из метро. Несколько десятков евреев, окруженные милицией и гэбистами, в холодной квартире заброшенного дома самозабвенно веселились. Они смеялись над современными потомками Амалека, смеялись над собой. В этой сюрреалистической ситуации воплотилась природа еврейского смеха наперекор обстоятельствам.

Борис Локшин, автор и постановщик пуримских пьес этой группы, заметил, что «усилия, предпринимаемые против пуримшпилеров “всемогущей Софьей Власьевной”, были настолько неадекватны, что мы не могли не отнести к своим спектаклям как к грозной силе и великой ценности. Три “воронка” у подъезда и по милиционеру на каждой

лестничной клетке воспринимались нами так же, как аншлаг актерами провинциального театра»[3].

Представления, связанные с еврейскими праздниками, подвергались гонениям и в Риге. Их неизменные участники Юдит и Хаим Соловей вспоминают, что пуримшпиль 1982 года состоялся в заблаговременно снятом зале торжеств. Но уже следующий еврейский праздник открыто провести не удалось: зал, заказанный активистами, был закрыт КГБ – спектакль пришлось давать на квартирах. Годом позже было решено арендовать зал под предлогом свадьбы Юдит и Хаима. Эта идея обговаривалась на кухне у мнимых молодоженов. Однако утром раздался звонок из КГБ: оказалось, квартира прослушивалась. Хозяев предупреждали: затея устроить представление под видом свадьбы не удастся. Тогда возник замысел, о котором знали только несколько человек: снять два помещения – одно официально, куда будут приглашены зрители; второе – тайно, для представления. В день праздника зрители устремились в объявленное место. Предвидение организаторов пуримшпиля подтверждалось: зал оказался закрытым. Собравшимся было объявлено, что помещение не отвечает нормам противопожарной безопасности. Люди стали расходиться, но от одного к другому передавалась весть: в нескольких кварталах от зала приготовлены машины, которые доставят их на спектакль. Никто из пассажиров не знал, куда их везут. Между тем в кафе «Спорт» в Межапарке все было готово к представлению. Когда спектакль был в самом разгаре, появились «стражи порядка». Чтобы не позволить им войти, зрители закрыли зал изнутри и встали у дверей живой стеной. Спектакль был доведен до конца, несмотря на звуки сирен, стук в двери и усиленные рупорами требования освободить помещение. За этим событием последовали обыски. У активистов, наряду с текстами пуримшпилей и материалами для самиздатовского журнала «Хаим», было изъято все, что имело отношение к еврейской культуре.

Пуримшпиль на квартире Анны и Владимира Лифшиц.

Ленинград. 1984–1985 годы

Приведенные факты и воспоминания не претендуют на исчерпывающую полноту картины, но дают представление об условиях, в которых создавались пуримские спектакли.

Российский социолог и журналист Алексей Бессуднов охарактеризовал пуримшпили 1970–1980-х годов как «субкультуру отказников – людей, которые уже в силу своего положения изгоев в советском обществе вынуждены были контактировать друг с другом» и «самоорганизовываться внутри СССР»[4]. Думается, эта оценка сужает

сферу бытования возрожденного жанра и искажает его национально-культурную сущность.

Отказникам принадлежала ведущая роль в еврейском движении 1970–1980-х годов. Они же были инициаторами большинства пуримских спектаклей. Однако еврейское национальное движение, как и связанное с ним бесцензурное сатирическое творчество, не были ограничены кругом отказников.

Еще более несостоятельно причисление пуримшпилей к субкультуре.

Субкультура – второстепенный «сегмент» доминирующей культуры, отличающийся от нее лишь в отдельных аспектах. Пуримшпили, создаваемые на русском языке людьми, выросшими на русской культуре, сохраняли с ней множественные связи. Но при этом они представляли иную этическую, эстетическую, мировоззренческую систему, связанную с национальным мироощущением и национальной самоидентификацией активистов еврейского движения.

Официальным советским ценностям пуримшпилеры противопоставляют свои, национальные, идеалы. Так, характерное для эпохи застоя отторжение идеала «советской Родины-матери» оказывается включенным в оппозицию «свое-чужое», где «чужое» – галут, страна проживания, а «свое» – Израиль.

В московском пуримшпиле Михаила Нудлера 1979 года эта оппозиция воплощена в переделке популярной песни М. Ножкина из кинофильма «Освобождение» (1968): «Девятый год мне нет житья, / Мне виза снится. / Девятый год соленый пот и кровь рекой. / А мне б в Израиле скорее очутиться, / а мне б до Эреца дотронуться рукой...» Пуримшпилеры ленинградской группы Сени Фрумкина, Аллы Цвеер, Жени Фрадкиной выражают веру в возвращение из галута в форме незатейливой песенки: «Болею я за свой народ, / за свой народ в изгнании. / Я верю в это наперед: / Мы будем все в Израиле». В тбилисском пуримшпиле второй половины 1980-х годов эта оппозиция воплощалась с помощью визуального ряда спектакля: вслед за появлением Амана и его призывом «бить жидов» на экране появлялись слайды с видами Иерусалима.

Пуримшпилеры 1970–1980-х годов, как и их предшественники, артисты народного комического еврейского театра или поэт Ицик Мангер, автор литературного пуримшпиля «Мегиле-лидер» (1936), комически интерпретировали Мегилат Эстер. Но их внимание привлекал иной аспект канонического текста. В образах Мордехая и Эстер активисты еврейского движения видели парадигму поведения еврея в галуте: не кланяться всемогущему врагу, не подчиняться ходу событий, не бездействовать. Эта парадигма, не нашедшая воплощения в старинных пуримшпилях, где Мордехай выступал преимущественно в карнавальной роли шута, утверждалась путем осмеяния отклонений от нее. В сюжеты спектаклей вводились персонажи, чье поведение, с точки зрения авторов, не соответствовало национальному достоинству еврея. В пуримшпиле ленинградца Бориса Локшина (1985) главным сатирическим персонажем был Драгунский генерал, в котором без труда узнавался генерал Давид Драгунский, председатель созданного властями в 1983 году Антисионистского комитета. Угождая Аману и Ахашверошу, «Драгунский генерал» Локшина зачитывает своим соплеменникам указ, призванный покончить с евреями. Свое умение кланяться он ставит в пример самому Аману: «Нет гибкости в тебе – вот бед твоих источник! / К твоим клыкам – да мой бы позвоночник...»

В пуримшпиле Розы Финкельберг за 1984 год Аман представляет Ахашверошу евреев на службе у властей как «волонтеров полка Драгунского, лично мною завербованных». Абрам Кац из пуримшпиля ленинградца Леонида Кельберта, поставленного в 1981 году, принимает фамилию жены с двусмысленным, но зато абсолютно русским звучанием – «Хреновин» и радуется, что теперь может «в любом отделе кадров вслух, не стыдясь, сказать, как меня зовут». Решив временно переместиться в Древнюю Персию, он делает карьеру при царском дворе и убеждает Мордехая в необходимости кланяться Аману: «– Что вы так боитесь поклониться? Скажите, какие мы гордые. Давно ли вас – то есть нас – в Вавилон на веревке привели? <...> Ведь если сидеть тихо, не высовываться, хорошо работать – можно и здесь многого достичь. Ведь есть иудеи – лауреаты, заслуженные лицедеи империи. Поклонитесь – и ничего, не ubyло. Зато почету сколько! На персональных ослах ездят!» Аман требует от Абрама доноса на Мордехая, чтобы убедить царя подписать указ об истреблении евреев. Абрам делает жалкие попытки отказаться, но соглашается, успокаивая себя тем, что «...его (Мордехая. – Р. Г.) ведь все равно... и без меня...».

Другой актуальной темой пуримских спектаклей был кризис еврейской национальной идентичности. Культурологическое исследование П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека» содержит безжалостную и горькую характеристику национальной идентичности советского еврея: «Скрывая свое происхождение от посторонних, он с радостью раскрывает его среди своих. И тогда любое проявление национальной общности – фамилия, брелок – магендовид, два слова на идише – пароль, позволяющий прикоснуться к заманчивому инобытию»^[5]. В числе пяти с лишним десятков пуримшпилей, послуживших материалом для данного исследования, есть и такие, где связь их создателей с культурным наследием своего древнего народа не идет далее «двух слов на идише». В то же время во многих спектаклях ущербность еврейской идентичности составляет одну из главных сатирических тем.

Дети, собравшиеся на пуримшпиль.
Москва. 1979 год

Несохранившийся пуримшпиль москвича Зеэва Гейзеля, поставленный в 1987 году, содержал диалог двух евреев, восстановленный автором по памяти:

«Первый (представляется публике). Меня зовут Вася. Меня так называли в честь моего дедушки. Его звали Мордехай. Вася по-еврейски – это Мордехай.

Второй. Что вы говорите! Мордехай – это Федя. Вот как я, например. Вот же, две общие буквы – “е” и “д”».

В пуримшпиле Розы Финкельберг 1982 года Аман удовлетворен тем, что евреи забыли о традициях иудаизма: «Вот раньше: встретишь еврея, схватишь его за бороду, потрясешь немного и с легкой душой идешь дальше до встречи со следующим. И так идешь, и идешь, а на душе все легче и легче. А сейчас <...> за бороду ухватишься едва ли – / Выскальзывает, потому что в сале».

Эстер из пуримского спектакля того же автора 1983 года убеждена, что «...куда приятней / Плясать на пышном празднестве Астарты, / Чем вечно плакать о погибшем Храме». Пуримшпиль Бориса Локшина завершает стихотворная «История Агасфера от Герцена до эСэСэСэРа». Превращение еврея в большевика, интернационалиста и атеиста автор расценивает как падение, от результатов которого нельзя «отмыться». Виновником затянувшегося галута автор объявляет самого еврея (Агасфера), пожелавшего «обрусеть»: «...Идут года, а я все тут – / Не сам ли я продлил галут, / Когда-то шибко обрусев? / Не сам ли? Агасфер Б.Ф.». Собирательный образ обрусевшего еврея, повинного в отказе от национальной культуры и национальных традиций, автор наделяет собственными инициалами, признавая и свою личную вину.

Советские евреи, пробудившиеся от национального оцепенения, нуждались в национальных ценностях, символах и нормах поведения. Немало активистов еврейского движения осознавали связь между еврейской этничностью и иудаизмом и обращались к его духовному наследию. Ориентация на ценности иудаизма играла приоритетную роль в пуримшпилях, создававшихся группами вернувшихся к религии активистов.

Жанровая общность таких пуримшпилей с другими пуримскими пьесами 1970–1980-х годов несомненна. Те и другие базировались на интерпретации канонического текста Мегилат Эстер; те и другие характеризовались оппозиционностью по отношению к советской системе и советской культуре; те и другие обращались к вопросам общественного поведения и национальной самоидентификации соплеменников. Особенность пуримшпилей религиозной части еврейского движения состояла в их выраженной познавательной-дидактической направленности, доминировавшей над комической стихией спектаклей.

Образцом таких пуримшпилей может служить пьеса Цви Розенштейна, активного члена московской религиозной общины, написанная в 1987-м и поставленная в 1988 году в московской синагоге в Марьиной Роще. Связь с наследием иудаизма отличала всю художественную систему этой пьесы, включая трактовку главных персонажей Мегилат Эстер. В отличие от большинства пуримшпилей 1970–1980-х годов, где потомок Амалека рисовался в облике гонителей современных евреев, в спектакле Розенштейна характеристика Амана согласована с еврейскими источниками. Автор пуримшпиля представляет его циником, попирающим все высшие человеческие ценности, лишенным чести и человеческого достоинства. Циничная издевка над евреями неизменно присутствует во всех речах Амана, говорит ли он об Иерусалимском храме или намекает на судьбу советских евреев.

**Пуримшпиль в квартире семьи Лифшиц.
Ленинград. 1987 год**

Интерес к иудаизму и знакомство с текстами Танаха отразились не только в пуримшпилях, созданных в религиозной среде, но и в пьесах тех, кто придерживался светской ориентации и относился к иудаизму как к национальному культурному наследию. Об этом свидетельствует широкое включение в тексты пуримшпилей цитат, аллюзий, вольных пересказов, из почитаемых евреями сакральных текстов.

В старинных пуримшпилях священные тексты были постоянными объектами комической имитации^[6]. В пуримшпилях 70–80-х годов они, как правило, выполняли ценностно-нормативную функцию. В рижском пуримшпиле 1983 года Эстер приносит себя в жертву своему народу, объясняя свое решение словами старца Гилеля: «Если не я за себя, то кто за меня? Но если я только за себя – то что я?..» В пуримшпиле той же группы годом позже Эстер представлена противницей исхода евреев из Персии. Она убеждает Мордехая не стремиться в Иудею и приводит доводы современных противников возвращения на историческую родину: «Зачем тебе Иудея? Здесь тебя не трогают; имеешь дом и пенсию. А там, говорят, евреев убивают из-за угла. ...Наш царь – последователь Кира; он не допустит погрома». Ответ Мордехая, имевший очевидную дидактическую установку, построен на аналогии с Исходом: «Ты забыла Мицраим. Фараон при Иосифе дал нам тучные пастбища в земле Гошен, и, сидя у горшков с мясом, евреи забыли землю свою. Но пришел другой фараон, который не знал, что Иосиф спас Мицраим и обогатил его дом, и стал топить младенцев и поработать евреев так, что стоны их до небес дошли...» Пролог к пьесе Розы Финкельберг 1984 года был построен как диалог пуримшпилеров – пессимиста и оптимиста. Первый жаловался на то, что со времен Ахашвероша мир мало изменился. Второй отвечал на это афоризмом царя Соломона: «время каждой вещи под небом, время бросать камни и время собирать их...» (Коелет, 3:1-5). Язык пуримских спектаклей отличался многочисленными вкраплениями лексики и синтаксического строя канонических текстов: «жестоковыйный», «чечевичная похлебка», «дом рабства» и др. В рижском спектакле 1984 года восхваления красоты Эстер имитируют образный строй «Песни песней»: «Ты прекрасна, Эстер, как весенний миндаль и как спелый гранат... Я буду просить солнце, чтобы завтра быстрее опустилось оно к закату».

**Пуримшпиль в квартире Якова Рабиновича.
Ленинград. 1981 год**

Одновременно со спектаклями для взрослых активисты еврейского движения создавали пуримшпиль для детей, общей особенностью которых была дидактическая установка. Тем не менее авторы стремились избегать прямолинейного морализаторства, привлекая для этого музыку известных детских песен и мюзиклов, ритмику популярных детских стихов, образы детских сказок. В 1985 году Дина Эльман написала детский пуримшпиль «Сказка о царе, да не о Салтане, о том, что случилось в городе Шошане, о злом советнике царя Амане, о Мордехеае да о прекрасной царице Эстер – кто всем нам пример». Благодаря ритмике пушкинского стиха дидактическая концовка «сказки» не выглядела сухим назиданием: «Там повесили Амана / За коварство и обманы. / А евреи спасены. / Пурим празднуют они. / Рады, что погиб подлец, / Вот и сказочке конец. / Понял, друг? Живи по Торе, / И не будешь знать ты горя». В детском пуримском спектакле Марка и Славы Шифриных 1982 года поучительные сентенции облачены в узнаваемую лексику и ритмико-синтаксический строй хрестоматийного детского стихотворения Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо»: «Если ты свинину ешь, / И забыл субботу, / Каждый знает: это вот / Для евреев плохо. / <...> Этот мальчик любит труд, / Тычет в Тору пальчик. / Про такого пишут тут – / Он хороший мальчик!»

Пуримшпильеры не стремились «исправить» или реформировать советский строй, поэтому критика советской системы не являлась их основной целью. Тем не менее в их представлениях осмеянию подвергалось то, что никогда не осмеливалась критиковать современная подцензурная сатира: советский строй и его вожди; советская идеология и государственные мифы; официальная культура и искусство.

Постановщик рижского пуримшпиля начала 80-х годов Михаил Раппопорт вспоминает: «Амана играл Леня Рудин – высокий, сутуловатый, в очках с толстыми стеклами. В те времена со многих стен и плакатов смотрели на народ изображения Ленина с рукой у козырька. Надпись гласила: “Верной дорогой идете, товарищи!” Я не мог отказать себе в удовольствии и попросил Леню во время первого выхода проплыть по авансцене из кулисы в кулису без единого слова, с улыбкой на лице, приложив правую руку к шляпе. Что он и сделал – к полному пониманию и улюлюканью публики»^[7].

Олицетворением «народа-творца», «сплоченного, как один» вокруг любимого вождя, в неатрибутированном пуримшпилье 1984 года выступали туземцы, не ведающие, «чего там в мире творится». Презираемые «Солнцеликим», они бездумно повторяют каждое его слово: «Ахашверош. Да заткнитесь вы! Туземцы. Заткни-и-тесь...» Особенно часто Ахашвероша наделяли узнаваемыми чертам Брежнева. Любовь к житейским благам

при явных признаках старческого маразма, невнятная речь и неспособность произнести ни слова без «бумажки», пристрастие к советским наградам – мишурной видимости славы и героизма – позволяли видеть в Брежневе знаковую фигуру эпохи стагнации советской системы. Именно в этом качестве его осмеивали пуримшпилеры. В спектакле Локшина Ахашверош одной рукой прикреплен к штативу с капельницей, в другой держит бокал с вином и тянется к бутерброду с икрой. В пуримшпиле Нудлера Ахашверош с характерной брежневской дикцией зачитывал свой монолог прямо из свежего номера газеты. У рижан Ахашверош появлялся с лентой через плечо, увешанной медалями собаки-медалистки. В пуримшпиле 1989 года, поставленном еврейским театром в Вильнюсе, Ахашверош с бровями Брежнева был увешан елочными игрушками.

Москвичи в гостях у ленинградцев со своим пуримшпилем

Часто пуримшпилеры осмеивали разнообразные «тексты власти» (труды «классиков марксизма-ленинизма», речи современных руководителей, тиражируемые изречения «вождей», передовицы центральных газет и т. п.) или артефакты официальной советской массовой культуры. В рижском спектакле 1983 года, озаглавленном «Кукольный пуримшпиль для детей и взрослых», речи Ахашвероша и Мемухана имитировали лексико-синтаксическую стереотипию официально-политических текстов: «наша великая страна»; «руководствуясь великими идеями Кира и Дария»; «истинный кировец» (последователь царя Кира); «славный день трехлетия царской власти»; «наш родной и дорогой друг Ахашверош» и т. п.

Таким образом, пуримшпили, при всем их многообразии, были явлением, оппозиционным по отношению к официальной культуре. Они базировались на идеалах, ценностях, традициях многовековой национальной культуры евреев. Их цель состояла не в реформировании советского строя, а в исправлении ущербной идентичности аккультурированных советских евреев, утративших связь с наследием своего народа. Это позволяет говорить о пуримшпилях 1970–1980-х годов как об альтернативной культурной модели – еврейской смеховой культуре на русском языке.

[1] Финкельберг Р. Спасительный смех. Пурим в подполье // Отцы и дети. 1999. № 32.

[2] Эти факты были описаны участниками и очевидцами события в письмах ко Льву Утевскому в Израиль и изложены в его не публиковавшемся докладе «Humor as a way of Jewish survival among refuseniks in the USSR: purimspiels in Leningrad in 1981 and in 1982» на Международном семинаре по еврейскому юмору в Тель-Авиве в июне 1987 года.

[3] Из письма Б. Локшина ко мне от 24.10.2005. «Софья Власьева» – условное наименование советской власти.

[4] Алексей Бессуднов. Пуримшпиль длиною в два десятилетия // Пчела. СПб., 1999. № 23.

[5] Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996. С. 298.

[6] Гензелева Р. Преображенная традиция: пуримская пародия 1970–1980-х годов // Материалы Тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва, 2006. С. 227–236.

[7] Письмо Михаила Раппопорта ко мне от 24.10.04.

ОБОЙТИСЬ БЕЗ СОВЕТА МУФТИЕВ

Аידען עײַ

Недавняя операция израильских войск в секторе Газа вновь поставила на повестку дня отношения между русскими евреями и мусульманами. Сопредседатель Совета муфтиев России, муфтий азиатской части России Нафигулла Аширов назвал антитеррористическую операцию против «Хамас» «Холокостом палестинского народа». Год назад, после того как Аширов назвал сионизм фашизмом, Федерация еврейских общин России «заморозила» отношения с Советом муфтиев. Кризис был преодолен при участии Общественной палаты, но, как показали дальнейшие события, муфтии с чувствами евреев не считаются.

Р. Гайнутдин

В марте 2008 года, когда вокруг высказываний Аширова разгорелся скандал, а межрелигиозный мир (предмет особой гордости российских властей) затрещал, впервые в Новейшей истории одна религиозная община страны отказалась от контактов с другой.

Русская православная ответственность за конфликт возложила на Совет муфтиев. Заместитель главы отдела внешних церковных связей Московского Патриархата епископ Егорьевский Марк заявил: «Я понимаю реакцию иудеев, муфтий Аширов постоянно делает заявления, задевающие не только еврейскую общину, но и православных». Профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев напомнил наиболее «яркие» высказывания Аширова. Однажды, выступая против изучения в школах Евангелия, муфтий сравнил его с «Майн Кампф»! До этого он призывал изъять герб России «от религиозных символов», в частности убрав оттуда крест. «Этот

муфтий давно не затрудняет себя мыслями о том, что его слова оскорбляют чувства людей», – заявил отец Андрей.

В итоге председателю Совета муфтиев Равилю Гайнутдину пришлось объяснять, что слова Аширова – лишь его частное мнение. «Делать заявления от имени Совета муфтиев может лишь его председатель», – сказал Гайнутдин.

До сих пор не могу понять, почему ФЕОР этим удовлетворилась.

Сам Аширов и не думал извиняться за свои антисемитские высказывания. (ФЕОР рассматривает «отрицание права на существование Израиля и его права на самооборону, а также определение сионизма как фашистской и расистской идеологии и практики как характерные черты антисемитизма».) Более того, муфтий Аширов публично посоветовал ФЕОР самой определиться – считает ли она себя сионистской организацией? «Если они ассоциируют себя с сионистами, то ни один добропорядочный мусульманин с ними общаться не будет, потому что сионисты творят преступления в Палестине. Если ФЕОР поддерживает эти античеловеческие преступления, как с ними общаться?!» – подчеркнул исламский лидер. Что же касается пояснений Гайнутдина о «частном мнении Аширова», то он произносит эту формулу как заклинание всякий раз, стоит его сопредседателю плюнуть православным или евреям на лацкан пиджака.

«Мы всякий раз после речей муфтия Аширова слышим, что он представляет не всех мусульман, – отметил епископ Марк. – Но если так, то возникает вопрос: кого же тогда представляет в Общественной палате председатель совета Равиль Гайнутдин? Я думаю, Совету муфтиев надо делать выводы: либо их поведение будет соответствовать их собственным декларациям о приверженности миру и уважению к представителям иных конфессий и Совет останется частью межрелигиозного диалога, либо голос Совета муфтиев, его мнение будет звучать в России все тише...»

К сожалению, год назад еврейская община не воспользовалась очевидной возможностью довести дело до логического конца и поставить СМР на причитающееся ему по праву место в ряду других «пламенных борцов с сионизмом», которых не пускают в приличные дома и на официальные государственные мероприятия. В результате мы по-прежнему видим Равиля Гайнутдина в Кремле, в Общественной палате, на всевозможных форумах.

При этом прогнозы об отставке Аширова с поста сопредседателя Совета муфтиев не сбылись. Да и вообще трудно сказать, на чем они были основаны. Ведь известный исламовед Роман Силантьев предупреждал открыто: значительная часть активистов Совета муфтиев России поддерживает его сопредседателя Аширова, а Гайнутдин просто не в состоянии влиять на ситуацию.

И вот год спустя мы видим, что Аширову и его приверженцам удалось вывести несколько сот человек на антиизраильские митинги. Не сравнить, конечно, с Европой, где в антисемитских акциях приняли участие десятки тысяч мусульман. Но лиха беда начало. В 2008-м поддержать «Хамас» в Москве собралось всего несколько десятков человек. Так что Аширов свою деятельность может считать вполне успешной.

Еврейские организации на этот раз и вовсе предпочли воздержаться от демаршей, ограничившись лишь язвительным комментарием. Такой подход вызывает недоумение.

Н. Аширов

Если я писал на страницах «Лехаима», что не стоит привлекать к уголовной ответственности за разжигание межнациональной, межрелигиозной и прочих розней, из этого вовсе не следует, что с антисемитизмом не следует бороться. Напротив, ему следует противостоять и в общественной жизни, и в политической, разоблачая его. Утверждая непристойность таких взглядов и невозможность приличным людям общаться с носителями таких взглядов.

Если русские евреи по-прежнему считают отрицание права Израиля на существование и самооборону проявлением антисемитизма, то Совет муфтиев должен был получить решительный отпор. И не только в связи с кощунственными заявлениями его сопредседателя Аширова. Совет муфтиев на своем официальном сайте выразил озабоченность бомбежками Газы, но почему-то молчал, пока хамасовцы обстреливали ракетами израильские города. Разве такой подход не демонстрирует безразличие СМР к гибели евреев от рук террористов и явное стремление поддержать лишь своих единоверцев в их борьбе за уничтожение Израиля?!

Надо определяться. Еврейские организации, еврейские лидеры должны ясно высказаться: либо они впредь ближневосточный конфликт рассматривают как проблему иностранного государства Израиль, до которого русским евреям нет дела, либо столь же недвусмысленно заявить, что они не станут мириться с деятельностью Совета муфтиев, не примут участия ни в одной акции Межрелигиозного совета, пока из него не будет исключен Совет муфтиев, что еврейские представители не будут участвовать в работе Общественной палаты, пока там находятся члены СМР, что представители еврейских организаций не появятся на официальных государственных мероприятиях, если там будет находиться Равиль Гайнутдин или его сопредседатели. Такие же меры необходимо осуществить и на региональном уровне. Пусть духовные управления мусульман сами решат, насколько межрелигиозный мир им дороже Нафигуллы Аширова.

Осложнит ли такой подход отношения с властями? Не исключено. Однако не стоит забывать, что кроме Совета муфтиев в России есть и другие исламские организации. Например, Координационный совет мусульман Северного Кавказа (глава Исмаил Бердиев) и Центральное духовное управление мусульман Талгата Таджуддина. Разумеется, они не в восторге от действий ЦАХАЛ в Газе. Не надо иллюзий. Но это люди, с которыми можно общаться, хоть это будет и непросто, можно сотрудничать. Верховный муфтий Таджуддин все-таки указал, что «Хамас» провоцирует Израиль», а Бердиев призвал прекратить «вопить проклятия в адрес Израиля». Конечно, можно вспомнить, как Талгат Таджудин объявлял джихад Америке за вторжение в Ирак. Но ведь он же и заявлял СМИ, что не ставит под сомнение право Израиля на существование. Еще раз скажу: найти партнеров среди российских мусульман еврейские организации могут. А вот сидеть на одном гектаре с деятелями вроде Аширова, глумящимся над памятью жертв Холокоста, невозможно. Безнравственно и глупо. Если сегодня стерпеть пакости одного антисемита, другой завтра харкнет в лицо, а третий уже помочится на голову.

АРАБЫ И ИЗРАИЛЬ

Ėāī ēā Dāāēōī āēēē

Январская война с «Хамас» показала (подтвердила) несколько вещей.

Никаких союзников у «Хамас», кроме их прямых работодателей из Ирана и Сирии, на Ближнем Востоке нет. «Хамас» – банда киллеров, оплачиваемых Ираном. У Египта и Иордании эта публика ничего кроме раздражения и страха (как агенты иранского влияния), естественно, не вызывает.

Но ровным счетом ничего против «Хамас» Египет предпринимать не будет. Например, не станет бороться с контрабандой оружия на египетско-палестинской границе. Дураков нет таскать для Израиля каштаны из огня!

У Израиля союзников на Ближнем Востоке тем более нет.

То, что делал Израиль, более чем устраивает Египет: Израиль берет на себя весь риск, делает всю «грязную работу», уничтожая при этом врагов Египта. Египет пальцем о палец не стучит, да еще выступает в роли «миротворца». Израиль же по-прежнему не просто «злой следователь», но и проверенный козел отпущения – весь гнев «быдла», «арабской улицы» направлен по бетонному руслу – на евреев. Тем самым Израиль выполняет еще одну, важнейшую функцию – консолидирует египетское общество, отвлекает от внутренних проблем.

Все это относится и к Иордании, Саудовской Аравии и т. д.

У Израиля в мире один надежный союзник – ЦАХАЛ, но от арабов евреи и не ждут помощи для себя. Реалистическая цель израильской дипломатии, мне кажется, могла бы быть в другом – стараться замкнуть палестинцев друг на друга.

Своего «Кадырова» — террориста, твердо перешедшего на сторону «сионистского врага» и «мочащего в сортире» вчерашних товарищей по оружию, – Израиль все равно не вырастит. Это, увы, невозможно. По очень простой причине.

У чеченцев не было ни международной поддержки, ни лозунга «уничтожения России», зато были необыкновенно сильны клановые склоки. У палестинцев, увы, все наоборот: есть огромная международная поддержка, причем их поддерживают именно (и только) в качестве террористов. Именно такими они нужны не только Ирану. Именно такими они дороги всему арабскому миру. Разница между Ираном и Египтом проста. Иран хочет, чтобы «Хамас» уничтожил Израиль, – и тогда, опираясь на «Хамас», они (Иран) поведут дальше экспансию в арабский мир. А Египет совсем не хочет, чтобы «Хамас» уничтожил Израиль – ровно по той же причине, боится дальнейшей экспансии Ирана. Для Египта (и других арабских стран) «цель ничто, движение – всё». Им нужно постоянное напряжение в Палестине, чтобы «переводить стрелки» своего народа на Израиль. И ничего больше. В качестве террористов «Хамас» нужен и чиновникам ООН – или, по крайней мере, они его в этом качестве поддерживают, когда кормят-поят палестинцев, ничуть не мешая им заниматься террором. В такой ситуации «не мешать» – значит «поощрять». Ну и, наконец, пятая колонна «Хамас» в Европе – «защитники прав человека-террориста» (среди которых отметим особо прогрессивных евреев...).

Понятно, что имея ТАКИЕ козыри на руках, «Хамас» обязательно будет – с большей или меньшей интенсивностью – заниматься любимым ремеслом, тем более что ничего другого они делать все равно не умеют. Никакого «Кадырова» тут не вырастишь.

У Израиля есть один шанс «разделять и властвовать» – активнее помочь «Хамас» и «Фатх» и дальше «спорить по аграрному вопросу», кто кого в землю закопает. Это один из немногих способов снять с себя хотя бы часть напряжения.

РЕКИ ДВА БЕРЕГА

На четыре вопроса отвечают: Даниэль Гинк, Зеев Городницкий, Юлий Эдельштейн, Менахем Яглом

Аאיאא אאיא אאאי אאי אאי

Одно из моих любимых прозаических названий – «За рекой в тени деревьев». Этот роман Хемингуэя я читал отрывками, не дочитал и уже не хочу. Может, река обмелела, может, наоборот, – разлилась. В каком-то смысле река всегда участвует в судьбе человека: как смутное предчувствие, как темное, разделяющее людей препятствие, символизирующее собою начало и конец. Прельщенные противоположным берегом – а мы всегда им прельщаемся, особенно если он «в тени деревьев», – мы ставим себе целью добраться до него, победно ступить ногой и вдруг осознаем, что тот берег, во-первых, не хуже, во-вторых, не что иное, как продолжение этого, и тогда кто-то возвращается, забыв, что возвращение – худшая из примет (но это у греков, у Гомера), а кто-то остается. В истории еврейского народа имели место оба варианта: сначала Авраам ушел из Ура шумерского и не вернулся, потому и назвали потомков его «людьми заречными», потом потомки ушли в Египет и после тяжело возвращались назад, на «прежний берег», целым народом. В этом интервью меня интересуют те, кто вернулся, кто из ассимилированных еврейских семей, имея родителей-космополитов, потративших жизнь на обретение гражданской свободы, отказался от возможности говорить на равных на одной шестой, выбрал Авраамов берег и пристал к нему и живет там, на земле предков, соблюдая Закон, в котором есть все, включая свободу выбора.

СМОТРИ ЕККЛЕСИАСТ

Аאי אאי אאי אאי אאי אאי אאי אאי אאי אאי

– Человеку, минимум, два-три раза в жизни приходится все начинать сызнова. Вы сын двух замечательных режиссеров Камы Гинкаса и Генриетты Яновской, вы унаследовали их дар особого видения жизни, творческого существования – в России вы были молодым, но тем не менее известным драматургом и сценаристом. И вдруг... начинаете строить жизнь практически с нуля. А может, все не так? И вовсе не с нуля и совсем не вдруг?

– Давайте возьмем человека: голова, две руки, две ноги. Что теперь брать этими руками? Что читать этими глазами? Может, голова, чтобы стучать ею по мячу? – это очень популярно. Может быть, демонстрировать на ней модный головной убор? – это круто. Может, накладывать древние коробочки? Может, голова, чтобы думать ею или кушать ею? Человеку дана свобода выбора: можно идти с потоком, можно идти против потока, можно лететь над потоком, можно не видеть этого потока. Кто вам сказал, что талант для того, чтобы им рисовать красивые картины или писать стихи? Поток? Многолюдный поток, который идет тысячелетия? Посмотрите, откуда он вытекает? Может быть, из болота?

– Я слышал, что родители ваши «сложно» отнеслись к вашему выбору. Что-то изменилось в ваших отношениях? Как часто вы видите?

– Я люблю своего папу. Я люблю свою маму. Я люблю их, как маленький мальчик, точно так же, как это было тридцать лет назад. Каждый из них тоже любит меня. Когда во мне поднимается чувство любви к одному из моих детей, я знаю, что и мои родители любят меня так же. Не все ли равно, при каких обстоятельствах и в какую эпоху происходят эти отношения; проявляется ли отцовская любовь в ноже Авраама или сыновняя любовь в том, как дочери короля Лира выгоняют своего отца, происходит ли это в эпохальном стиле или на фоне яичницы. Родители всегда хотят добра своим детям. Дети понимают это, только когда сами становятся родителями. Родители всегда хотят, чтобы дети были похожи на них. Причина этого в том, что Творец хочет, чтобы мы были похожими на Него... А видимся мы примерно раз в год, часто разговариваем по телефону, мои дети пишут письма в Россию на иврите, а я перевожу их на русский язык.

– Я не так давно перечитывал какие-то вещи Розенштока-Хюсси и Хёйзинга, конечно же «Человека играющего». Вкралась мысль: иудейская цивилизация веками отвергала игру, была серьезна донельзя (я не беру в счет иудеев-александрийцев), тогда как греческая всю «играла в бисер», потому она была и усвоена лучше, и больше преемников имела. Забегая вперед, скажу, что в итоге я дал задний ход, споткнулся об элементарное человеческое жлобство, коему что иудаизм, что эллинские боги с Сократом...

– Судя по всему, вы хотите меня спросить, когда я последний раз перечитывал Розенштока-Хюсси и Хёйзинга. Скажу вам, как жлоб интеллектуалу: я его не читал. В данный момент я перечитываю трактат, занимающийся законами, связанными с менструальными циклами и венерическими заболеваниями. Этому трактату, как и всему Талмуду, перевалило за полторы тысячи лет. Должен вам сказать: изменилось мало.

– Напряженная религиозная жизнь и творчество совместимы?

– Не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы сделали тебе. Это вся Тора на одной ноге, остальное – частности, иди и учи их. Так сказал великий Гилель. Иудаизм очень гибок, многогранен и разнообразен, чтоб ответить однозначно и коротко на ваш вопрос. Но общий подход уже выражен Гилелем. Так я отвечаю сегодня. Пять-семь лет назад я бы сказал: творчество – это вид разрешенного идолопоклонства, иудаизм – истинное служение единому Творцу. Десять-пятнадцать лет назад я бы сказал в другом стиле: иудаизм подобен интимному соитию немолодой супружеской пары, в которой двое все еще любят друг друга, как Ромео и Джульетта. Творчество подобно... Хотел сказать резко, но лучше подумайте сами. Царь Соломон сказал еще резче (смотрите Екклесиаст).

ДОРОГОЙ, КОТОРОЙ ИДУ, ВО МНОГОМ ОБЯЗАН ОTCY

צאנא אידן אי עווערע, און אי זע-אזען אדעלעיא

– Ваш отец – Александр Моисеевич Городницкий – видный ученый, поющий поэт, один из ярких представителей того поколения, которое мы называем шестидесятниками. Вы выбрали для себя не только иную профессию – бактериолог, но и иной путь. Чем он был продиктован, как реагировали родители на ваш выбор?

– Не могу сказать, что этот путь выбирал я: то, что случилось когда-то давно в Ленинграде, во многом произошло без моего участия. Все началось с изучения иврита. Потом попал в сионистскую молодежную организацию. Образовалась группа, целью которой было покинуть СССР. Вместо этого мы попали в «отказ». Как вы понимаете, желание уехать из СССР не только не пропало, но стало сильнее. За то время, что нас держали, в нашем мировоззрении произошли заметные изменения. Думаю, что, прежде всего, нам помог Всевышний, потому что каждого из нас Он выбрал лично и каждому указал верный путь. Только ближе к концу «отказа» внутри нас начало созревать что-то действительно серьезное. Практически у всех образовались еврейские семьи. Главным заботившим нас вопросом в пору, когда нам не давали быть евреями, оказался вопрос: что же, собственно говоря, такое быть евреем? Раньше мы исповедовали политического толка сионизм, думали, уедем и там будем жить евреями – живут же другие народы. Но поскольку нам было отказано даже в такой малости, мы постепенно пошли по пути Торы. Как это восприняли мои родители? Отец с матерью развелись давно, когда мне было пятнадцать, мама к этому отнеслась более лояльно, возможно, потому, что мы с ней жили вместе. Когда приехали в Израиль, она стала соблюдающей. То же самое случилось и с родителями моей жены. Отец, которого вы называли «космополитом-шестидесятником», действительно таковым человеком и являлся – творческим, независимым, свободолюбивым... Когда я с ним пробовал заговорить о своем выборе, он поначалу занимал отрицательную позицию. Однако потом привык к тому, чем я занимаюсь. Первый раз в Израиль он приехал в девяностом году и с тех пор регулярно приезжает, как минимум раз в год. Был на свадьбе двух моих дочерей. И так же как я ему рад, он рад мне. Приглашает нас посидеть где-нибудь вместе, чтобы увидеть всех разом. А вот в Ленинграде-Петербурге с той поры я ни разу не был. Странно, но и ностальгии у меня никакой нет.

– Насколько сегодня российские евреи в культурном отношении близки к евреям израильским? Можно сказать, что российские евреи и израильские сегодня не так разлучены географически, как прежде, и в литературе играют пусть и на разных языках, но на одном культурном поле?

– Не могу сказать, что я основательно погружен в российскую литературу. Но знаю точно, что после того, как рухнул железный занавес, между всеми видами человеческой деятельности, не только культурными, связь стала более крепкой, я это даже по своей работе чувствую, по ближайшему окружению. Гораздо больше стало точек соприкосновения между нами, я имею в виду евреев израильских и российских. Причем появились они там, где, казалось бы, прежде их быть не могло или возникнуть они могли через достаточно продолжительное время. Я думаю, что связь между евреями Израиля и России – это связь историческая. В каком-то смысле иначе и быть не может.

– Почему вы выбрали местом своего проживания Израиль?

– Я уже говорил, что в самом начале своего пути – мне тогда было лет двадцать пять – меня занимала исключительно Эрец-Исраэль. Святая земля была единственным местом, где я мог бы почувствовать себя полноценным евреем. Возможно, в те далекие годы это желание носило политический оттенок, мы ведь считались, да и сами считали себя политическими сионистами, а вот уже в конце моего пребывания в России, в начале моего пребывания здесь и по сей день полюса сменились: мое проживание здесь как бы не связано с Государством Израиль, или, скорее, так: гораздо большее значение имеет соблюдение заповедей, здесь, на Земле обетованной, нежели проявление интереса к тугошней политике, правительству. И не только для меня, но и для моей семьи.

– На одном из своих творческих вечеров ваш отец, отвечая на вопрос о его отношении к антисемитам, прочел стихотворение, которое не только вызвало гнев юдофобов, но и критику с еврейской стороны. Есть в этом стихотворении такие строки: «Своим происхождением – не скрою – / Горжусь и я, родителей любя. / Но если слово разойдется с кровью, / Я слово выбираю для себя». Могли эти строчки «зацепить» правоверного еврея?

– Надо понимать, что за этим стоит. Эти строки можно интерпретировать по-разному. Наша Тора, это же тоже Слово, объединяющее народ/народы... А кровь может иметь второстепенное значение. «Мы не следуем именно за кровью». Человек может принять гиюр и стать иудеем. А став иудеем, он принимает Тору, дарованную нам Всевышним. Я думаю, что это стихотворение отца предполагает более широкий подход. И тогда оно будет меньше задевать религиозные чувства, в том числе и мои. Хотя эти слова задевают, но надо учитывать, что в самом стихотворении делается акцент на противопоставление. Быть может, тот, кто не согласится со мною, исходит как бы из контекста всего творчества отца, но тогда я ему возражу, поскольку хорошо знаю его творчество: еврейская тема у него была всегда, даже в ранних стихах и песнях. Мне кажется, в моем отце больше еврейства, чем он сам считает. Его еврейство проявляется во многих стихах и песнях. Вообще, как я сейчас понимаю, стихи и песни отца, всегда мною любимые, сообщили мне ту степень внутренней свободы, которая потом позволила пойти по пути Торы. Так что той дорогой, по которой я иду, я во многом обязан отцу.

У КАЖДОГО ЕСТЬ ПРАВО НА ВЫБОР

Рееэ Яаеүүòàéí, çàì àñòèòàëüí ðàüññàòàëÿ èçðàèèüñéíã éí àññòà

– Вы родом из православной семьи: ваш отец – известный российский священник Георгий Эдельштейн. При этом стали активистом еврейского национального возрождения в СССР, были облыжно осуждены, отбыли почти три года в заключении, репатриировались... Сегодня успешный и необходимый Израилю человек. Как вы вышли на путь иудаизма, как к этому относились в семье?

– Ситуация в семье оказалась чуть более сложной. Я вырос в семье двух институтских преподавателей, кандидатов наук. Мой отец оставил работу, когда мне было двадцать лет. Но вопрос тем не менее вполне к месту, потому что в то же самое время, когда он стал священнослужителем, я начал интересоваться сначала сионизмом, вопросами отъезда из СССР, ивритом и преподаванием иврита, а потом уже действительно начал путь к соблюдению еврейских заповедей и превращению своей семьи в религиозную еврейскую семью. Тут можно отметить два момента. Первый: даже не имея возможности объяснить словами, я в какой-то момент почувствовал, что все-таки христианство не мой путь, что я чужой в этой религии. Второй: думаю, иудаизм как религия стал для меня частью всего другого, другой жизни, сионизма, гордости за свою страну. Я думаю, что здесь не случаен тот порядок событий, о котором я говорил: желание уехать из страны, отъезд из СССР, неприятие советского режима, сионизм и вместе с ним еврейская история, еврейская религия, еврейские заповеди. С семейной точки зрения наши отношения с отцом всегда были прекрасными. С одной стороны, сейчас я, как человек, у которого тоже есть взрослые дети, понимаю: никто не испытывает радости от того, что дети пошли по другому пути. Тем не менее думаю, что одна из причин сохранения такого рода отношений заключалась в осознании того, что у каждого есть право выбрать свой путь, в этом отношении родители были всегда очень либеральными. У них присутствовало понимание того, что путь, который выбрал я, – серьезный путь; условно говоря, я не променял религию, скажем, на наркотики, дешевое хиппоманство или что-то в этом роде.

– Считаете ли вы, что Государство Израиль играет роль катализатора в процессах, связанных с возрождением еврейства?

– Безусловно. Но думаю, на этот вопрос можно ответить двояко. Государство Израиль удержало и спасло миллионы евреев во всем мире от полной ассимиляции: пример советских евреев – самый яркий. Непонятно, оставались бы еще евреи в СССР, если бы не волна сионистского возрождения после Шестидневной войны (и даже до нее). Эмоционально-национальное чувство связи с Израилем спасло многих евреев и в Советском Союзе, и во всем мире от ассимиляции, так как в этот момент, по крайней мере, национальных религиозных ценностей как таковых у них не было, религиозное воспитание у многих отсутствовало полностью. Второй момент – количественный. Израиль, конечно, не является чисто религиозным государством, но количество людей, получающих религиозное образование в израильских школах, ешивах, больше, чем когда

бы то ни было в еврейской истории в какой-либо общине. Несмотря на то что большая часть населения Израиля – люди, не соблюдающие заповеди, светские в еврейском определении этого слова, цифра все равно получается огромная, и она растет. И третье, что хотелось бы отметить: зачастую еврей, которого в Израиле называют нерелигиозным, знает и соблюдает в области иудаизма больше, чем многие другие, которых называют традиционными где-нибудь в диаспоре. В Израиле, по опросам, большинство людей постится в Йом Кипур, отмечает еврейские праздники, в той или иной форме – не обязательно строго – соблюдает субботу.

– Как вы относитесь к совмещению двух культур, двух важных особенностей в одном человеке – религиозной и секулярной? Глубоко верующий человек может быть одновременно и человеком светским?

– На этот вопрос отвечают по-разному. Для меня жизнь немыслима без сочетания еврейской традиционной культуры и мировой, секулярной. Я стараюсь это органически сочетать, так же как поступают сотни тысяч евреев в Израиле, да и в разных еврейских общинах во всем мире. Такое сочетание становится совершенно естественным способом еврейской жизни. Когда появились первые раввины, получившие еще и светское образование, и некоторые из них даже стали докторами, на идише бытовала шутка с горьким оттенком: «С тех пор как раввины стали докторами, общины стали больными». Конечно, есть ультраортодоксальные общины, где по-прежнему существует неприятие светских наук и образования. Но в огромном числе синагог в Израиле и во всем мире выбирают раввинов, имеющих широкое светское образование. Если раввин может в своих советах, проповедях, беседах сочетать вещи из еврейской традиции и общемировой культуры, это дает преимущество.

– Этническая неоднородность сегодняшнего иудаизма является опасностью? Как относятся к прозелитам и их потомству на Земле обетованной, каково их участие в религиозной жизни страны?

– С одной стороны, очень строго относятся к тому, кто присоединяется к иудаизму, и здесь в большинстве случаев не было легких путей. С другой – всегда запрещалось напоминать прозелиту о его нееврейском происхождении. Есть знаменитый ответ на вопрос, может ли прозелит говорить в молитве: «Б-г моих отцов, Авраама, Ицхака и Якова». И есть ответы еврейских мудрецов, объясняющие: с того момента как человек присоединился к иудаизму, он становится неотъемлемой частью всей истории еврейского народа. Многие из них еще в древние времена, как, например, Онкелос, внесли большой вклад в еврейскую культуру и стали ее неотъемлемой частью. На настоящий момент в Израиле это не только религиозная, но и социологическая и политическая проблема. Последние волны репатриации принесли в Израиль тысячи людей, которые по алахическому определению не являются евреями, и я думаю, что одна из важнейших задач, которые стоят перед политическим и духовным руководством Израиля, – решение этой проблемы. Это не означает какого-то насильственного обращения в иудаизм, не означает щелчок пальцами, вслед которому по радио объявят, что все теперь стали евреями. Но нужно привести в исполнение те алахические постановления, которые были раньше и которые указывают на разницу между теми людьми, которые де-факто присоединились к израильскому народу, переехали в Израиль, служат в израильской армии, платят налоги или хотят переехать, и человеком, который вполне легитимно где-нибудь в Копенгагене заинтересовался Библией и сказал: «А не стать ли мне евреем?» Я думаю, если мы сумеем серьезно подойти к этой проблеме – а речь идет где-то о четверти миллиона человек, – то и израильское общество станет лучше, и, отвечая на ваш вопрос, это внесет свою лепту в еврейскую культуру и еврейскую традицию.

СУТЬ ТОРЫ – НЕВЫРАЗИМАЯ ТАЙНА

*Ī āi āōāi Bāēīi, ēēūōōōlētā ēīīēāīāōōāēū āāōāēīēīē i ēīōēēē,
īāōāīā-ēē ē dāīāēōīō*

– Я слышал, что вы вышли на путь иудаизма далеко не сразу, что, в общем, естественно для человека ищущего. Меня удивила, во-первых, амплитуда поисков (христианство, буддизм...), во-вторых, возраст, в котором вы начали искать: если мне не наврали – с двенадцати лет уже были пещеры, какое-то мальчишеское затворничество... Как ко всему этому относились родители?

– Дело в том, что родители в каком-то смысле в этом и виноваты. У нас был открытый дом, иногда своего рода перевалочный пункт. Освободившиеся после мордовских лагерей люди, проезжая через Москву, нередко останавливались у нас. И это были самые разные люди. Священники, диссидентствующие буддисты, представители других конфессий... Разговоры о религии, о поисках своего Пути я слышал с детства. Естественно, у нас было много книг, среди которых и «тамиздатовские», и «самиздатовские». Я начал читать их с ранних лет. Поиски мои, помнится, шли одновременно в двух направлениях. С одной стороны, меня невероятно привлекало еврейство, присутствовавшее в семье в каком-то странном варианте, прежде всего в виде книг, постоянно ведущихся разговоров о Б-ге, об уникальной судьбе еврейского народа... Одиннадцати-двенадцати лет я начал учиться ивриту у своего дальнего родственника, Соломона Шура. Дядя Саля (так его называли) тоже был сидельцем: в молодости участвовал в молодежном сионистском движении, в 1939 году был арестован, но вскоре отправился «смыть вину кровью» в боях с Финляндией. Ему повезло – советско-финскую и вторую мировую войны он провел в финском плену, советские лагеря были уже потом. Дядя Саля прекрасно знал еврейскую историю и ивритскую литературу, писал стихи на иврите, но к иудаизму относился с полным, хоть и уважительным, непониманием. Я изучал иврит, читал дореволюционные и «тамиздатовские» книги о еврейской истории и сионизме и параллельно с этим искал путь к Б-гу, общаясь с религиозными людьми, представителями разных конфессий. Сам я эти поиски не воспринимал как параллельные. Так продолжалось несколько лет. Лет в тринадцать-четырнадцать я, уже обойдя доступные мне религиозные центры, зашел как-то в субботу в синагогу в Марьиной роще. Там-то и сошлись параллели – путь к Б-гу и еврейское самосознание. В то время по субботам в синагоге было два миньяна. Первый, ранний, в котором старые хасиды, сохранившие верность Торе, молились с теми молодыми людьми, которые недавно пришли к иудаизму (их было немного, но они были), и второй, попозже, – так сказать, миньян «пенсионеров». Я пришел, когда молился уже второй миньян, но мне повезло – меня заметил замечательный человек, реб Авром Генин, его до сих пор многие помнят. Генин много делал для молодежи, возвращающейся к иудаизму. Он был хабадником, но малограмотным, с трудом читал сидур. Работал слесарем, держал на

Савеловском рынке киоск по изготовлению ключей. При всем том обладал необыкновенным запасом душевной теплоты и духовности... Он позвал меня подняться наверх, в помещение, где проходила субботняя трапеза. Я был поражен, увидев там молодых людей еще более дикого вида, чем я, в ту пору порядком хипповавший. Но почему-то эти бородатые и пейсатые люди начали надо мной подсмеиваться. Я, по молодости, нахохлился и немедленно зачислил их в дураки, попутно сообщив, что все, что мне от них нужно, это научиться читать «Зоар» и «Море невухим» (про эти труды, самые сложные для понимания во всей еврейской книжности, я тогда уже слышал), от чего присутствующие попадали с лавок от смеха. С трудом выбравшись из-под столов, они спросили меня, делал ли я сегодня кидуш? Я спросил, что это за зверь такой? Мне налили стаканчик водки, подсказали слова благословения, я выпил и присоединился к трапезе. Вот так оно все и началось.

– Какой бы либерально-еврейской семья ни была, а дух в ней еврейский, дух предков всегда присутствует – более того, уверен, влияет на судьбу членов семьи. В чем выразался и как ощущался вами «еврейский дух семьи»?

– «Еврейский дух» в моей семье воспринимался и был абсолютно двояким. Семьи отца и матери были в равной степени еврейскими – но каждая по-своему. И это притом что происходили они из одной местности, из белорусских местечек. Мне тогда казалось, что семьи эти несколько презирают друг друга; лишь спустя много лет я понял: дело в том, что материнская семья была хасидской, а отцовская – митнагедской. Хоть кто такие хасиды и митнагеды, уже никто не помнил, но ощущение оставалось. В семье отца еврейство воспринималось как нечто очень изысканное и элитарное, но принадлежащее далекому прошлому; семья матери своего еврейства несколько даже стыдилась, но оно проявлялось во всем – в акценте представителей старшего поколения, в рецептах излюбленных блюд, в постоянном выискивании евреев среди знаменитостей... У нас дома на полках стояло некоторое количество книг на иврите. Танах стоял, несколько стихотворных сборников, книги Жаботинского. Больше было книг по-русски, дореволюционного издания: «История еврейского народа» Дубнова, книжки «Рассвета», «Сафрут»... Между прочим, дед мой был соратником Жаботинского. Издавал газету на иврите, писал еврейские стихи и публицистику. А потом все оставил, решил выжить, сохранить свою семью в Советском Союзе. Но некоторая традиция такого вот элитарного сионизма в какой-то степени осталась в семье, и я чувствовал ее хорошо. Кроме того, дядя Саля, у которого я учил иврит, также воспринимал еврейство как нечто элитарно-интеллектуальное; в качестве исходного материала для своих уроков он использовал стихи Черняховского, «Евгения Онегина» в переводе Шленского (он его почему-то особенно ценил), Псалмы и «Пиркей авот». Для семьи матери еврейство было чем-то совершенно бытовым, повседневным. Притом что никакие еврейские праздники не справлялись, любое семейное торжество было неким подобием то ли пасхального седера, то ли трапезы Рош а-Шана, с ритуальными блюдами, готовившимися на протяжении нескольких дней перед этим, с непременными разговорами о каких-то еврейских событиях. Так что с детства еврейство было важной частью моего существования.

– С чем, главным образом, был связан ваш отъезд в Израиль? Не с тем ли, что вы не верили в возможность возрождения на месте этнической и генетической особенности российских евреев, которые были практически стерты за годы советской власти?

– Совсем не с этим. Я просто хотел жить в Израиле. Это было связано с особенностями моего воспитания. Так уж вышло, что я вырос российским патриотом, точнее, патриотом русской интеллигенции. В ранней юности я увлекся учением Николая

Трубецкого, в частности, его рассуждениями о «малом народе», носителе либеральных ценностей, к которому относятся русские интеллигенты – аристократы и евреи, противостоящие косному «большому народу». Эта идея мне очень нравилась, несмотря на понимание ее несостоятельности. И, даже став религиозным евреем, я продолжал много общаться с русскими диссидентскими кругами. Сотрудничал с «Хроникой текущих событий» – было такое подпольное издание, писал какие-то эссе на совсем уж не еврейские темы. Я воспринимал Россию как нечто совсем свое и очень важное, правда, после нескольких лет израильской жизни это ощущение в значительной степени исчезло. Сомнений в том, что еврейство в России может возродиться, у меня даже не возникало. Но, несмотря на все это, еще раз повторю, я хотел жить в Израиле. Меня постоянно посещали сны о Святой земле, об Иерусалиме... Я вообще не хотел уезжать из России, но хотел приехать в Израиль. Мой отъезд был связан исключительно с приездом.

– Вопрос как к человеку, изучавшему не только еврейскую мистику. Есть такая буддистская поговорка: «Мудрый не оставляет следов на земле. Он незаметен, как ямка в скале». Несколько лет я силюсь ее понять, хотя вроде бы знаю, что лежит в ее основе, и тем не менее... Ведь быть «незаметным» – значит отказаться от религии, своих предков, в конечном счете от всего того, чем нас одаривает жизнь?

– Еврейская мудрость отлична от буддистской. Мудрец, в еврейском понимании, всегда оставляет следы на земле, в противном случае непонятно, можно ли его вообще считать мудрецом. На идише есть даже такое оскорбительное прозвище – «цадик ин пелц», «святой в шубе», праведник, который не оставляет следов, который праведен только для себя. Мудрец следы оставлять обязан. Он должен передавать свою мудрость ученикам. Если он не декларирует каким-то образом своего присутствия в мире, он не выполняет своей миссии, в основе которой лежит молчание. Суть Торы – это невыразимая тайна, которая передается от учителя к ученику посредством речи, но при этом она значительно выше любых слов. Эта дихотомия лежит в основе иудаизма – сокровенная, неизречаемая тайна, о которой необходимо рассказать, передать другим, облекается в будничные слова и повседневные мелкие поступки. Открывающийся в еврейской мистике – каббале и хасидизме – путь к невыразимому, что превышает любых слов, недоступен без исполнения Б-жественной воли, выраженной в алахе – законе, регламентирующем повседневность. Собственно говоря, это парадоксальное сочетание откровенного, высказанного и потаенного, неизречаемого определяет всю еврейскую историю, еврейскую мысль, собственно бытие. И хотя след, оставленный мудрецом, должен быть заметен каждому, но лишь немногие в силах понять его истинный смысл.

Из этого разговора я понял главное: выбор моих собеседников был сделан сознательно, и они о нем не жалеют, потому что выбор их давно уже стал их жизнью, жизнью их детей и целой страны, которую на одном берегу называют исторической родиной, а на другом – просто Родиной. Что же до детства и юности – а разве они не остаются всегда вместе с родителями, отчим домом и тем теплым и светлым, что необходимо переправить с собой, чтобы потом передать своим детям? Тут ведь что важно – не отречься от Паромщика, прийти к наследию Его, в котором нет того или другого берега, но есть оба.

Вы читали? *Ėāī ēā Dācēōīāñēē.* Еврейское счастье-2 // 2008, № 9.

Реакция. В многоцветной палитре изменчивого «еврейского счастья» Леонид Радзиховский, невольно идя на поводу у антисемитов, выделяет только один фактор: участие евреев в экономической и политической жизни России. Но это очень узкий взгляд даже для публициста. Да и само понятие «еврейское влияние» в его буквальном понимании не выдерживает критики. Оно, это влияние, начавшееся с рецепции Библии, намного шире и глубже, чем это представляется Радзиховскому и всем «антисемитским козлам». Увлекаясь статистикой еврейских олигархов, политиков, финансистов и т. д., Леонид Радзиховский забывает о другой статистике, по большому счету гораздо более важной для оценки влияния евреев на общественное сознание России и россиян. И я имею здесь в виду не только тысячи еврейских ученых, врачей, инженеров, музыкантов, педагогов, писателей, журналистов, активно и плодотворно работающих в современной России. К этому следовало бы добавить статистику еврейских общин, синагог, культурных центров, школ и университетов, книг и журналов, появившихся за последние пятнадцать лет и существенно повлиявших на изменение сознания и самосознания российских евреев, возрождение еврейской национальной культуры, религии и традиций и т. д. Если Радзиховский всерьез пытается оценить рост (или затухание) еврейского влияния, то указанные факторы никак нельзя сбросить со счета. Они не столь заметны, как одиозные фигуры олигархов, но не менее важны для понимания общественного климата и перемен в общественном сознании. В современной России нет не только государственного антисемитизма, но и явных антисемитских настроений в массах. Неизлечимых отморозков, конечно, пока еще хватает, но не они создают общественное мнение. Превращение «малого народа» из «сборища безродных космополитов» в полноценную национальную общину не может не вызвать уважения даже у не очень продвинутых сограждан. По крайней мере, у тех, кто способен смотреть не только в прошлое, но и в будущее. Олигархи приходят и уходят, а еврейский народ и его культура остаются жить в веках...

Ā. Ėāñī tā Ėāī āñāñ

Вы читали? Японские ботинки, русская шапка и пакистанские террористы. Беседу ведет Афанасий Мамедов // 2009, № 1.

Реакция. В интервью господина Мамедова вкралась незначительная ошибка, о ней можно было бы и не говорить, если бы его «шапки», предшествующие интервью, не отличались своеобычностью и не были бы столь накалены эмоционально. Песенка действительно из кинофильма «Бродяга», а вот полураскрытый нож, на который «опирается» автор в своем интервью, кажется, из другого кинофильма, тоже индийского – «Цветок и камень». Бродяга Рач Капура – персонаж мирный, чем и снискал любовь советских зрителей. Возможно, в няне, которая спасла мальчика, была частичка той самой «индийской души», которая расцвела однажды на экране много лет назад. Но речь не о бродяге «в русской шапке и японских ботинках». Меня задело другое. Я и предположить не мог, что Павел Фельгенгауэр окажется настолько прав, когда беседовал на мумбайскую тему: «Я не считаю, что это вызов человечеству, да и человечество, по-моему, тоже так не считает». И уж тем более не думал я, что эти слова подтвердятся с такой молниеносностью. Всего-то ничего прошло после мумбайского теракта, а мир уже хором заговорил об израильской агрессии, вот де мол, бомбят кровожадные евреи Газу, уничтожают палестинцев, да еще кичатся тем, что хотят довести дело до победного конца. При этом никто даже не вспомнил о недавних мумбайских событиях, все только и

голосят, что о «неадекватных мерах», применяемых Израилем. К сожалению, и господин Мамедов оказался прав: у этой истории не только «победного конца» нет – вообще какого-либо. Потому что история конфликта – история всего человечества.

Ī . Āāēū'ādeī, Ōādhēīā

Предисловие к книге Масорет а-масорет («Передача предания»)

Yëëÿ Êââèòà

Элия Левита (Элияу Бахур; 1468–1549), родившийся в Германии, но большую часть жизни проживший в Италии, – яркая фигура еврейской литературы и филологии, автор первого в истории идиш-ивритского словаря; он писал научные трактаты на иврите и рыцарские романы в стихах на идише, обучал европейских филологов-гуманистов ивриту и сам учился у них латыни и греческому. С 1527 года он жил в Венеции и служил корректором в типографии голландца Даниэля Бомберга, где незадолго до того вышло в свет образцовое издание Еврейской Библии.

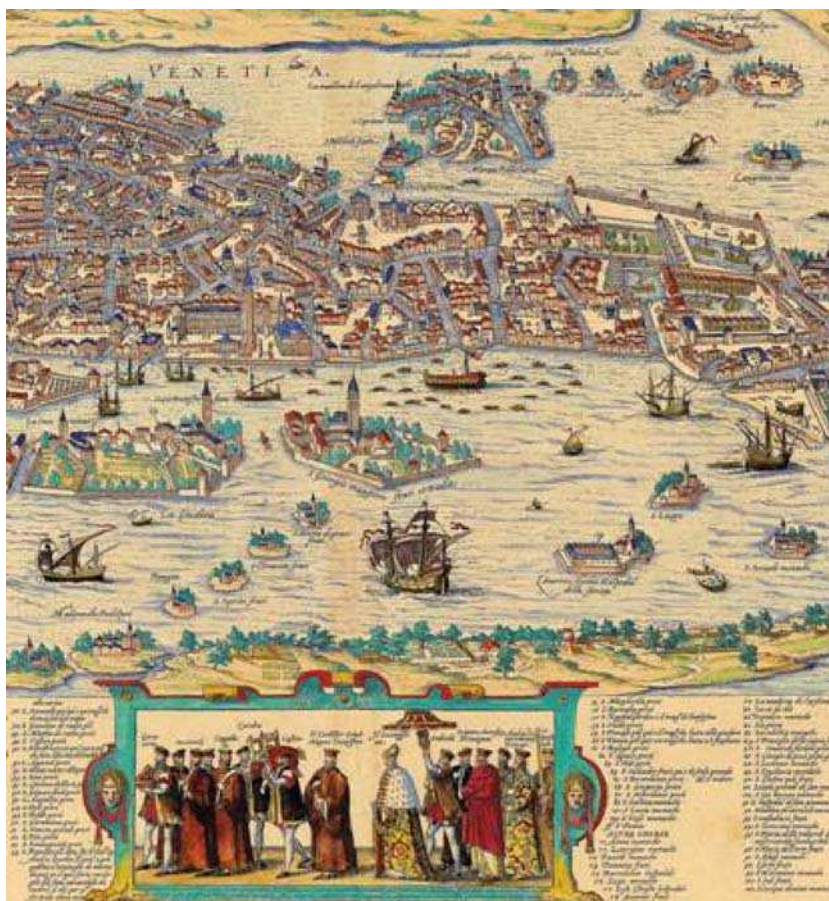
Книга «Передача предания» (1538) посвящена масоре – текстологическому аппарату Библии[1]. Масора в широком смысле слова (сверка текстов, канонизированные разночтения и т. д.) существовала со времен Второго храма, масора в узком смысле (внесение в текст знаков огласовки, кантилляции и пунктуации) была разработана в VII–X веках, после появления рукописных кодексов (тогда как в свитки, читаемые в синагогах, внесение любых дополнений было и осталось запрещено). Однако, укоренившись, масора стала восприниматься как саморазумеющийся древний элемент текста, и основным тезисом книги является доказательство позднего, послеталмудического происхождения знаков огласовки.

По словам самого автора, в этой книге «три предисловия – одно стихами, другое рифмовкой[2], третье забавной прозой»; еще одно краткое предисловие, включающее эти слова автора, предваряет три перечисленных, а ему предпослано еще и «предуведомление к читателю». Ниже приводится перевод всех предисловий, кроме последнего, прозаического.

Текст усыпан цитатами – из Библии, из Талмуда, иной раз из Данте. Я попыталась в какой-то степени воссоздать эффект «узнавания», вставив в перевод три-четыре цитаты из русских поэтов.

Перевод обязан своим появлением на свет д-ру Йосефу Леви, познакомившему своих учеников с произведениями Левиты, и Юлии Шлейфман, которая не только вдохновила меня на эту работу, но и провела немало часов, вместе со мной разбирая текст.

Daôâëÿ Ôî ôî ôîm àí

Карта Венеции. 1572 год.

Г. Браун, Ф. Хогенберг.

Впервые опубликована в Кёльне в 1590 году

Предуведомление к читателю

Да узнает всякий читающий сей трактат, что, когда глава печатников, достопочтенный Даниэль Бомберг, христианин, согласился печатать Двадцать четыре книги Писания большим и малым изданием, он напечатал их со знаками, которые на их языке называются капитулы, в порядке, принятом у христиан; а поскольку в этом заключена изрядная польза, как я уже подробно разъяснил в предисловии к «Книге Избранного», и поскольку это разделение на капитулы делит книги Шмуэль, Млахим и Диврей а-ямим на две части, то пришлось и мне пойти по этому пути. Поэтому знай, что везде, где ты найдешь название книги Шмуэль с буквой «бет» наверху – это означает «Шмуэль, книга вторая» (начиная со слов «И было после смерти Шауля»); и точно так же Млахим с буквой «бет» наверху означает «Млахим, книга вторая» (со слов «И восстал Моав»); и точно так же Диврей а-ямим с буквой «бет» наверху означает «Диврей а-ямим, книга вторая» (со слов «И укрепился Шломо»).

И еще сообщу тебе, что всюду в этом трактате, когда я пишу нечто новое и доселе неизвестное, и делаю открытия, каких до меня никто не делал, ты найдешь на полях текста знак в форме руки, указующей на эти слова и словно говорящей: «Зри – и узришь новое». Итак, я тебя предупредил, теперь начнем во имя Б-га сил.

תחקירה השלישית כח

זלא אמרו וירחלם וחד שורק וכן כזו מלין דכתיבין אי וכל חד לית
 רכותיה כגו לליק לית ופיל לית ולא אמרו דכתיבין חירק והגוסתא
 שסמא בהן דולם או חירק או שורק אינו מלשון בעלי הסמורת
 רק התחכמות הסופר שכתב כן כדי להרא' שהוא הבין הסמורת
 ועתה אודיעך הטעם למה לא קרא להן שמות כמו טקרא לקמץ
 ולפתח וזה לפי שהטענות האחרות יש להן סימן אותיות המטקן
 דל הויו והיוראו או אי והספיקו בשמו' האלו ולא קראו להן שמות
 אדירים אבל הקמץ והפתח שאין להן אות המטקן הוצרכו לקרא
 להן שמות מיוחדין וכן הקמץ קטן ופתח קטן שאין להן אותיות
 המטקן על הרוכ כמו שבארתי בפ' שירה לפיכך קראו להן שמות
 מיוחדים שהן קמץ קטן ופתח קטן ואח' קמו מדקדקים אחרים ושנו
 את שמותן וקראו לקמץ קטן צרי ולפתח קטן סגול נלדעת אלה
 הסכים דעות כלן בשוה אבל שמות של שאר הנקודות לא הסכים
 עליהן דעות כלן בשוה ויש שקרא לנקודות או הולם ויש שקרא
 לו מלא פום וכן קרא לו רבינו שלמה יצחק כמו בסלת וכסימו
 ופעלו לניצוץ עש ואנתנו האשכנזים קוראין לנקודת או כלא פום
 ודא דיעתי מאין הוציאנהו כיאין בכל ספרי המדקדקים והנקודנים
 שקראו לו כן א' קראו לו שורק ואנתנו קורין שורק לנקודת א'
 והמדקדקים קורין לו שלשה נקודות או קבוץ והעיקר שקראו לו
 קבוץ שפתים ויש קורין לו קבוץ פום ונקודות אי קראו לו חירק
 ויש שקורין לו שבר וכן קראו לו רא' ברובה מקומות וכתב שהוא
 נקרא כן בלשון ערבי והתחכם הכותבי קרא לחירק שבר גדול ולצרי
 שבר קטן וברור לי כי החידק של חנועה קטנה ר'ל שהוא בליוד
 הוא שקראו לו שבר ואותו שהוא עם היוד קראו חירק סתם

והנה הארכתי עד הגדת ביותר עד שבארתי ובררתי
 שהנקודות והטעמים לא נתנו ססיני וגם אנשי
 בנסת הגזולה לא המציאום כלל ואינם אלא מעשי ידי בעלי המסור'
 שקמו אח' כמו שבארתי והכלל כי הם העמידו התורה והמקרא
 על עמם ובלוי ספק לולי בא כבר כלתת הוצררה ונעשית התורה
 כשתי תורות ולא היו שני ספרים בכל ספרי המקרא שהיו מסביב'
 יוד כאשר קרה לשאר ספרי הסתברים ולא תראה כמה שגוים

ד ה 4 1

Страница из книги Масорет а-масорет. Венеция. 1538 год

Предисловие

Сказал Элия, сын рабби Ашера, левит, из Германии: прежде чем я начну говорить и изложение путей масоры приводить, расскажу-ка я вам, что вы найдете в этом трактате. Во-первых, сам трактат состоит из двух частей, подобно двум скрижалям из камней. И на первых скрижалях написал я десять речей, и в каждой полезные правила о полном и неполном написании. А на вторых скрижалях другие десять речей, с объяснениями касательно тех вещей, о коих согласны все мужи сего ремесла, сиречь масорёты: крей и ктив и ктив ве-ла хашив, и о камацах и патахах, и макафах, и закефах, и хатафах, и о меняющихся местами, и о многом подобном этому. А затем сделаю ковчег, и открою в нем врата, и сложу в него обломки скрижалей – сиречь те слова, кои применяли мужи малой масоры, как будет разъяснено в предисловии, и имя сей главе – Врата

разбитых скрижалей. Это будет последняя глава в книге, и знаком ее будут обломки скрижалей, сложенные в ковчег.

И увидел я, что сему трактату нехорошо быть одному – сделаю ему подмогу, соответственную ему!^[3] – напишу к нему предисловие, и в нем расскажу о таком, о чем прежде не говорилось, и дам ответы на все вопросы, и разрешу все сомнения, возникающие при изучении слов мудрецов наших блаженной памяти, и мужей Великого собора, и мужей масоры, и тогда глаза читателей узрят истину^[4]. И кроме того, в сем трактате будет говориться о вещах, которые трудно будет понять читателям, если они сначала не прочтут предисловий. Этим предисловий три: одно стихами, другое рифмовкой, третье забавной прозой. И если бы я мог налагать на людей заклятия, я заклинал бы всякого, кто собирается читать эту книгу, чтобы он не приступал к чтению, пока не прочтет всех этих предисловий. А раз не могу заклясть, то прошу и умоляю вас об этом, и кто поступит так – будет благословен. И я убежден, что никто не будет сожалеть и раскаиваться, что потратил время на это чтение: напротив, читатели получают живейшее наслаждение, ибо найдут здесь много благого и нового, чего прежде не знали и не слышали, и не только о масоре, но и о грамматике, и об огласовке, и о другом, о чем не упоминали ни ранние, ни поздние авторы; а также мирские речи и посторонние разговоры обо всем, что со мной случилось и что я видел, а также мои оправдания перед многими людьми, которые выступают против меня и ругают меня за то, что я преподавал Тору ученикам, которые того недостойны; и все это приятно для ума и упоительно для слуха, и все это правдиво вполне, и кто за Г-спода – ко мне!^[5]

Венеция. Гравюра. XVI век

Предисловие первое, стихотворное

Возношу благодаренье,
Воссылаю восхваленье
Тому, Кто весь огромный мир
Создал за шесть дней творенья,
Поставил землю над водой,
Сотворил на ней растенья,
Народы мира расселил,

Взял один Себе в служенье.
Он спас евреев от беды,
Вывел из порабощенья;
Рука Его несла им жизнь,
Египтянам – поражение;
Он пламя веры ниспослал
Им в Синайском откровенье,
Благословенную страну
Даровал им во владенье.
Они же стали, угучнев[6],
Предаваться прегрешенью,
Ваалу и Астартам несть
Стали жертвоприношенья.
И Б-г узнал – и покарал
Их за чуждое служенье:
И мор, и глад, и супостат
Нанесли им сокрушенья.
Покинут град – и вместо стад
Пустота и разрушенья,
А люди все уведены
(Как и в наши дни) в изгнание;
В тоске у вавилонских рек[7]
Ждали срока исполненья.
И Тора семьдесят годов
Пребывала в разоренье;
Они сменили имена,
И язык, и одеянье;
И чужеземных брали жен,
В нарушение наставленья,
И дети знали лишь язык
Матерей в том поколенья.
Но Кир, царь Персии, пришел
И окончил срок плененья,
И пленников он отпустил:
«Стройте град на загляденье!»
И Эзра (он же Малахи[8])
Выполнил сие веленье.
Он был мудрец, писцам – отец,
Мать – Писанью и Преданью,
Увел изгнанников домой,
Прекратил их злоключенья.
Он разбирался как никто
В обновленном написанье,
Очистил текст от сорняков
И венцу вернул сиянье.
С тех пор Писанье берегли
Неусыпным попеченьем.
В Тиверье[9] жило большинство
Тех, кто сохранял Преданье, –
От них-то к нам и перешло
Это славное ученье.
Ведь это им принадлежит
Знаков всех изобретенье –
И огласовок, и тонов,
Разъяснивших Торы чтение:
Без них у каждого стиха
Были б разные значенья,

Но масорёты лучше всех
Понимали смысл Писанья,
И неразумно толковать
Против их установленья.
Где полным пишутся слова,
Где – неполным написаньем;
Где меж словами перерыв,
Где у слова ударенье –
Всему оставили они
Знаки для запоминанья,
Но сохранили их секрет
Варварским обозначеньем.
И многие плутали в них,
Не поняв их назначенья,
Пока друзья мои ко мне
Не воззвали в удрученье:
«Что медлишь, Элия? Вставай,
Покажи свое уменье!
Масору светом озари,
Одари нас разьясненьем!
Ведь ты проник и все постиг,
Поделись же разуменьем!»
И молвил я душе своей:
«Не преисполняйся ленью!
Вставай и послужи Творцу,
Ради Торы сохраненья,
Раз получила от отцов
Место ты для обитанья!»
Ответила душа моя:
«Ах! Берусь за исполненье!»
И вот я встал, не почивал,
Ночи проводил во бденье,
Пока не извлеку на свет
Давней тайны разрешенье,
Открою эту тайну всем,
Возвращу слепому зренье^[10],
На двух скрижалях напишу
Книгу всем на удивленье,
Дабы ее уразуметь
Все могли без исключенья;
Резцом железным и свинцом^[11]
Высеку ее реченья,
Да не хулит ее никто
Неподобной разной бранью^[12].
Над градом глас свой вознесу,
Как шофар^[13], с провозглашеньем:
Эй, млад и стар, бери товар,
Поспешай с приобретеньем!
Ученье – свет, греха в нем нет!
Мой товар ведет к ученью!
Что стоят по сравненью с ним
Драгоценные камни!
Итак, масору разьяснит
Сей трактат без затрудненья,
И называться будет он
«Передачею Преданья».
Стихи к концу пришли, Творцу

Возношу благодаренье!

Осада Рима 6 мая 1527 года. Йоханнес Лингенбальх

Предисловие второе, рифмованное

РЕЧЬ ЭЛИИ ЛЕВИТЫ,
Грамматика и пииты,
Выводящего заветы издалека[14]
Об установлении законов[15] языка
И пролагающего путь грому[16],
Звуку малому и большому[17],
В немногих словах,
В ученых трудах,
Которые понемногу
Пробили себе дорогу[18] –
Четыре малых создания[19],
Все – о языкознании:
Первою я написал
Книгу, в коей разъяснял
«Шествие по стезе познания»[20] –
Она удостоилась общего признания[21];
Затем «Книгу Избранного»[22], что меня прославила
И всех грамматиков позади оставила[23];
Затем «Книгу сочетания»[24],
Где собраны иноязычные слова Писания,
И наконец, «Главы Элии»[25] –
Вот творения мои.
И сии четыре чада[26]

Мне награда и отрада:
Их многократно в свет выпускают
И на чужой язык перелагают;
Обрезанные и необрезанные их читают
И усердно изучают;
Всюду слух о них летит,
Всюду слава их[27] гремит,
Они благоухают, точно благой елей[28],
И служат к гордости моей:
Ибо – скажу вам честно –
Такого до сих пор не известно,
Чтоб автора Б-г наградил
И настолько при жизни отличил,
Чтоб его книги чтили и знали[29]
И по несколько раз переиздавали,
Как меня Он отличил –
А я еще жив[30] и полон сил,
И мудрость множить[31] готов,
И обучать учеников,
Дабы и они от нее вкусили;
А ныне меня окружили
Мои ученики, и почитатели,
И все мои прежние приятели[32],
И молят меня об одном:
«Заклинаем тебя Творцом,
Заклинаем святостью Торы –
Поведай нам тайны масоры!
Ты ведь этим занимаешься[33]
И в сих вещах разбираешься
Мощною десницей
Так, как и не снится
Никому из мужей нашего поколения!
Внемли же нашим молениям».
Сии приятные речи[34] я с радостью встретил
И так на них ответил:
– Я исполню ваше волеизъявление,
Каковое совпадает с моим стремлением:
Ибо, клянусь Г-сподом, случилось,
Что эта мысль во мне зародилась
Еще в то время,
Когда я жил в Риме
И писал там те сочинения,
О которых упоминал ранее.
Но тогда я не сумел
Сделать то, что хотел:
Град завоевали[35],
Злые времена настали[36],
И мечта осталась мечтой.
Я тогда был молодой[37].
Но теперь, когда
Преклонны мои года[38]
И Б-г меня удостоил
И в новом месте приют мне устроил –
В Венеции благословенной,
Граде великом и несравненном[39], –
Я к вашей просьбе снизойду
И во Израиле такое произведу,

Что кто ни узрит[40],
Лишь о том и заговорит:
Труд доселе небывалый
О масоре, большой и малой,
Ибо вот уж двадцать лет[41]
Сбираюсь выдать его в свет,
Дать масоре разъясненье,
Показать ее рожденье,
От ошибок предостеречь
И раскрыть ее речь,
Доселе скрытую между строк,
Словно в книге, закрытой на замок[42].
Сколько я над этим сидел,
И трудился, и корпел,
Не почивал, не отдыхал[43] –
Всё книги изучал.
Множество книг, мудрых и верных,
Изучил я преусердно,
И, клянусь, не раз и не два[44] –
Б-г свидетель, правдивы мои слова! –
Мне случалось провести
День или два[45] в пути,
Если я узнавал,
От кого-нибудь весть слышал[46],
Что смогу в том месте достать
Текст Писаний, коему можно доверять.
Эту рукопись я брал
И внимательно сверял,
И если верна была молва –
Переписывал из нее слова[47],
Благие и верные[48],
Словно роза меж терниев[49].
И воистину, в большинстве случаев
Самые выверенные и лучшие
Тексты Писания –
В книгах из Испании.
На них я и полагался[50]
И их стези держался,
Дабы истину сохранить.
Однако жажду утолить
Душа моя могла,
Лишь когда пила
Из книги «Ахла ве-охла»[51],
Из коей я перенял
Много правил и применял.
Обойди хоть целый свет –
Этой книжке равных нет:
Другой книги, в которой
Разъяснялась бы масора,
Больше в мире нету,
Одна лишь эта,
Не считая того, что есть –
Чуть-чуть там, чуть-чуть здесь[52] –
На полях самих Писаний, где недостатков не счесть[53],
Ибо писцы злоумышляли
И неправильно писали,
У них была одна забота –

Украшать свою работу,
Чтоб строки были одной длины,
И со всех сторон равны,
И нигде не вылезали,
Да еще и украшали
Завитушками, и узорами,
И всяческими уборами:
Украшают-украшают,
А потом места не хватает,
И приходилось сокращать –
А то, наоборот, нагромождать
Целые валы [\[54\]](#) украшений
Да посторонних выражений:
Из другого места брали
И в рукопись вставляли,
Хоть им тут и не место –
Лишь бы заполнить место,
А в другой раз пишут – глядь,
Приходится обрывать:
Места, видите, не хватает,
Вот они и сокращают,
До конца не дописав,
На полуслове оборвав –
Ничего не разобрать!
Вот, к слову сказать,
Двадцать четыре книги Писания
Вышли здесь [\[55\]](#) в новом издании [\[56\]](#):
Я не видел никогда [\[57\]](#)
Среди прежних книг такого труда
По благолепию украшения
И по соразмерности расположения.
Подготовил их муж ученый,
Знаменитый и просвещенный;
Во Израиле он звался [\[58\]](#) Яков [\[59\]](#),
Да завяжется его душа в пять узлов [\[60\]](#).
И хоть на вид работа достойна похвал,
Он то и дело спотыкался и блуждал [\[61\]](#),
И оставлял ложные свидетельства [\[62\]](#)
В неисчислимых количествах,
И понятно почему:
Братся пришлось ему
За новое ремесло,
А начало всегда тяжело.
Я же, рук не покладая,
Лености не уступая,
Трудился, не жалея сил [\[63\]](#),
И свет от тьмы отделил [\[64\]](#),
И установил в них порядок,
И оставил расстояние от стада до стада [\[65\]](#), –
И вот, занимаясь этим,
Я понял то, чего на свете
Еще никто не мог взять в толк
(И тем я выполнил свой долг [\[66\]](#)),
И нашел вещи, коих доселе
Не видели и не разумели:
Ведь для людей наших времен
Все вопросы передачи писем

До сих пор были скрыты
Или полностью забыты,
И немногие в силах понять их суть,
Да и те в глазах их суть
Словно сон без объяснения,
Кому нет примененья[67]:
Не внемлют! видят – и не знают,
Ибо во тьме[68] пребывают.
А ведь назначенье масоры –
Быть оградой для Торы[69],
Где из каждого стиха
Выводится алаха,
И законы, и сказанья,
И правила, и толкованья, –
Здесь даже имеет значение,
Есть ли в тексте «матерь чтения»[70]:
Например, «Не следуй за большинством в споре»[71] –
«Спор» пишется без гласной, согласно масоре;
Или вот «На косяках дома твоего»[72]:
Второй гласной нет – косяка достаточно и одного;
И из прочих мест канона
Вычисляются законы.
Это я и изложу
И все точно расскажу
И о правилах, и об их применении
В этом небольшом сочинении;
Расскажу в немногих словах
О драгоценнейших вещах,
Что лишь недавно внесены[73],
Не от века сотворены[74],
И взошли на небосвод[75],
И сияют нам с высот –
Мудрые меня поймут[76]
И в Писании найдут
То, что было скрыто доньше,
И да будет мое имя
На устах книгочеев,
Евреев и неевреев,
Что нашу Тору почитают
И с моей помощью изучают.
Клянусь Творцом, что именно гой,
Христианин, никто другой,
На этот путь меня навел
И сюда меня привел:
Он был моим учеником,
И десять лет его дом
Был и моим: я у него жил
И Торе его учил.
За это меня многие ругают
И заслугой не считают;
И некоторые раввины
Показывают мне спины
И недовольны мною,
Что я преподавал Тору гою, –
На основании псалма, что утверждает:
«Ибо народы законов не знают»[77];
Но я не поленюсь

И перед ними извинюсь,
Расскажу все, что было со мною,
И ничего не скрою.
В 269 году[78]
Поднялось злодеяние, на беду[79]:
Падаю, где я жил,
Неприятель захватил,
Разграбил и разорил;
Жилище мое было разорено[80],
И имущество, как навоз, сожжено[81],
И множество израильтян истреблены[82],
А те, кто не погиб, всего лишены,
И выпало на нашу долю
Много страданий и боли,
И пришлось мне во главе изгнанников[83] бежать
И в новом месте приют искать.
Через некоторое время
Оказался я в Риме,
А в этом граде пребывал
Великий и славный кардинал,
Мудрый, как Иедидия[84],
Звали его Эджидия[85].
Я узреть его решил
И в чертог его пришел[86].
Он спросил, кто я такой.
Я ответил: «Знайте, господин мой,
Что я, имярек, –
Ученый человек,
Грамматик из Германии,
Науку и Писания
Столь хорошо изучивший
И руку в этом деле набивший,
Что ни один человек
Меня уж вовек
Не превзойдет ни в знании,
Ни в искусстве выражения,
Ибо я учил ученых
И превосходил непревзойденных.
Я учился не только у знатоков,
Но и у своих же учеников –
Как сказал рабби Иуда[87],
Один из мужей Талмуда:
«Многому научился я у учителей,
Еще больше – у друзей,
Но больше, чем у тех и у других, –
У учеников своих»[88].
Едва он это услышал –
Вскочил и ко мне подбежал[89],
И лобзал меня лобзаниями уст своих[90], вопия:
«Вы ли это, господин мой Элия?![91] –
Чья слава все страны облетела[92],
Не зная ни границ, ни пределов,
Чьи сочинения обошли
Все города земли?
Благословен Всевышний Б-г,
Вас приведший в мой чертог!
Вот что: с этого же дня

Оставайтесь у меня!
Вы будете мне за раввина,
А я вам буду за отца и сына[93],
Вы будете меня учить,
А я буду кормить и поить
Вас и всю вашу семью
И за ценой не постою».
Вот так нам сойтись случилось,
И железо о железо точилось[94]:
Я свой дух на него излучал
И сам от него получал
Познания благие и прекрасные
И с истиной согласные –
Ибо мудрец завещал:
«Принимай истину, кто бы ее ни сказал»[95].
А теперь я объяснюсь
И, если нужно, извинюсь;
Я открыто признаю,
Будто пред судом стою:
Да, действительно, не скрою,
Мне приходилось учить гоев,
Но знайте, что и после сих вещей,
Благодаренье Б-гу, я еврей
И поклоняюсь Б-гу сил,
Что небо и землю сотворил[96].
Я не свершал преступлений[97]
И не нарушал ничьих наставлений!
Ведь что мудрецы постановили?
«Тайны Торы гоям передавать»[98] запретили –
То есть не сказали, что нельзя преподавать!
А только – что нельзя передавать
Тайны, требующие особого наставления
(Сотворение мира, «колесница», «Книга творения»):
Вот их-то открывают лишь посвященным,
Сынам Израиля мудрым и просвещенным,
А заниматься с недостойными учениками –
Все равно что к праще привязывать камень[99],
Все равно что бросать камень в языческие сооружения[100]
(Когда, желая посрамить, совершаешь поклонение).
И еще сказано: кто недостойному Тору преподает[101] –
Тот в несказанной муке в ад сойдет[102],
И в ужасе душа его замрет,
И нераздутый огонь его пожрет[103].
Так ведь здесь имеется в виду только израильтянин,
Не идумеянин, не исмаильтянин!
А вот и еще свидетельство из Гемары:
Можно передавать тайны Торы
Лишь обладателю пяти свойств неизменных[104]:
Человеку из пожилых и почтенных[105]
И так далее, как у Исаяи говорится,
И на этом мы можем остановиться.
Итак, мудрецы не выносили постановления,
Будто учить гоя – это преступление,
И стало быть, я не виноват.
И потом, они же сами говорят,
Что можно учить гоя
Семи заповедям сынов Ноя![106]

А разве можно его обучить
И в эти семь заповедей посвятить,
И растолковать их ученику,
Не обучив его прежде языку?
И потом, замечу вкратце,
Что здесь я могу сослаться
На великих мужей прежних времен
(Я не достоин называть их имен),
Чей мизинец моих чресел толще[107],
Которые учили гоев еще больше!
Из них одни доселе живы,
Другие уже ушли в мир счастливый,
Среди них были раввины и ученые,
И пожилые и почтенные[108],
И мудрецы, и врачи,
И утопающие в роскоши богачи –
Так что ж тут такого, если и я,
У которого такая большая семья, –
Человек униженный и оскорбленный,
И путами бедствий оплетенный[109],
И корыто мое разбито,
И поле мое размыто,
И не растет на нем ни злак, ни рожь[110],
А только мрак и дрожь
Посеяны на нем как смешанное семя[111],
И дважды обмануло меня[112] время –
В Падуе забрало мое добро
И в Риме до меня добралось:
В 287 году[113],
На беду, другого слова не найду,
Рим был осажден,
И разграблен, и разорен,
И остался я с семьей
Без гроша за душой,
И постигла нас беда[114],
Наступили холода,
А в доме ни одежды, ни хлеба, ни дров,
И мать своим телом греет птенцов,
А дочери выросли и хотят мужа,
И с каждым днем жизнь все хуже, –
В таком отчаянном положении
Человек схватится и не за такое предложение!
Надеюсь, после такого объяснения
Мне простят мое небольшое прегрешение.
Ведь правило таково:
Спасение жизни важнее всего[115].
И еще я должен сказать,
И все должны об этом узнать:
Я клянусь и подтверждаю,
Что все гои, кого я знаю,
Которых учил я или другие, –
Люди достойные и отнюдь не плохие,
И евреям то и дело
Помогали словом и делом!
То есть когда гой наш язык изучает –
Это нас же и спасает!
Это снимает с меня обвинения

И дает и мне надежду на спасение.
 И потом,
 Я ведь в основном
 Преподаю – и евреям, и гоям, –
 Грамматику, а не что-нибудь другое!
 Но если при этом кто-нибудь из них
 Пожелает прочесть из Писаний стих,
 То разве сей стих объяснить
 Значит так уж согрешить?
 И потом, если я не стану объяснять, –
 Разве он сам не сможет его понять
 С помощью моих книг,
 Которые всё объясняют вмиг?
 Читающий их обретает успокоение^[116],
 И потому-то в непрестанном стремлении
 Иноверцы, приблизиться к языку желая,
 Каждый день ко мне взывают^[117].
 И если я рассказываю то, что они хотят знать, –
 За что же меня упрекать
 И считать меня негодяем,
 Если я их просьбу выполняю?
 А если и я от них что-то брал,
 Открывал уста и вкушал^[118]
 Доброго разумения^[119] сладкий плод,
 Приятные речи – сотовый мед^[120],
 Который из их уст каплями стекал,
 И съедал сердцевину, а шелуху бросал,
 И безвкусный сок мальвы^[121] и не думал съесть,
 За то, что я съел чуть-чуть меда, – мне умирать?!^[122]
 Итак, о мудрецы, примите мои объяснения,
 И да смолкнут ваши обвинения^[123],
 Ибо вы видите, конечно,
 Что я извинился чистосердечно,
 И запретов, Б-же упаси, не отменяю,
 И все сказанное принимаю,
 И Б-г любит честных,

И теперь вам все известно.

*יְאֵדָאִי אֲנִי עֹשֶׂה לְאֵלֵי אֵלִים
 דְּבִרְיָאֵי הוֹרִי אִי אִי*

[1] По определению Краткой еврейской энциклопедии, масора – «свод указаний, служащих сохранению канонизированного текста Библии и нормативов его оформления при переписывании». Слово «масора»/«масорет» буквально означает «предание», так же как и латинское слово «традиция».

[2] В «стихах» все четные строки имеют общую рифму, а в «рифмовке» у каждой пары строк своя рифма.

[3] Берешит, 2:18 (о сотворении женщины).

[4] Теилим, 17:2: «глаза Твои видят истину».

[5] Шмот, 32:26.

[6] «И утучнел Йешурун, и начал лягаться» (Дварим, 32:15).

[7] Теилим, 137:1.

[8] Отождествление Эзры с пророком Малахи – см. Мегила, 15а.

[9] Точнее, в Тверии (от имени императора Тиберия).

[10] Йешаяу, 42:7.

[11] Иов, 19:24.

[12] Эта цитата из русской литературы вставлена в перевод для иллюстрации эффекта узнавания.

[13] Йешаяу, 58:1.

[14] Йешаяу, 25:1.

[15] Шмот, 15:25.

[16] Иов, 28:26, 38:25.

[17] Теилим, 104:25. «Большие и малые звуки» – в современной терминологии долгие и краткие гласные.

[18] Берешит, 38:29.

[19] Мишлей, 30:24.

[20] «Шествие по стезе познания» («Маалах швилей а-даат») – книга по грамматике иврита, написанная Моше Кимхи в конце XII века и изданная Левитой в 1508 году.

[21] Комментарий Левиты к «Шествию по стезе познания» был издан в Пезаро в 1508 году и переиздан в Венеции в 1546 году.

[22] Одно из имен Левиты – Элияу Бахур («Избранный»). «Книга Избранного» («Сефер а-Бахур») была издана в Риме в 1518 году и переиздана в Исни в 1542 году.

[23] Йешаяу, 44:25.

[24] «Книга сочетания» («Сефер а-аркава») была издана в Риме в 1518 году и переиздана в Венеции в 1546 году.

[25] Книга «Главы Элии» («Пиркей Элияу») была издана в Пизе в 1520 году и переиздана в Венеции в 1546 году.

[26] Даниэль, 1:17.

[27] Йешаяу, 6:3.

[28] Теилим, 133:2.

[29] Эстер, 9:28.

[30] Йехезкель, 7:13.

[31] Йешаяу, 28:29.

[32] Иов, 42:11.

[33] Иов, 10:13.

[34] Теилим, 141:6.

[35] Зхарья, 14:2. В 1527 году.

[36] Коелет, 12:1.

[37] Шофтим, 6:15.

[38] Берешит, 18:12 (слова праматери Сары).

[39] Йона, 3:3.

[40] Шмуэль I, 3:11.

[41] Берешит, 31:41.

[42] Йешаяу, 29:11.

[43] Иов, 3:26.

[44] Млахим II, 6:10.

[45] Шмот, 21:21.

[46] Ирмеяу, 49:14 и др.

[47] Иов, 32:15.

[48] Шмуэль II, 15:3.

[49] Шир а-ширим, 2:2.

[50] Теилим, 71:6.

[51] Ахла ве-охла – масоретский сборник, содержащий, в частности, список в сотни пар одинаково и уникально огласованных слов.

[52] Йешаяу, 28:10, 13.

[53] Коелет, 1:15.

[54] Йешаяу, 22:10.

[55] «Здесь» – в типографии Бомберга в Венеции.

[56] Микраот гдолот – издание Библии с комментариями и арамейскими переводами.

[57] Берешит, 41:19.

[58] Дварим, 25:10.

[59] Яков бен Хаим Ибн-Адония (1470? – ?).

[60] В оригинале «Да будет его душа завязана в дырявый узел» – вместо обычной формулы «Да будет его душа завязана в узел жизни». Дело в том, что Ибн-Адония к этому моменту не умер, а перешел в христианство.

[61] Йешаяу, 28:7.

[62] Шмот, 20:15.

[63] Коелет, 2:11.

[64] Берешит, 1:4.

[65] Берешит, 32:16.

[66] Талмудический термин.

[67] Коелет, 2:11.

[68] Теилим, 82:5 (стихотворение Державина «Властителям и судиям» является переводом этого псалма).

[69] Мишна Авот, 1:1, 3:17.

[70] «Матерь чтения» (*mater lectionis*, эм а-криа) – буква, обозначающая гласный звук; написание многих слов в иврите может быть «полным» (с «матерью чтения») или «неполным» (без нее).

[71] Шмот, 23:2.

[72] Дварим, 6:9.

[73] Дварим, 32:17. Это главный тезис книги: огласовки и другие знаки масоры появились сравнительно недавно.

[74] Йешаяу, 48:7.

[75] Берешит, 1:15.

[76] Даниэль, 12:10.

[77] Теилим, 147:20.

[78] В 1509 году.

[79] Йехезкель, 7:11.

[80] Ирмеяу, 10:25.

[81] Млахим I, 14:10.

[82] Млахим II, 7:13.

[83] Амос, 6:7.

[84] Иедиия (буквально «друг Б-га») – царь Соломон (см. Шмуэль II, 12:25).

[85] Точнее, Эджидио де Витербо.

[86] Теилим, 27:4.

[87] Точнее, рабби Йеуда а-Наси, кодификатор Мишны.

[88] Макот, 10а.

[89] Берешит, 33:4 и др.

[90] Шир а-ширим, 1:2.

[91] Млахим I, 18:8.

[92] Эстер, 9:4.

[93] Конструкция, часто встречающаяся в Торе, например: «Он будет тебе устами, а ты будешь ему Б-гом» (Б-г Моисею – об Аароне; Шмот, 4:16).

[94] Мишлей, 27:17.

[95] Рамбам, предисловие к Шмона прахим. Левита цитирует эту фразу в формулировке Сефер а-хинух (мицва 469), книги анонимного автора из Испании XIII века, изданной в Венеции в 1523 году.

[96] Йона, 1:9.

[97] Иов, 34:10.

[98] Хагига, 13а.

[99] Мишлей, 26:8.

[100] Сангедрин, 64а.

[101] Макот, 10а; Хулин, 133а.

[102] Берешит, 42:38 и др. По мнению д-ра Йосефа Леви, это несомненная аллюзия также и на «Божественную комедию» Данте.

[103] Иов, 20:26.

[104] Хагига, 13а.

[105] Йешаяу, 9:14.

[106] Сангедрин, 74б и др. «Семь заповедей сынов Ноя» относятся ко всем народам, в отличие от Десяти заповедей, наложенных на евреев; они предписывают подчинение законам и запрещают убийство, богохульство, идолопоклонство, разврат, разбой и употребление мяса, отрезанного от живого животного.

[107] Млахим I, 12:10.

[108] Йешаяу, 9:14.

[109] Иов, 36:8.

[110] Дварим, 8:8.

[111] Тора запрещает засеивать поле разнородными семенами («килаим»); Ваикра, 19:19.

[112] Берешит, 27:36 (о Якове).

[113] В 1527 году.

[114] Даниэль, 12:1.

[115] «Спасение жизни» – алахический принцип, запрещающий выполнять предписания религии, если их выполнение связано с угрозой для жизни (Йома, 82а; Ктубот, 19а).

[116] Ирмеяу, 6:16.

[117] Йешаяу, 58:2 (вместо: «желают приблизиться к Б-гу <...> каждый день взывают ко Мне»).

[118] Йехезкель, 3:2.

[119] Теилим, 119:66.

[120] Мишлей, 16:24.

[121] Иов, 6:6.

[122] Шмуэль I, 14:43 – слова Йонатана, сына Саула; эти же слова, только с другой интонацией («Вкушая вкусих мало меда и се аз умираю...»), стали эпиграфом к поэме Лермонтова «Мцыри».

[123] Бемидбар, 17:25.

РАССКАЗЫ: РОДОСЛОВИЕ БЕШТА, ЕГО ДЕЯНИЯ И ОБЫЧАИ

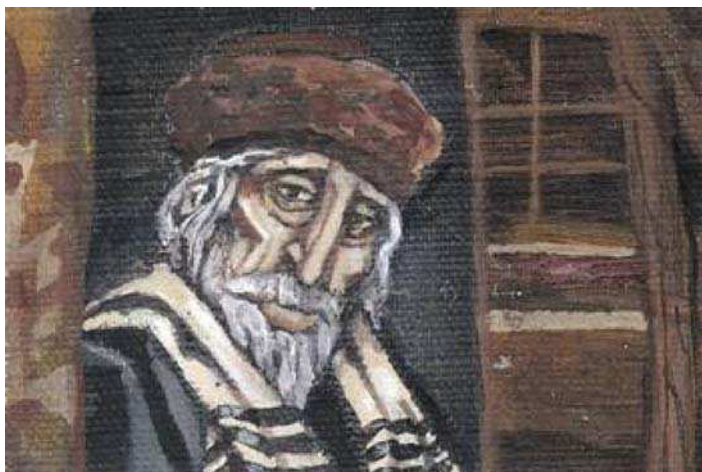
Накануне открытия миру

Рабби Яаков Маргалиот писал в своей книге «Квуцат Яаков»: «Накануне своего открытия миру Бешт служил провожатым детей у одного меламеда в Городенке и столовался у рабби Хаима, благословенной памяти, тестя выдающегося учителя рабби Меира, благословенной памяти, автора книги “Меир нетивим”. Жена его по имени Хая была величайшей праведницей. Хае было известно величие Бешта, но он заставил ее поклясться, что она никому ничего не откроет. Поначалу величие Бешта стало открываться ей так. Однажды нужно ей было поехать к одному господину, и она взяла Бешта с собой для охраны. По дороге встретился им один необрезанный, и язвил их, и бросал в них камни. Сказал ей Бешт: “Никому не рассказывай, что я сделаю с необрезанным”. Сказала ему: “Упаси меня Г-сподь что-либо рассказать, разве ты сам пожелаешь”. Вперил Бешт взор в того необрезанного, и тот мгновенно погрузился в землю».

В похвалу той праведнице

Еще писал там рабби Яаков Маргалиот: «Рассказывал мне мой отец, благословенной памяти, что в 5531 (1770/1771) году было дурное поветрие и распространилась повсюду гниль, упаси Г-споди [от такого] за наши молитвы. Решили гои взять кости мертвого и сжечь их, и развеять пепел по-над городом, дабы не пришло поветрие в город. И не хотели брать тело гоя, и пробрались украдкой на кладбище Израиля, чтобы выкрасть тело мертвого из Израиля, дабы сжечь его. Случилось так, что пришли они к могиле той самой праведницы. Только начали раскапывать ее могилу, громкий голос воззвал из могилы, так что они попадали на землю от страха, лишились чувств и не могли сдвинуться с места, и так лежали там, пока не пришли люди и не увидели их лежащими на земле. И возблагодарили Г-спода за то, что случилось с ними, когда они хотели сделать это, и забрали их оттуда».

(Кегаль хасидим ге-хадаш, 10)

Чудо

Сочинитель книги «Раматаим цофим» писал в своей книге, что слышал от святого рабби Ицхака из Несхижа, слышавшего это от своего престарелого тестя святого рабби Леви-Ицхака из Бердичева, который рассказывал о Беште, что в то время, когда Бешт еще не открылся миру, одно время он служил провожатым детей у меламеда. И его хозяин, бывало, ездил к одному раввину, Бешт же хотел поехать с ним, но хозяин не хотел брать его с собой, и Бешт уехал украдкой, притаившись на доске, торчавшей позади телеги. По дороге нееврейский мальчишка бросил в Бешта камень, и у того пошла кровь. На обратном пути, прибыв на то место, где мальчишка бросил в Бешта камень, увидели они огромную толпу, и толпа эта не давала им проехать, требуя от них совета, ибо мальчик прилип к земле и медленно врастал в нее, и чем сильнее пытались разными уловками вытянуть его наверх, тем больше уходил он в землю. Когда увидел Бешт мальчика, сказал ему: «Впредь не бросай камни в евреев!» Мальчик кивнул головой, ибо дар речи покинул его, и отпустила его земля, и встал он, и пошел, целый и невредимый. И после этого случая Бешт оставался провожатым детей у меламеда, а это чудо не повлияло никак, и Бешт не стал известен благодаря ему. И сказал святой рабби из Бердичева: «Это чудеснее самого чуда – что случай этот забылся и ни на что не повлиял, а ведь молва о чуде широко распространилась».

(Кегаль хасидим ге-хадаш, 12)

Рассказывал нам праведный реб Биньямин Перельштейн, мир праху его (когда ехали мы в Бельцы, я и мой зять, и мой друг и учитель Моше Азриэль, и сказанный реб Биньямин Перельштейн, да продлятся в отличие от него дни живых), что слышал он от внука святого Бешта, да будут нам его заслуги защитой, что ему рассказывали, что у одного человека, арендовавшего винокурню, был один слуга. Сказал слуга своему хозяину: «Запрягай лошадей и поедем со мной, ехать нам два часа, и ты увидишь чудо». Приехали в одну деревню к одному необрезанному старику. Сказал слуга необрезанному старику: «Где твой отец?» Сказал ему: «Почто спрашиваешь?» Сказал ему: «А тебе что за дело? Ты только ответь». Тот показал ему, что отец лежит на плекенике^[1]. Подошли и увидели необрезанного человека, дряхлого донельзя. Сказал ему: «Вставай, расскажи нам о случае с Исроэлке».

Тотчас встал старик на ноги, омыл руки, надел на голову шапку, странную такую шапку – заплата на заплате, и стал рассказывать.

«Один раз пошел Исроэлке Бааль-Шем-Тов совершить омовение, а мы стояли там, необрезанные неучи, много нас было, и бросали камни, метя ему в голову. Обратил к нам рабби лицо, взмахнул руками и сказал что-то еле слышно, и все убежали, я же не убежал и снова стал бросать в него камнями. Обратил Исроэлке лицо ко мне, махнул земле рукой, и провалилась подо мной земля, будто яма разверзлась, и я стою в той яме, растопырив руки. И не было никакой возможности вытащить меня из этой ямы. Сошлись все горожане и стали подрывать края той ямы со всех сторон, а я стоял там, и никакие уловки не помогали. Пошли к ксендзам и рассказали им обо всем. Сказал ксендз, что нет мне спасения, разве что просить реб Исроэлке, чтобы простил меня. Так и сделали. Пришел ко мне рабби, да сохранится память о нем и в грядущей жизни, и сказал мне: “Будешь еще задираться?” Я заплакал, и стал просить его, чтоб простил меня, и обещал ему всегда творить добро Израилю. Он взял какую-то шапку и надел мне на голову. Вот эта шапка, – стащил ее с головы старик. – Махнул рукой вверх, и я смог выйти из ямы. И с тех пор я творю добро Израилю».

(Дварим аревим, раздел 1, лист 5, рассказ 13)

Потом он был меламедом

Потом он был меламедом у одного откупщика в том округе. И откупщик высоко ценил его, ибо видел его прямоту и тщание в выполнении заповедей. И попросил Бешт хозяина построить ему комору в лесу за околицей деревни, чтобы учить там его сыновей. И построил ему дом для учения.

Один раз оторвалась кисть-цицит от его малого талита и послал он в город купить ему цицит. До того, как привезли ему кисти, наступило время трапезы, и он должен был пойти со своими учениками домой, чтобы поесть. Надел большой талит и пошел домой.

Один раз он проверил мезузу у себя дома и нашел, что она негодная. И с места не сдвинулся, пока не принесли из города кошерную мезузу и он не прибил ее.

(Кегаль хасидим ге-хадаш, 10)

Трапеза

До того как Бешт, благословенной памяти, открылся миру во всей своей святости, его прозывали кинцн-махер, то есть кудесник. И был там в одном городе один богач, который не верил в силы Бешта. А у богача была единственная дочь, весьма немощная, и врачи не находили никакого снадобья для ее исцеления. И сказали богачу близкие его: «Хоть ты и не веришь в Бешта, мы вот слышали, что рассказывают о чудесных его делах, а ведь [он] живет недалеко отсюда, всего несколько верст, пошли за ним телегу, ибо он наверное найдет для твоей дочери исцеление». И послушал их богач, и послал телегу за Бештом, дабы пригласить его. И поехал Бешт к богачу. И случилось так, что, не доехав до города с четверть версты, остановился он у постоялого двора, бывшего там, и сказал себе: «Заночую-ка я тут, на этом постоялом дворе». Тем временем умерла дочь богача. Поутру, чуть забрезжил дневной свет, прибыл Бешт в город и поехал к дому богача. Отвели ему там комнату, туда он и пошел. И надел талит и тфилин, и стал

молиться. После молитвы сказал Бешт: «Вот не поужинал я, и вот – какая-то слабость у меня на сердце». И передали домочадцы хозяину слова Бешта. И преисполнился гнева хозяин. Как бы то ни было, распорядился подать Бешту еду. И сказал Бешт: «Я хочу испить медовухи», – и дали ему. И спросил Бешт о здоровье дочери богача, и сказали ему: «Вот она мертвая лежит на земле». И взял Бешт немного медовухи, и пошел в комнату, где она лежала, и сказал: «Выведите отсюда всех». И остался только он и его люди. И сказал Бешт своим людям: «Откройте ей рот и влейте немного медовухи ей в рот». И влили ей медовухи в рот. И сказал: «Повелеваю я душе вернуться в тело ее». А ей сказал: «Слушай-ка, вставай на ноги и подай мне ужин на стол». Тотчас встала на ноги и вечером подала ему ужин на стол.

(Йешуот Исраэль)

Бешт в уединении

Слышал я это от рабби Гдальи, а также от тестя моего. Рабби Давид, проповедник святой общины Коломьи, был в отъезде для сбора ханукальных пожертвований. Заблудился по дороге и вышел к дому Бешта во время зажигания свечей, Бешт же был тогда в своем затворническом пристанище. Спросил жену Бешта, где ее муж. Ответила, что пошел к откупщику помочь тому напоить скотину. Сказал ей: «Что найдется здесь поесть?» Ответила ему: «Муж зарезал курицу, посмотрите на нож, и если все, на ваш взгляд, в порядке, сварю вам курицу». Осмотрел рабби Давид нож и нашел его добрым. Пошла праведница и сообщила мужу. Пришел Бешт домой и сделал вид, будто пришел от откупщика, и стал прислуживать рабби Давиду, как малый, который прислуживает великому. Постелил ему постель, поставил кувшин с водой и поддон для умывания. А сам лег с женой в одной кровати, как заведено у деревенских. В полночь встал Бешт с постели, ибо не спал больше двух часов. И сел тихонько у печки внизу, и стал заниматься тем, чем обыкновенно занимался в тиши. Проснулся рабби Давид, проповедник, и увидел яркий свет внизу у печки, и решил, что огонь перекинулся на поленья, что были на печке. Стал будить жену Бешта, крича: «Хана, Хана, огонь на печи горит!» Отвечала ему: «Я женщина, прежде чем оденусь и прикроюсь, огонь еще пуще разгорится. Да простит мне рабби, вода ведь у вас под рукой, спуститесь и потушите огонь». Тот взял кувшин с водой и спустился, чтобы затушить огонь. Подойдя к печи, увидел, что Бешт сидит и сияющий свет исходит от него. И рассказал мне рабби по секрету, что свет стоял над ним, как радуга. Увидев это, проповедник лишился чувств, и пришлось праведнице вернуть Бешта на землю и отвлечь от его размышлений, чтобы тот

привел рабби Давида в чувство. Наутро сказал Бешту рабби Давид, проповедник: «Так и так было – я видел, что это было?» Ответил ему Бешт: «Я не знаю, я читал псалмы, может, снизошло на меня Имя Всевышнего, да будет благословен, и случилось то, что случилось». Повелел ему рабби Давид, и тот открылся перед ним. С тех пор рабби Давид, проповедник, стал время от времени ездить к нему, чтобы услышать от него слова Торы. А когда услышали его друзья, как он толкует Тору, спросили его: «Откуда это у тебя?» И ответил им: «От одного нищего бедняка». И когда рабби Давид услышал реб Гершона [2], как тот увещевал и поносил Бешта, сказал ему: «Оставьте его, ибо он мудрее вас. А боле ничего не сказал ему, потому что Бешт велел ничего не открывать».

(Шивхей а-Бешт, 23, 24)

Начало открытия миру

Потом он поселился в святой общине Тлуста, где тоже был меламедом, и не мог собирать миньян у себя дома, но принимал у себя людей и молился с ними. Одевался он в тузлик [3], и пальцы ног торчали у него из дыр в обуви, ибо он был очень беден. Он имел обыкновение погружаться в микве даже в месяце тевете, и пот выступал у него каплями величиной с горошину. Затем начали приходить к нему некоторые люди, и не хотел принимать их. Один раз привели к нему помешанного или помешанную, а он отказался впустить. Ночью было ему сказано, что ему исполнилось 36 лет. С утра стал он подсчитывать и нашел, что так оно и есть. Принял помешанного, и излечил его, и оставил занятие меламеда, и взял моего тестя, благословенной памяти, к себе софером, и стали приезжать к нему люди из разных мест.

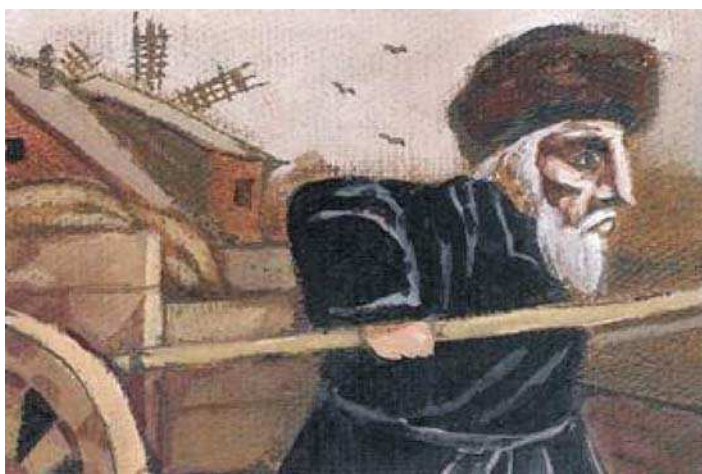
(Шивхей а-Бешт, 23)

Это я слышал от моего тестя и от раввина нашей общины. Однажды, когда Бешт еще сидел в корчме, деревне были нужны дожди. Бешт стал молиться о дождях. Была там в деревне одна ведьма, у которой был один черт. Она ворожила, чтобы не шел дождь. А Бешт своей молитвой порушил ее ворожбу. Сказал ей тот черт, что Бешт рушит ее ворожбу. Пошла ведьма к матери Бешта и сказала ей: «Скажи своему сыну, чтобы оставил меня в покое, а иначе я его заколдую». Мать Бешта подумала, что тот поругался с ведьмой из-за долгов в делах по продаже водки, и сказала ему: «Сын мой, оставь эту гойку в покое, потому что она ведьма». Сказал матери: «Не боюсь я ее». И снова за свое – помолился о дождях. Колдунья вдругорядь пошла к его матери, а потом наслала на него своего черта. Пришедши к Бешту, черт не мог подойти к нему ближе, чем на четыре локтя. Сказал ему Бешт: «Ты посмел прийти ко мне? Сейчас же выйди через стекло в малом оконце, иди к ней и навреди ей!» Тот так и сделал. Потом Бешт поймал того черта и заключил его в лесной острог, откуда тот не сдвинулся вовеки. Когда Бешт был уже известен, ехал он как-то с людьми по дороге, шедшей через тот лес. Остановился и углубился в лес, чтобы взглянуть на черта, скованного в своем заточении, и рассмеялся. Спросили люди, отчего он смеется, и он рассказал им всю эту историю.

(Шивхей а-Бешт, 24)

Это я слышал из уст рабби Гдаљи. Один раз не было у него, у Бешта, ни мацы, ни мяса на Песах. Запряг он лошадь в телегу и отправился по деревням, поработал резником и привез муку и мясо на Песах. Вернувшись, сказал жене: «Проследи, чтобы муку выгрузили из телеги». Не успели муку выгрузить из телеги, как пошел дождь, и мука стала квасной. Жена пошла и сообщила мужу. Тот проверил свой нож и поехал по деревням в другой стороне и привез муку. На подъезде к дому был большой подъем в гору, и лошадь не могла тянуть телегу, тогда Бешт впрягся и тянул телегу, чтобы помочь лошади. Но лошадь все-таки пала, и Бешт был вынужден сам тащить телегу, потому что боялся оставить муку без присмотра. Истощились его силы, встал он возле телеги и с великим рыданием воззвал к Г-споду, благословенно Имя Его. Охватил его сон, и он заснул, не прекращая рыданий. Явился ему во сне пророк Элияу, доброй памяти. Это было первое для Бешта откровение, а Элияу сказал ему: «Слезы твои приняты. Вот я посылаю тебе одного необрезанного, который довезет твою телегу с мукой до дому». Только Бешт очнулся ото сна, подъехал один иноверец с телегой и лошадьми и сказал ему: «Израэль, привяжи свою телегу к моей, и доведу тебя до дома». Когда подъехали к дому, сказал ему иноверец: «Что ты дашь мне за то, что я освежую твою лошадь?» Дал ему зексер[4]. Потом иноверец вернулся и выкупил у него шкуру за четыре злотых, сказав ему: «Смотри, приоденьтесь ты и жена твоя к празднику на эти деньги». Через несколько дней привезли ему остатки шкурок мардера[5]. Спросила жена Бешта: «Купить эти шкурки или нет?» Сказал ей: «Ты можешь их купить». И купила она куньи шкурки на те четыре злотых. Сделал себе атласную жупицу. А жене пошил праздничное атласное платье. Увидел откупщик, у которого Бешт арендовал корчму, что Бешт пошил себе и жене новую одежду, и заподозрил, что тот закупает водку в другом месте. Пожаловался на него реб Гершону и сказал: «Я оказываю ему почет, и если он не признается, и не возместит мне мои убытки, его высекут в замке». Сказал ему реб Гершон: «Я его усовещу». Сказал реб Гершон Бешту: «Откуда у тебя деньги, на которые ты приоделся и жену приодел?» Сказал ему: «Г-сподь послал мне». Сказал ему: «Отчего Г-сподь не посылает мне?» Сказал ему: «Г-сподь тебе не посылает, а мне посылает». Сказал ему: «Откупщик нажалуется на тебя в замке, и тебя высекут». Сказал ему: «Не боюсь я его». В конце концов собрался откупщик пойти с жалобой на Бешта. Не успел и рта раскрыть, как умер.

(Шивхей а-Бешт, 25)

Казак

Двенадцать корчмарей было в городе Глусте, все они держали аренду у городского головы. Был среди них один корчмарь – великий бедняк, и не было у него

денег вносить арендную плату в срок. А у городского головы был один казак, который был поставлен взимать арендную плату и весьма досаждал бедному корчмарю. И чем больше усердствовал корчмарь, стараясь уплатить долг, тем больше притеснял его казак, пока не кончилось у корчмаря терпение. Однажды пришел расчетный день, а у корчмаря и на грош не набиралось денег. И он весьма страшился казака, боясь, как бы тот его не убил. Пошел к Бешту и излил тому свое горе. Ибо, помимо страданий от того, что нет у него денег расплатиться с долгом, еще и казака боится он смертным страхом. Сказал ему Бешт: «Иди себе домой и не бойся. Сегодня, если будет на то Г-сподня воля, выручишь немало, а если и не хватит, то казака не бойся, ибо тот не сможет причинить тебе вреда». Тот день был базарным днем, и удача весьма улыбнулась корчмарю. В полдень примчался к нему казак, дабы в великой ярости растерзать его, ибо не внес арендную плату. Только приблизился к корчмарю на четыре локтя, словно окаменел и не мог сдвинуться с места. Попросил у корчмаря, чтобы тот помог ему. Пошел корчмарь к Бешту и сказал, что страшится, как бы городской голова не лишил его заработка. Сказал ему Бешт: «Пойди скажи тому казаку, чтобы зарекся притеснять евреев, и вмиг избавится от своей напасти». Пошел корчмарь к казаку и сказал ему. Закалялся казак не досаждать боле ни одному еврею до конца своей жизни. Вмиг излечился и стал как все люди. А корчмарь пересчитал деньги, что выручил в тот день, и оказалось, что выручки более чем достаточно, чтобы погасить долг по аренде.

(Сипурей Яаков, 16)

Кровавый навет

Когда Бешт обретался в Тлусте, после случая с казаком, затаили необрезанные зло на него и порешили между собой убить необрезанного мальчика, подбросить его тело в дровяной сарай Бешта и возвести на Бешта кровавый навет в канун первого дня праздника Песах. Убили необрезанного мальчика и подбросили его останки в дровяной сарай Бешта, и никто не знал об этом. Когда Бешт вернулся в канун первого дня Песаха домой из синагоги, сказал своей жене-ребецн: «В доме пахнет падалью». Пошли искать, обыскали весь дом и нашли убитого, брошенного в дровяном сарае. Приказал Бешт надеть на него кафтан и шапку и посадить за стол. Потом сел и сам Бешт за стол, но не стал проводить седер. Ночью пришли необрезанные со стражей к дому Бешта, обыскали дровяной сарай и не нашли тело убитого. И не пришло им в голову, что восседающий за праздничным столом и есть убитый. После того как рылись повсюду и ничего не нашли, ушли восвояси. После того как ушли, приказал Бешт бросить тело убитого в реку, и сделали так. После этого провел Бешт седер в великом воодушевлении. Да охранят его заслуги нас и весь Израиль.

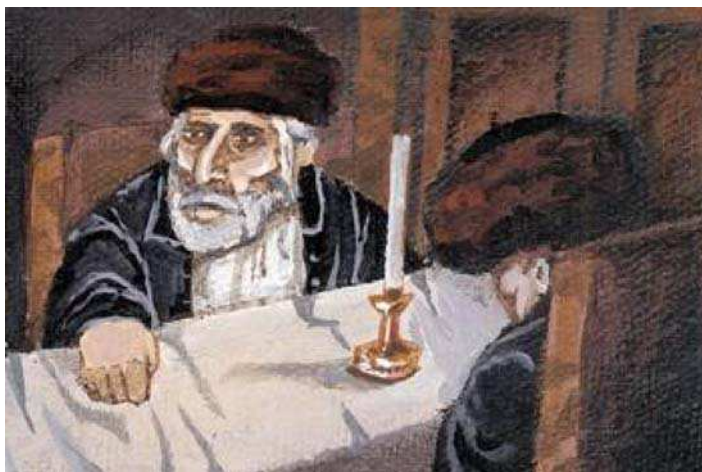
(Сипурей Яаков, 18)

Помешанная дочь

В те дни Бешт, да будет благословенна его память, начал открываться миру, творить чудеса и спасать людей, дабы обратить сердце человека из Израиля к служению Г-споду, да будет благословен. И в те дни жил в городе Галиче один большой богач, и была у него единственная дочь, и поразил ее Г-сподь великим помешательством, избави нас Г-сподь от такого по молитвам нашим. Обратился богач к большим врачам, но все они

не смогли положить конец болезни и безумию ее. Тогда многие важные люди стали советовать богачу поехать к Бешту, дабы тот помолился за нее, и послал бы Г-сподь слово Свое, и исцелилась бы, ибо дошла до них молва, что Б-жий человек Бешт и деяниями своими спасает людей на земле. И прислушался к ним богач, и поехал к Бешту, благословенной памяти, и упрашивал того поехать с ними в Галич, дабы тот посмотрел его дочь и остановил свой взгляд на ней к ее благу и исцелению. Отозвался Бешт на его просьбу и поехал с ним в Галич. По дороге приехали они в город Пистынь и заночевали там. Около полуночи раздался в ночи ужасающий вопль, взывавший к людям: «Всяк, кто Б-гобоязнен в сердце своем, да восстанет с постели своей и да воззовет к Г-споду от всего сердца, и, быть может, Г-сподь смилуется над нами!» И спросил Бешт: «Что за шум это, что весь город гудит от него?» И ответили ему, сказав: «Великая напасть и большая беда в городе, ибо дочь градоначальника помешалась, и врачи отчаялись излечить ее от безумия, а посему решил градоначальник вместе с попами собрать всех евреев, дабы воззвали к Г-споду о ее излечении. И если дочь градоначальника не выздоровеет, то знак это и верное знамение, что нежеланны евреи Г-споду и ненавистны в глазах Его, и что за прегрешения их пала рука Г-сподня на дочь градоначальника, и за грехи их скорбит она. И теперь, если не услышит Г-сподь их, то изгнаны будут из города своего и множество великих притеснений постигнет их». И ответил Бешт, и сказал: «Ступайте к градоначальнику и скажите ему, что явился один мудрец из Израиля, который берется излечить ее, если будет на то воля Г-сподня». И пошли они к градоначальнику и передали ему те слова. И после того как весьма упрашивали градоначальника, он дал разрешение прийти тому мудрецу и лечить ее. И пришел Б-жий человек во дворец градоначальника, и сказал, чтобы убрали из покоя, в котором лежит дочь градоначальника, всех чужих богов, и всех истуканов из серебра и золота, и всякий образ и изображение чтобы удалили из дома. И еще: чтобы ни один человек не остался в дому. И еще: чтобы вервием связали ей руки и уложили ее на левый бок, тогда он войдет в дом и станет лечить ее, как сказал. И сделали так. И спрятался один поп в ее комнате в одном укромном месте, дабы увидеть деяние человека Б-жьего, которое он творит. Однако когда Бешт ступил на порог дома, сказал, что некто есть в доме, что один человек прячется там, и просил удалить его тотчас. И стали искать и нашли прятавшегося попа. И выгнали его. И взял Бешт плат и покрыл свои волосы и бороду, дабы не выглядывал наружу ни один волос из волос головы его и святой его бороды. И наклонился, и прошептал дочери градоначальника слово – в правое ухо прошептал ей. И поднялся, и вышел, и сказал: «Снимите вервие с нее, ибо излечилась она». И увидели все, что излечилась она, и было это великим чудом в глазах всех горожан, и распространилась слава о святости Бешта и о чудотворных силах его. И оттуда поехал он с богачом в город Галич. И подумал себе Бешт, что тут нет надобности торопиться и великие дела совершать в один миг, как сделал он в городе Пистыни, ибо там беда грозила многим из Израиля, а тут он все сделает постепенно и медленно. И повелел привести помешанную в молельный дом в час, когда он будет молиться, и приводить ее во время чтения Торы, дабы святые слова наполняли ее слух, и тогда всякое зло и всяческий ущерб устроятся и удалятся от нее. И пробыл там Бешт, благословенной памяти, около четырех недель, и исцелилась дочь богача, и стала здоровой, как прежде, и имя Бешта открылось миру, и слава его распространилась весьма.

(Кегаль хасидим, с. 4)

По бедности своей

Бешт никуда не ездил, покуда жена его, ребецн, не приносила ему счета за муку, и мясо, и прочие потребные для дома вещи, за которые была должна лавочникам. Только увидев, что долги весьма выросли, он был вынужден уезжать.

Однажды принесла она ему счет. И полагала, что он уедет. И вот, прошло несколько дней, а он не поехал. Тем временем долги росли. Пришла и положила перед ним новый счет. Сказал ей: «Что это, что ты отправляешь меня? Видишь эту печку? Если пожелаю, она тотчас обратится в золото. Полагаешь, чудодейственными Именами? Спаси Б-г, только силой молитвы. Только вот стыжусь я Создателя моего просить у Него такие вещи».

(Кегаль хасидим ге-хадаш, 7, Квуцат Яаков)

Поступок

Один раз не было у него денег на то, чтобы встретить субботу. В канун субботы пошел в час утренней стражи к одному человеку, стукнул тому в окно и сказал ему: «Нужно мне на то, чтобы встретить субботу». И сразу же ушел. Тотчас встал тот человек с постели и вышел вон посмотреть, кто стучал ему в окно. Побежал за Бештом, догнал и сказал ему: «Если нужны тебе деньги на все, что потребно для встречи субботы, отчего же ты убежал, а не подождал, пока дам тебе?» А тот человек не знал, что Бешт перед ним, потому что никогда его не видел. Сказал ему Бешт: «От начала мира, когда рождается человек, заработок и пропитание его рождается с ним. Только вот по грехам своим должен человек в поте лица добывать пропитание. Есть люди, пропитание которых в доме их, а есть такие, кто вдали от дома должны искать свой хлеб. Мне же, по делам моим, великий труд не потребен, а довольно и малого поступка. И как я сделал, что положено мне для пропитания моего, то, конечно, поможет мне Г-сподь, благословен Он. И не важно мне, дашь ты мне или нет».

(Диврей Йехезкель, парашат Вайешев)

Не ради корысти

Однажды перед праздником Песах был он крайне стеснен в средствах. И пришла к нему бездетная женщина, дабы помолился за нее, чтобы она родила. И в изобилии принесла ему все, что только потребно для Песаха. И простер над ней Бешт всю святую душу свою и поклялся ей, что родит она сына. А та женщина поистине была бесплодной. Услышал Бешт голос, сказавший, что не будет у него удела в грядущем мире, ибо обеспокоил он Творца своего. Великую радость почувствовал и сказал: «Ныне смогу я служить Создателю моему воистину полным сердцем, без мысли об уделе своем в мире грядущем». И тем, что взялся служить Создателю служением истинным, – исправил все. И сказал ему Г-сподь его: «Как с [пророком] Ахьей а-Шилони, так и этот случай дан был в испытание».

(Нощар хесед, раздел 4; Дерех эмуна у-маасе рав, с. 80; Кегаль хасидим ге-хадаш, 16)

Однажды Бешт пошел со своим сыном, реб Цви, когда тот еще был отроком, поприветствовать городского раввина. Осмотрелся реб Цви и заметил там множество серебряной утвари. Выходя, сказал Бешт сыну: «Ты, верно, завидуешь, потому что у отца твоего нет серебряной утвари. Если бы у отца твоего были деньги на серебряную посуду, он бы на них обеспечивал пропитанием бедных, а оставшиеся раздавал бы на милостыню».

(Шивхей а-Бешт, 97)

Ī adānā ne'ade'ò à Nādāy Āre'ci ài ài Àààèü Öai -Öi ài

Öi öyèü-Étāō Àā ĩi

[1] На печи (идиш).

[2] Шурин Бешта.

[3] Грубая рубаха из хлопка (идиш).

[4] Мелкая монета (идиш). Изначально на старонемецком означало монету достоинством в шесть грошей. Стоимость ее менялась в зависимости от места и эпохи.

[5] Куница (идиш).

БРАВЫЙ СПОРТСМЕН

Аִדְּבַעִי אֶעֱרֵא אֶעֱבֹה

– Это же Гитлер! – поразился Розенбаум. – Вы с Гитлером!

– Дайте-ка посмотреть, – Грей гренадерской походкой подошел к Розенбауму – тот пристроился в кожаном кресле с альбомом на коленях; на его лице, бледном, нервном, горбоносом, выразилось потрясение. Грей склонился над ним, двигался он закостенело, но не без былого изящества, время пощадило его волнистую седую шевелюру, тогда как рыжие волосы Розенбаума уже начали отступать со лба.

– Да, – сказал Грей, рассматривая фотографию: улыбки, дружеское рукопожатие. – Это Гитлер.

– Когда? – спросил Розенбаум, он никак не мог прийти в себя.

– В 1934-м, – сказал Грей.

– Где?

– В Берлине. В Канцелярии.

– Но почему?

– Было некое недопонимание. Мне казалось, я смогу внести ясность. Речь шла о нацистской и нашей концепции молодежного движения.

– Да, – Розенбаум, иронически хохотнув, вскинул голову – посмотреть Грею в глаза. – Гитлерюгенд – не совсем то, что бойскауты.

– Перед ними ставились разные задачи.

– Вот именно. И слава Б-гу! Впрочем, потом к нему ездил и Ллойд Джордж^[1]. И герцог Виндзорский^[2]. Позже вас. Гораздо позже. Ну и как вам Гитлер? Впрочем, по вашему лицу все видно. Он произвел на вас сильное впечатление. Понравился. Против его обаяния трудно было устоять.

– Против его силы – вот против чего трудно было устоять, – сказал Грей. – Неимоверной силы. Ни с чем подобным я ни у кого не сталкивался. Впоследствии, как мы знаем, он употребил ее во зло.

– Он всегда употреблял ее во зло, – взревел Розенбаум, приподнявшись в кресле; Грей, ошарашенный таким пылом, чуть отшатнулся, словно уклоняясь от мяча, оплошно направленного боулером ему в голову. Розенбаум так же внезапно сник, встряхнул головой и перевернул страницу.

– Я был ошеломлен, – сказал он. – Столько воспоминаний пробудилось. Отнюдь не таких, как ваши, Джордж. Завидую вашим воспоминаниям. Если можешь наследовать прошлое, легче жить.

Они познакомились год назад – одновременно вошли в тесный, еле ползущий лифт, пропитавшийся прилипчивым, едким запахом политуры. На Грее был туго подпоясанный, забрызганный дождем плащ, но в руке он держал не стек, а сетку с покупками. Розенбаум, по обыкновению сотрудников Би-би-си, был в твидовом пиджаке с кожаными нашлепками на локтях и фланелевых брюках. По пути к остановке автобуса на Финчли-роуд они неизбежно сталкивались, и не раз, но до сих пор в разговоры не вступали.

А тут Грей с высоты своего аристократического роста взгляделся в галстук Розенбаума и спросил:

– Это галстук Ориеля?[\[3\]](#)

– Ну да, – сказал Розенбаум. – Вас, по-видимому, это удивило.

– Нет-нет, нисколько.

Лифт, как обычно подскочив, остановился на пятом этаже, Грей дернул на себя решетчатую дверцу, но наружную дверь не открыл.

– А вы? – спросил Розенбаум. – Вы тоже учились в Оксфорде?

– В Модлине[\[4\]](#). Моя фамилия Грей.

– Моя – Розенбаум.

Они пожали друг другу руки. Рука у Грея была крупная, сухая, в ней чувствовалась сила.

– Зайдите выпить сегодня вечером.

В квартирке Грея, не больше его собственной, этажом выше, Розенбаума окружили всевозможные трофеи, медали, головы зверей, ружья, крикетные биты,

фотографии: Грей на крикете в фуфайке и кепке с эмблемой сборной Англии, Грей в форме «Коринтианз»^[5], Грей верхом на лошади, Грей с Черчиллем, Грей с удочкой, Грей с ружьем, рядом с ним толстомордый индеец в национальном костюме и тюрбане, у их ног распростерся убитый тигр.

– Так вы Дж. Б. Грей! – сказал Розенбаум.

– Вот так так! Вы обо мне слышали?

– Разумеется, слышал.

– Разумеется? Какое там «разумеется». Я уже стар. Вышел в тираж.

– Дж. Б. Грей! – сказал Розенбаум, впившись в него с пылом археолога. – Надо же – встретиться с вами здесь, в Коулбрук-Корте!

– Что будете пить? Виски? Виски нет. Как насчет шерри?

– Спасибо, да, – сказал Розенбаум, оглядывая комнату: изобилие лиц и артефактов – залежи прошлого – подавляли его, и у него промелькнула мысль: он еще жив! Вот он где!

– Как можно, – сказал он. – Оксфорд вас не забыл. Вы же играли в трех сборных. В финале по регби вы не участвовали из-за травмы. И ваш мировой рекорд по прыжкам в высоту.

– Mens sana^[6], – сказал Грей, подавая ему шерри, – прямая спина, двубортный синий блейзер, оттененный галстуком МКК^[7] в положенную ему кричащую полоску. – В моем выпуске я был первый по классической филологии. Обошел Дж. Д. Брауна.

– Лорда Уиррола, лорда-канцлера.

– И вице-короля Индии. Полагаю, он мне этого не простил. Считалось, что он прекрасный классицист. Полная ерунда! Латынь он знал сносно. А в греческом был не силен. Стипендию получил за английское сочинение. Первым никогда не был.

– А вы?

– Был, на первом публичном экзамене^[8].

– Но не на выпускном? Слишком много времени отнимал крикет?

– Никак нет. – Грей насупился. – Слишком много времени отнимало частное репетиторство на каникулах. Вечно не хватало денег, – и по стариковски медленно, осмотрительно сел, Розенбаум поспешил отвернуться: его пронзила жалость.

– А вы отличались в науках? – осведомился Грей.

– Был стипендиатом по истории или тому, что сходило за историю.

– И как окончили?

– Первым. – Розенбаум смешался. – Разве это имеет значение?

– Очень даже имеет! – попенял ему Грей. – Ничуть не меньшее, чем участие в сборной. Чем любой рекорд! Независимо ни от чего. Ну а дальше будь что будет.

– Разочарование, вот что, – ляпнул Розенбаум, не подумав.

– Нет, – сказал Грей. – Воздаяние – вот что. Ловите момент, Розенбаум! Carpe diem! Я радовался каждому моменту моей жизни.

– Да, – сказал Розенбаум, глаза его обшаривали комнату, разглядывая фотографии – мощные удары, бесконечная цепь великих свершений. – Но это зависит от того, какие у кого воспоминания.

– Чудесные воспоминания! – воскликнул Грей. – Мне везло, не отрицаю.

Да уж везло, подумал Розенбаум, снова обозрев комнату, запущенные, пожелтевшие стены – до чего ж убогая оправа для такого великолепия.

– Чудесные деньки, Розенбаум! Дивные деньки! Больше нам таких не видать! Мир изменился, но жить в нем еще можно.

– Если остаться в живых, – сказал Розенбаум.

Грей перевел на него глаза.

– Извините за любопытство. Где вы родились?

– В Вене.

– А потом... потом вы приехали в Англию?

– Да, в 1938-м. После аншлюса^[9]. Еще бы чуть-чуть – и опоздал. Вы знаете про аншлюс?

– Как же, – сказал Грей, – аншлюс. – Между ними явственно обозначился разрыв, пролегла пропасть.

Ни о каком диалоге и речи быть не могло, но слушал Грея он с упоением. Вечер за вечером. Час за часом – легендарные моменты. Огромный мир вставал перед глазами, облекался плотью. Такого Оксфорда он не знал. Дерзкие проделки. Пиво на завтрак. Дважды по сто лет^[10].

– Вам не понять.

– Чего, крикета? Нет, никогда не понять.

– Империя сама по себе. Поставившая себя над политикой.

– Отторгнувшая иностранцев.

– Иностранцы сами себя отторгли.

– Возможно, – сказал Розенбаум. – Я ходил смотреть на крикет в парках.

– Парки! – воскликнул Грей. – Лучшая площадка для крикета.

– Я ходил на крикет. Когда пытался стать англичанином. Но меня клонило в сон. На солнышке снисходит такой покой.

– Ты или англичанин, или нет, Розенбаум, – сказал Грей. – Я родился в Суссексе. Мой род жил там еще до Вильгельма Завоевателя[11].

– Вы не ошибаетесь?

– Нисколько. Сохранились письменные свидетельства. Суссекс был королевством. Узкая прибрежная полоса, по преимуществу болотистая. Лишь самым богатым и сильным удавалось выбраться из тамошних лесов. Никаких тебе дорог, Розенбаум! Хочешь не хочешь, а торчи в тамошних чащобах вплоть до середины семнадцатого столетия!

Пропать была бездонной – ее не перейти.

Сходились они всегда у Грея, не у Розенбаума, зато Розенбаум часто прихватывал бутылку: шерри, виски, а как-то раз на день рождения Грея – шампанское.

– Всегда пил шампанское в моей ложе в «Лордз»[12], – сказал Грей.

А однажды вечером бросил через плечо:

– Вы не могли бы... это несколько неловко. Но тут такой случай. Не могли бы ссудить мне пять фунтов? Всего на неделю или около того.

– Разумеется, – поспешно ответил Розенбаум. – Пяти фунтов хватит? Может быть, лучше десять?

– Да, десять. Десять лучше, – Грей повернулся, ловко, что твой фокусник, зажав кредитку в руке.

И тут же подошел к стене, снял битку, ту самую, сказал он, которой в «Овале»[13] одержал победу над австралийцами. И этот заем, и этот эпизод растаяли, точно мираж, однако острое ощущение жалости, желание, чтобы ничего этого не было, не проходило. Хотя он наперед знал, что нечто подобное неминуемо случится; что под скоротечной эйфорией Грея, под морем забавных историй и воспоминаний крылось течение, куда более глубокое и леденящее.

– За мной должок, – говорил он время от времени.

– Ради Б-га, не беспокойтесь, – отвечал Розенбаум.

– Веду переговоры о новой колонке. Должен вот-вот приступить. В вечерней газете. Всегда зарабатывал этим на жизнь. Даже когда был капитаном сборной. Перебежки, они будут потруднее.

А вот какво – не трудно ли – ему живется здесь, подумал Розенбаум, в захудалом Коулбрук-Корте, по прямой от «Лордз», храма его искусства, куда ему еще по силам доехать на автобусе, с тем чтобы засесть в Лонг-рум[14]. А где «Лордз», там и «Лонг рум», вот только в состоянии ли он потом добраться домой? В его жизни имелись тайны, в ее пространстве зияли пространные пустоты. По стенам, кроме фотографий, где он играл в крикет, футбол, охотился, ездил верхом, висели и фотографии, на которых он был изображен с женой в окружении восхищенно взиравших на него кадетов в форме. «Миледи» – так он неизменно именовал жену – широкоплечую, сурового вида даму с обкорнанными волосами и холодно смотрящими в объектив светлыми глазами. Они, сказал Грей, сорок лет с гаком содержали военно-морское училище на одной из речушек в Гемпшире. «За все эти годы ни гроша на нем не заработали». Чего ради в таком случае? Чем оно было для него – прибежищем?

– Как-то нас навестил Браун, – сказал Грей, – в бытность свою канцлером. «Грей, дружище, – сказал он, когда мы прогуливались по нашему розовому саду, – у вас здесь чудесно, но ведь в сущности это тихая заводь, разве нет?» На это я ему ответил так: «Что лучше – быть успешным или счастливым, вот в чем вопрос».

– А вы были счастливы? – спросил Розенбаум, пытливо вглядываясь в него.

– Невероятно счастлив. Есть ли задача, более достойная, долг, более священный, чем помочь мальчишкам стать мужчинами? Кадетам – моряками.

О жене он говорил, отдавая, как положено, дань уважения.

– Она была такая рискованная. Такая храбрая. Охотница каких мало, мы с ней и познакомились на псовой охоте. А уж как машину водила – не знала, что такое тормоза, мчала на предельной скорости. Без нее мне бы не справиться – она была незаменима. Не давала мальчишкам потачки. Перед завтраком – хватать за шиворот и в реку. Ее не стало десять лет назад. – Грей понизил голос. – Какая потеря, Розенбаум. Невосполнимая потеря.

А ведь к этой загадке, подумал Розенбаум, есть ключ, и что, если этот ключ – Миледи, сильная, властная, движущая сила, которая и задвинула его... в тихую заводь.

– Она загубила его жизнь, – сказал Чарльз, сын Грея, – загубила жизнь отца.

Он появился после того, как Грей исчез. Предвестия или что-то вроде того были. Три раза, три вечера один за другим Грей не отзывался на его звонок, хотя из-под двери просачивалась полоска света. А как-то раз они столкнулись в холле, и Грей тут же отвернулся – лицо застывшее, отчужденное – и, крупно, одеревенело переставляя ноги, зашагал вверх по лестнице, чтобы только не ехать с ним в лифте.

Его окутывала пугающая меланхолия. Куда девалась радость? Вот она, думал Розенбаум, оборотная сторона радости, он давно догадывался, что иначе и быть не может.

А потом он пропал. Его не было видно, не стало видно и света под дверь. В конце концов Розенбаум справился о нем у швейцара, и тот смешался.

– Он уехал, сэр. Такое и раньше случалось. Он вернется, помяните мое слово.

А потом появился сын. Грузный, за пятьдесят, не такой высокий, как отец, но с таким же прямым носом и серыми глазами, а вот сложением он, по всей вероятности, пошел в мать.

– Отец попросил меня зайти к вам. Сказал, ему жаль, что он не попрощался с вами. Подумал, что вы будете беспокоиться.

– Я и беспокоился, – сказал Розенбаум. – Куда он уехал?

– Он... он занемог.

– Понимаю, – сказал Розенбаум, воображая, что так оно и есть.

– С ним время от времени такое случается, – сказал Чарльз, сын. – Тогда ему приходится уехать. Чтобы... чтобы за ним был уход. Это с ним с тех пор, как умерла мать.

– Войдите же, прошу вас, – сказал Розенбаум, и тут они разговорились.

Чарльз был школьный учитель, когда-то он служил в армии. Поначалу замкнутый, он пил виски, поносил мать.

– Из-за нее его жизнь пошла прахом. Из-за нее он уехал в эту проклятую глушь. Из-за нее торчал там.

– Из-за нее? – спросил Розенбаум.

– Ну да. Иначе зачем бы ему торчать там, при его-то известности?

– А что, если именно его известность тому причиной? – сказал Розенбаум.

– Я не вполне вас понимаю.

– Неважно.

– Вы были добры к нему, – сказал Чарльз.

– А он ко мне, – сказал Розенбаум. И засмеялся: – Для меня это честь. С ним я путешествовал вокруг света, во времени и пространстве. Узнал о вещах, о которых мне никогда бы не узнать.

– Да, да. Он – захватывающий рассказчик.

– Но иметь такого отца, наверное, нелегко?

– Немыслимо. В чем я мог бы его превзойти, когда он все превзошел? Если я играл в крикет, то он был капитаном английской сборной. Если я играл в футбол, то он участвовал в розыгрыше кубка. Если я получал стипендию, то он получал стипендию почище. Если знать заранее, что до него не дотянутся, наверное, жить было бы легче.

– Я, пожалуй, не стал бы ему завидовать, – сказал Розенбаум.

– Чего не было, того не было. Никогда ему не завидовал.

Через десять дней Грей вернулся. Постучал в дверь Розенбаума.

– Как насчет того, чтобы спуститься?

В окружении своих сувениров он снова впал в эйфорию, рассказывал – это была одна из его излюбленных тем – о Сингхи, родовитом индийце, его товарище, наставнике, бэтсмене, воине; об охоте на пантер, пограничных стычках, первых всеанглийских и суссекских соревнованиях по крикету; о странной интермедии на Женевском озере[15].

– Лига Наций. Я был его[16] секретарем.

– Англия и Индия, – сказал Розенбаум. – Диковатый симбиоз.

– Вовсе нет, – сказал Грей. – Мы пришли друг другу по душе. Уважали друг друга.

И вот фотография с Гитлером, вгрызавшаяся, как термит, врезавшаяся в память, погнала его в газетный архив Би-би-си, к пожелтевшим вырезкам – интервью, воспоминаниям.

Он не понимал. Да и как он мог понять? Никто из них не понимал. Тем не менее термит все грыз и грыз.

– Гитлер... – начал он как-то вечером.

– Это же было в 1934 году, – веско прервал его Грей.

– То же самое вы говорили и в 1939-м. Я читал вашу статью «Гитлер хочет мира».

– Я так думал, – сказал Грей. – И не я один.

– И это после Бухенвальда! – сказал Розенбаум. – После Хрустальной ночи! После того как они заставляли евреев вручную скрести венские улицы.

– Что мы знали об этом? – спросил Грей.

– А вы и не хотели ничего знать. Вы проглотили все: «Пророк, объединяющий страну с пылом и страстью Магомета!»

– Я обманулся, – сказал Грей. – Он был прирожденный актер.

– А разве вы не хотели обмануться? Вы назвали Гесса[17] славным, прямым парнем.

– Такое впечатление он производил.

– Вы говорили, что гитлерюгенд ходит в форме, чтобы стереть классовые различия. Что для Гитлера главная задача – обеспечить благополучие граждан! Что гитлерюгенд может дать нам урок дисциплины.

– Я в это верил, пусть и ошибочно.

– А во что вы еще верили? – голос Розенбаума сорвался на крик. – Что еще вы приняли на веру? Что его национальному государству требуется «все или ничего»? И чтобы достичь «всего», необходимо покончить с «еврейским противостоянием»!

– Розенбаум, друг мой, – сказал Грей, – вряд ли вы можете быть тут объективным.

– Нет, никак не могу! – закричал в голос Розенбаум. – Как я могу быть объективным, если моя мать погибла в газовой камере, отца забили дубинками насмерть, сестру утопили в грязной жиже! Нет, я никак не могу быть объективным!

– Мы и вообразить не могли ничего подобного, – сказал Грей, понизив голос чуть ли не до шепота.

– Как же, как же, ни один англичанин ничего подобного не мог себе вообразить. Ни один бравый спортсмен.

– Мне стыдно, – сказал Грей. – Довольно вам этого? Стыдно.

– Нет, это мне стыдно, – сказал Розенбаум, отвалившись в кресле, задрал нервное, горбоносое, еще более бледное, чем обычно, лицо, он возвел глаза к потолку. – Я вел себя недопустимо. Извините. Прошу вас, расскажите что-нибудь. Прошу вас, расскажите о крикете.

Ἰ ἀδελφεὰ σὺ αἰσθῆσθαι Ἐδουάρδῳ Ἀβραάμῳ

[1] Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) – премьер-министр Англии с 1916 по 1922 год, один из лидеров Либеральной партии.

[2] Эдвард VIII (1894–1972) – король Англии с января по декабрь 1936 года. В 1936 году отрекся от престола и снова стал герцогом Виндзорским.

[3] Ориель – один из колледжей Оксфордского университета. Выпускники каждого колледжа носят галстуки определенной расцветки.

[4] Модлин-колледж-скул – мужская частная средняя школа в Оксфорде.

[5] «Коринтианз» – любительский футбольный клуб.

[6] Mens sana – начало латинской поговорки: «Mens sana in corpore sano» – «В здоровом теле здоровый дух».

[7] МКК – Мэрилебонский крикетный клуб.

[8] Первый публичный экзамен на степень бакалавра в Оксфордском университете сдается по английскому языку или классическим языкам.

[9] Аншлюс – захват Австрии нацистской Германией 11–12 марта 1938 года.

[10] «Сто лет» в крикете означает выигрыш ста очков.

[11] Вильгельм I Завоеватель (1027–1087) – герцог Нормандии, в 1066 году высадился в Англии и, разбив англичан, стал английским королем.

[12] «Лордз» – крикетный стадион в Лондоне.

[13] «Овал» – крикетный стадион в графстве Суррей, там обычно проводятся международные крикетные матчи.

[14] «Лонг рум» – клуб при стадионе «Лордз».

[15] Женева была местом пребывания основных организаций Лиги Наций, международной организации, существовавшей с 1919 по 1946 год и имевшей целью развитие сотрудничества между народами и гарантию мира и безопасности.

[16] По-видимому, речь идет об Антони Идене, английском государственном деятеле, в 1935 году министре по делам Лиги Наций.

[17] Рудольф Гесс – личный секретарь Гитлера, на Нюрнбергском процессе приговорен к пожизненному заключению как один из главных военных преступников.

СТАРЫЙ МЕЛАМЕД И ЕГО УЧЕНИК

וְאֵלֵי אֲדָוִיָּא

Ширвинтскому[1] меламеду[2] реб Тевеле Агресу далеко за восемьдесят. Когда его спрашивают, сколько ему лет, он орет, что родился в 5615 году[3]. Спрашивающий наклоняется и кричит ему прямо в ухо: «Люди говорят, что вы родились в 5608-м[4]. Получается, что вам уже девяносто лет, до ста двадцати лет вам!» Старик поворачивает к вопрошателю свою красную, здоровую физиономию, пылающую гневом, и яростно кричит:

– Кто говорит? Мои враги, меламеды из реформированного хедера?[5]

Реб Тевеле продолжает до сих пор начавшийся лет сорок назад раздор с меламедами, которые расчесывали бороды, носили по субботам и праздникам цилиндры, изучали с детьми Танах[6], грамматику древнееврейского языка и поддерживали контакты с палестинофилами. Реформированный хедер развалился, часть тех меламедов в цилиндрах давно уже отправились в мир истины, другие доживают век в доме престарелых. Лишь некоторые из них все еще таскают свои отекие ноги и изучают с чадами обывателей Пятикнижие с комментариями Раши или готовят гимназистов к бар мицве[7]. Но реб Тевеле Агрес так и не простил им их былой грех открытия реформированного хедера. Он выступает также против новых талмуд тор и религиозных школ «Явне».

– Ведь в школах «Явне» мальчики и девочки не учатся вместе, так почему же вы против? – спрашивают его.

Ширвинтский меламед громко смеется и начинает орать:

– А даже если мальчики и девочки не учатся вместе, то разве учитель в ермолке с подстриженной бородкой перестает быть от этого скрытым выкрестом? Если изучаются светские предметы, пишут и разговаривают на языке иноверцев, то учителя должны быть настоящими иноверцами. Еврей-учителишка, «морэ»[8], который вдалбливает детям иврит на иврите, обязательно либо явный, либо тайный выкрест.

Главным же образом реб Тевеле Агреса возмущали виленские раввины: они, эти раввины, несут полную ответственность за упадок нынешнего поколения, потому что не наложили херема[9] на просветителей[10], уговоривших евреев посылать своих детей в этот якобы улучшенный хедер. Жил реб Тевеле Агрес у своих детей. Но хотя и его дети не пошли по пути праведности, старик утверждал, что молодое поколение не виновато: виноваты просвещенные меламеды. Они первыми сбросили с себя бремя еврейства. Ведь у их доктора Герцля трэфная[11] борода. «Как это борода может быть трэфной?» – спрашивали его, и он отвечал, что борода без пейсов – трэфная борода. И даже борода с пейсами, коль скоро ее обладатель расчесывает ее щеточкой и бережет, чтобы на ней не было ни пылинки, ни крошки табака, такая борода – настоящая трэфнина.

Даже с набожными обывателями из своей молельни реб Тевеле ссорился из-за их разговоров, что нынешние школы им, мол, не нравятся, но говорить, что реформированный хедер вел к вероотступничеству, они тоже не будут. Когда старый

меламед слышал подобные речи, он вставал из-за своего попитра и ревел, как медведь на задних лапах, раздирающий когтями передних кору дерева:

– Нет, реформированный хедер вел к вероотступничеству, потому что его меламеды устроили из Торы учителя нашего Моисея книжонку. Библейские истории они изучали со своими учениками, а не Тору Моисееву! А вы для них еще находите доброе слово? – И ширвинтский меламед перебрался в Немой миньян. Уж лучше сидеть среди изучающих Тору, чем среди обывателей, поддающихся на просветительскую ложь. В Немом миньяне реб Тевеле не видел вокруг себя евреев, которые посылали или собирались послать своих детей в новомодный хедер. Он не пускался в разговоры с аскетами, и они тоже к нему не совались. В Немом миньяне гостя не спрашивали, кто он и откуда, лишь бы он сидел тихо в своем уголке, погруженный в мир собственного воображения.

Ширвинтский меламед ждал своего дня. Чем старше он становился и чем меньше он мог договориться с окружающими, тем больше росла в нем уверенность, что раввины и виднейшие обыватели города еще придут к нему помириться и сказать: вы были правы, реб Тевеле, реформированный хедер стал дверью в ад. Все, кто вошел в эту дверь, скатились на нижнюю ступеньку ада и потащили за собой других. Настанет день, и виленские раввины будут еще каяться: «Мы согрешили против вас, реб Тевеле, мы, мы виновны! В то время как вы, реб Тевеле, плакали и кричали, что просвещенные меламеды приведут дело к вероотступничеству, мы полагали, что это спор между конкурентами, и не вмешивались. Теперь-то мы видим, что вы вели спор во имя Царствия Небесного, реб Тевеле, и что просвещенные меламеды занимались с еврейскими детьми без хворостины и без указки, пока не выучили их быть большевиками». Вот так будут говорить ему виленские раввины и виднейшие обыватели: «Мы согрешили против Владыки мира и против вас, реб Тевеле, мы совершили предательство по отношению к Владыке мира и к вам, реб Тевеле».

Но ждать, пока к нему придут, и бездействовать не годится. Того гляди разрушится весь дом Израилев, Б-же упаси. Надо выходить на улицы и кричать: «Караул! Горит пожар вероотступничества!» Проповедником, вещающим со ступеней священного ковчега, реб Тевеле не был. Препираться с отдельными обывателями ему надоело. Он принялся писать воззвания и вешать их в Синагогальном дворе, под солнечными часами. Евреи на Синагогальном дворе видели, как низенький трогательный старичок с пожелтевшей от никотина седой бородой и здоровым, потным, словно только что из бани, лицом наклеивает объявление на доску под солнечными часами и быстро топает прочь. Люди чувствовали волнение, читая написанное: «Евреи! Городской эрув [\[12\]](#) разрушен. Не позволяйте членам вашей семьи совершить тяжкий грех, принося в субботу чолнт из печки пекаря. Виновен реформированный хедер, он разрушил этот мир. От меня, малого и недостойного Тевеле Агреса, прозванного “ширвинтским меламедом”».

«Какое отношение имеет разрушенный эрув к реформированному хедеру?» – удивлялся какой-то еврей, а другой удивлялся и того больше: «Еще мой отец, мир праху его, учился у ширвинтского меламеда. Разве он еще жив?»»

В другой раз реб Тевеле Агрес обнародовал целую статью в стиле проповеди: «Братья мои и ближние мои! Дело идет к Девятому ава, и евреи будут оплакивать разрушение Храма. Спрашивается, почему мы не плачем о всех прочих еврейских бедах со времен разрушения Храма? Объяснение в том, что эти беды происходят от разрушения Храма. То же самое и с реформированным хедером. Распутство еврейских девушек, трэфные мясные лавки, нарушение субботы, а также несоблюдение законов ритуальной чистоты в семейной жизни – все это следствие первого отступления от Торы, то есть реформы хедера».

Видя, что на его краткие воззвания не откликаются, реб Тевеле вывесил большое объявление, гласящее, что евреи должны каждый день после обычной молитвы читать псалмы, перечисление тринадцати свойств Б-га и покаяние, а проповедники должны в молельнях с плачем призывать к пробуждению, как в Десять дней покаяния. «Недавно произошла ужасная вещь, – писал реб Тевеле. – Не только в Хоральной синагоге, но и в виленской городской синагоге кантор надел восьмиконечную ермолку с бахромой, а певчие надели на шеи маленькие бело-голубые талесы, похожие на шелковые шали. Кроме того, если евреи хотят молиться с плачем и причитаниями, они должны с полной самоотверженностью никого не впускать по субботам и праздникам в городскую синагогу, пока не будут изгнаны нынешний кантор с его певчими за их одеяния и приверженность законам иноверцев». И на этот раз воззвание заключалось подписью: «От меня, малого и недостойного Тевеле Агреса, в прошлом называемого “ширвинтским меламедом”». Помимо этого, автор также сообщал, где его можно найти: он сидит в шатре Торы, именуемом «Немой миньян». Реб Тевеле думал, что если к нему не приходят виленские раввины и именитые обыватели, стыдясь признаться в собственной ошибке, то придут обыватели рангом пониже, но по-настоящему Б-гобязненные, а также набожные ремесленники. И он им скажет: идите и побейте окна у виленских раввинов, чтобы они отказались от своих постов. Вождь, который боится общества, не должен быть вождем.

Никто из евреев, на которых рассчитывал реб Тевеле, не пришел. Пришел странный тип в пенсне и рассказал старому проповеднику, что он его бывший ученик, а теперь сам учитель.

– Учитель? – с гневом и страхом, словно столкнувшись с обратной, сатанинской стороной мира, воскликнул реб Тевеле.

– Учитель, который ничему не научил своих учеников и вернулся к своему старому ребу. – Элиёу-Алтер Клойнимус остался стоять, опираясь на трость, которую завел за спину, и медленно покачивая головой. Блуждая по Синагогальному двору, Клойнимус уперся своими близорукими глазами в большое объявление реб Тевеле и очень обрадовался, что ширвинтский меламед еще жив. Тоскуя по набожным мальчишеским годам, учитель направился к своему бывшему ребу: рассказать, что он вернулся к вере.

Но старый меламед никак не может вспомнить, когда этот еврей в пенсне у него учился.

– Садись. Как, ты говоришь, тебя зовут? Элиёу-Алтер? А как тебя звали в хедере? Алтерке, говоришь? Алтерке? Не могу припомнить! От меня ты наверняка перешел в какой-нибудь реформированный хедер, потом ты наверняка учился в какой-нибудь ешиве, где читали богохульные, недозволенные вещи, и, наконец, ты полностью ушел от веры и пришел к дурной культуре, учил мальчишек ивриту на иврите, пока вдруг не увидел, что попал к вероотступникам. Да как же так?!

Клойнимус криво улыбается и молчит: что бы сказал старый ребу, если бы знал, что его ученик произносил пламенные речи против молельни? Реб Тевеле въедается своими острыми глазками в лицо учителя и хочет узнать, откуда у него такой широкий красный шрам от уха и до верхней губы.

– Своей хворостиной я таких следов на учениках не оставлял, – кипятится старик.

– Это у меня от казачьей нагайки, с которой я познакомился во время одной демонстрации против русского царя. Я и в царской тюрьме сидел. Но от своего революционного прошлого я не отказываюсь, – с пафосом говорит Клойнимус, словно ведя в учительской дискуссии с коллегами, обвиняющими его в предательстве идеалов его юности. Он тут же спохватывается, что старый меламед не понимает, о чем он говорит, – и хорошо, что не понимает! Реб Тевеле сопит. Кашляет, чешет под мышками и бушует.

– В баню ты ходишь, Алтерке? Баня Каплана около Рыбного рынка лучше, чем общинная на Синагогальном дворе. Правда, в бане Каплана нет мужской миквы[13].

Элиёу-Алтер Клойнимус ушел из Немого миньяна в тяжелом настроении. Его старый ребу, конечно, не такой надломленный человек, как он сам, но все-таки старый меламед – человек отсталый. Тем не менее учителю понравилось, что старик тыкает ему и называет его Алтеркой, словно перед ним прежний мальчишка из хедера. Клойнимусу хотелось побыть юным, пусть таким образом, хотя бы пару часов в неделю. Он снова пришел в молельню Песелеса, и на этот раз реб Тевеле Агрес разговаривал с ним разумнее и толковее.

– Знаешь, что я тебе скажу, Алтерке? Я думаю, что у тебя должны быть неприятности с твоими домашними. У тебя сыновья, дочери? Сын и дочь, говоришь. Значит, они, наверно, делают все тебе назло. Сын ест без шапки, а дочка носит платье с короткими рукавами. Еще хуже, говоришь? – Старик почесал спину о скамью и закричал хриплым голосом: – Не терзай себя, Алтерке. Ты за своих детей не виноват, точно так же как и я не виноват за моих детей. Виноваты эти ангелы разрушения, мелаеды из реформированного хедера.

Если уж ширвинтский мелаед вспомнил про своих врагов, мелаедов из реформированного хедера, он не может вести себя иначе, как кричать еще громче, с издевкой и злобой.

Он не уважает хасидов, но один их ребе как-то сказал умные слова, что, когда еврей молится с ошибками, ангел выбирает ошибки, как червивые горошины, и выбрасывает, чтобы молитва еврея достигла Всевышнего на небе чистой. Но мелаеды-просветители не могли терпеть, чтобы еврейские дети говорили слова учености с ошибками. Так что же они устроили? Они сделали так, что еврейские дети вообще не молятся. Эти умники негодовали по поводу того, что мелаеды бьют мальчишек хворостинами, тем не менее мальчишки не выходили из хедера калекami, тогда как из нынешних школ ученики выходят калекami. Они играют в мяч и дрыгают ногами, пока не получают перелом. Они прыгают и пихаются, пока не остаются с каким-нибудь физическим изъяном на всю жизнь. А какую радость получают они от жизни? Парень уже стоит под свадебным балдахинoм, а все думает, что мог бы жениться на ком-нибудь покрасивее. У него рождается ребенок, а он думает: зачем мне это было надо? Умирает у него кто-нибудь, а он, этот неуч, даже не может утешиться главой из Книги Иова! А на старости лет ему некуда деваться. Еврей, получивший в детстве надлежащее воспитание, сидит на старости лет в молельне, там он не лишний, как и у собственных детей. Но что делать с собой на старости лет еврею, закончившему нынешние школы? Ничего ему больше не лезет в голову, ноги и руки у него трясутся, и все считают его никчемным человеком.

Вержбеловский аскет реб Довид-Арон не может больше переносить криков ширвинтского мелаеда. Но гость мелаеда, в пенсне и с черной бородкой, кажется ему почтенным и ученым. Реб Довид-Арон подходит к ним на цыпочках, с согбенной спиной и дружелюбной улыбкой, стараясь, чтобы его речи звучали как можно деликатнее. В Немом миньяне, говорит он, ни у кого не спрашивают паспорта, кто он такой и что он такое. Но ведь можно беседовать без крика. Здесь сидят люди, углубленные в возвышенные размышления. Учитель Клойнимус, хотя он и не кричал, извиняется раз и еще раз, кланяется аскету, который делает то же самое, словно они оба стоят у двери и

каждый просит другого пройти первым. Но реб Тевеле Агрес вмешивается с львиным рычанием.

– Уже и аскет из Немого миньяна идет по путям иноверцев? В церкви и в Хоральной синагоге нельзя кричать, потому что идолопоклонники заходят туда помолиться всего на час. А в молельне, не рядом будь упомянута, в молельне кричать можно. Я вывешу записку на Синагогальном дворе, что за прегрешения наши великие вероотступничество проникло уже и в Немой миньян, и один аскет хочет превратить святое место в церковь, в Хоральную синагогу.

Реб Довид-Арон Гохгешталт отступает, дрожа: только этого ему не хватало! А реб Тевеле Агрес, с еще большей силой и яростью, кричит своему гостю:

– Знаешь, что я тебе скажу, Алтерке? Я тебе скажу, что я не верю в твое возвращение к вере. Бороды у тебя нет, и кто знает, накладываешь ли ты хотя бы тфилин[14]. Вон там, на окне лежит книга Мишна Брура[15]. Принеси ее сюда, я буду учить тебя заповедям возложения тфилин.

Элиёу-Алтер Клойнимус сидит над раскрытой книгой, смотрит с любопытством на квадратные буквы книги Шульхан арух[16] и на густой шрифт Раши[17] по соседству. В сердце своем он не может не сознаться, что законы возложения тфилин, все эти детали и предписания мало интересуют его. Вскоре он устает от учебы и ему становится скучно. Клойнимус чувствует, как дужка пенсне давит ему на переносицу, которая уже горит как в огне. Но без этих стекол его близорукие глаза с желтоватыми белками, подернутыми сетью красных жилок, видят только сумятицу голубых точек и красных черточек. Он снова надевает пенсне и оттягивает свою черную бородку к уху широким движением руки, как во время лекции перед заинтересованными слушателями.

– Конечно, эти законы важны, очень важны, но при этом необходимо верить в Б-га и все делать с чистыми намерениями. Без веры в то, что делаешь, без экстаза, я имею в виду, без приверженности Всевышнему и устремленности к Нему, выполнение заповедей становится сухим церемониалом, мои дорогие друзья... Я имею в виду, мой дорогой ребе.

Ширвинтский меламед понял на этот раз больше, чем его ученик, который заговаривался, оправдывался. Реб Тевеле Агрес взглянул на вернувшегося к вере своими маленькими острыми глазками и возопил:

– Знаешь, Алтерке, что я тебе скажу? Я тебе скажу, что ты исчерпался. Хотя я старше тебя по меньшей мере лет на тридцать, исчерпался ты, а не я. Отпусти еврейскую бороду, возлагай тфилин, соблюдай субботу, а в устремленность к Б-гу не вдавайся. Не заботься о святых намерениях, не дави себя. – Реб Тевеле вытер пальцем уголки рта и поковырял в зубах, которые все еще прочно сидели на своих местах, но выглядели черными, как обгорелые пни. Он почесал свою расхристанную грудь, покрытую колючими, седыми, пропотевшими волосами, и крикнул ученику:

– Приходи в пятницу до полудня. Мы вместе пойдем в баню, и ты потрешь мне спину. Придешь?

Ī ādīātā ĩ ēēēōā Āāēēēā ×ādī ēī ā

В серии «Проза еврейской жизни» издательство «Книжники» в ближайшее время готовит к выпуску первое русское издание «Немого миньяна» Хаима Граде.

[1] Ширвинт – местечко в Литве, неподалеку от Вильны. Современное литовское название – Сирвинтос.

[2] Учитель в еврейской начальной религиозной школе – хедере или талмуд торе. Иногда меламед выступал и в качестве частного преподавателя детей богатых родителей.

[3] 1865 год по христианскому календарю.

[4] Игра слов. Число 5608 обозначается еврейскими буквами, которые складываются в слово «Терах» (в синодальном русском переводе Библии – Фарра, отец Авраама). Это имя стало по-еврейски нарицательным в значении «старый хрыч».

[5] Появившийся в конце XIX века хедер нового типа, где наряду с религиозными преподавались и светские предметы. На иврите – «хедер метукан» (буквально: «исправленный хедер»).

[6] В христианской традиции – Ветхий Завет.

[7] Религиозное совершеннолетие. Еврейский мальчик считается совершеннолетним с 13 лет.

[8] Учитель (ивр.).

[9] Религиозный бойкот.

[10] Имеются в виду сторонники движения «Хаскала», проникшего в Литву в первой половине XIX века.

[11] Здесь: противоречащая еврейской традиции.

[12] Символическая ограда «субботних пределов», в которых можно переносить предметы из одного дома в другой в субботу, не нарушая заповедей.

[13] Бассейн для ритуальных омовений.

[14] Один из важнейших атрибутов еврейского религиозного культа. Представляют из себя две кожаные коробочки с ремешками, содержащие пергаменты с четырьмя фрагментами из Торы, и возлагаются мужчинами во время утренней молитвы в будни на голову и на левую руку. В данном случае речь идет о минимальном уровне соблюдения заповедей.

[15] Буквально – «Ясное повторение». Труд по еврейскому традиционному праву, написанный рабби Исроэлем Меиром а-коеном из Радина (1838–1933), известным больше как Хафец Хаим. Считается наиболее авторитетным сводом религиозных законов, составленных в Новое время.

[16] Буквально – «Накрытый стол». Труд по еврейскому традиционному праву, написанный рабби Йосефом Каро (1488–1575).

[17] Особая разновидность еврейского шрифта, которым печатаются, как правило, комментарии к религиозным текстам.

СВЕТЛАНА ЗОБНИНА

Я родилась восьмого адара. Стихи – мой способ общаться с миром. Делиться с ним, задавать ему вопросы. Не единственный, конечно. Есть еще математика – другой полюс отношений. В пределе они, наверно, сходятся. Раз удается совмещать. Между ними всякое разное.

Публикую стихи в Интернете. Есть несколько публикаций в журналах и газетах. Сборник избранного «Птица-остров» (2002). Победитель журнальных и сетевых литературных конкурсов: «Открытие» (2007), «Кастель-2004» и др. Словом, мало отличаюсь от прочих любителей складывать слова в причудливые сочетания, вместо того, чтобы пользоваться ими по назначению. Одна из.

МАТЕРИНСКИЙ АДАР

Темных страстей зенит,
злой материнский дар –
в нежном сердце звенит
месяц рожденья – адар.

Многих он тряс и спас,
не погубив едва,
ради того подчас
в календаре их два!

Чтобы удвоить кровь,
чтобы удвоить страх,
чтобы удвоить смех,
чтоб удвоить риск.

Потчует пуримшпиль
сладким вкусом «ушей»,
радуйтесь вновь и вновь,
радуйтесь вкривь и вкось
лучшей ночи в году.

**Вряд ли еще найду
в мире такой народ,
что первый месяц в году –
ему не новый год.**

**Это не новый год –
из рабства счастливый исход.
Провал в начало времен –
недолгий сладостный сон.**

**За вечных пригубим опять
жертвенное вино...
– Мать, как отца назвать?
– Это запрещено!**

**Думузи иль Дионис
забудется тяжким сном –
с небес не потянет вниз,
устала рыдать о нем!**

**В полях оставляя жнивье
и виноград растя,
помни имя свое,
радуйся, как дитя!**

**Над океаном – штиль,
но багровеет закат.
Сегодня смешит пуримшпиль.
Завтра – печи коптят.**

**Словно тюремных нар –
в мире различных вер.
Имя твое – Иштар?
Имя мое – Эстер...**

**Если крутит беда,
ты в паутине пут –
кто-то спасает всегда!
Не спрашивай, как зовут.**

МОРЕ МЕРТВЫХ (Масада)

**Ноздреватой скалы отвес,
мертвых стен пантомима...
В душу, падкую до чудес,
вьется прошлое струйкой дыма.**

.....

Жизнь, как праздничная свеча,

вспышка воли единой.
Бьется шквал огня и меча,
но бича не узнают спины!
Грудь ожег роскошный цветок,
кровь своя на губах – бальзамом...
Медлит пьяный от крови бог,
медлит солнце над храмом.

Будет долго платить молва
клеветой, забвеньем, сомненьем...
Я опять жива. Я опять мертва.
Не изгнать наваждения

ни горбом, ни высоким лбом,
ни геройством, ни лицедейством.
...Соляным столбом
на сполохи времен заглядеться.

Как игра рыболовной блесны,
упоение прежней болью.
В тело, ждущее новизны,
вьется прошлое мертвой солью.

Ты вернешься отсюда иной,
как секира в руки из горна.
Загустевшей кровью хмельной
переполнено горло.

10 июня 2006 года

БЕСКОНЕЧНАЯ ТЕМА

Бесконечной нотой в теме звучит тоска.
Надо крышку захлопнуть и отпустить
педали.
Но по клавишам слишком привычно
скользит рука:
мы сегодня опять о ком-то недострадали.
Я хочу доиграть и уйти в отрывной листок,
я хочу навек оторвать от рояля кисти.
Ведь над брэнной музыкой древний ее исток
надругаться мог бы, но нет ему в том
корысти.
За прохладным стаккато прячутся боль
и страх,
а в аккордах века срываются с гор
лавиной.
Отголоски Израиля грезят в этих руках
иль в сердцах Ханаан признаёт себя
Палестиной?

**Я этот миг предотвратить хотела,
Воинствуя и страстно не приемля.
Но испытавшее все муки тело
В простой накидке опустили в землю.
Твоя душа в мелодий тихом звоне
Мне весть слагает про иные тропы.
Я разжимаю бедные ладони,
Благословляя этот новый опыт.**

МИР Б-ЖИЙ

**Пожаром вспыхнул май: не вспышками тепла,
а вся его березовость, кленовость –
вот что листва еще светла, а в рост пошла
и плещется – для глаз такая новость!**

**Дуб в нежных, мягких, вырезных листах –
должно быть, мы его смутили взглядом.
И зелень в детских плещется глазах:
есть мир вовне, и мир во мне, и в том,
кто рядом.**

**Июнь-июль, вот счастье – раз в году!
Как братские пожатъя Ваши сладки!
Какие розы вырастут в саду!
Какая свекла вырастет на грядке!
Какие лопухи, какая лебеда
для тех, кому не по плечу тюльпаны!
В пушинках, лепестках, козявках воздух
пьяный,
живье кишит в воде, и сверху льет вода.**

**Жара – куда в парную со двора.
Так живописен мафиозный рынок.
Я даже полюбила комара –
в аквариуме рыба ест личинок.**

**Мир радостен и благ, доколе не жесток.
Как тополиный пух, мысль легкая не внове
о вечном лете, где любая капля крови
уходит с миром в жаждущий поток.**

САД

**Есть сад, где туман, словно флейта, поет
поутру,
где ночью сосна загорается тысячью окон,
где числа струятся по веткам и гложут кору,
и листья грызут, и свивают затейливо
кокон,**

и звуки крылатые рвутся к соцветиям букв,
а буква неведомым словом наполниться рада.
Корнями свиваются дуб, эвкалипт и бамбук,
но кроны свободны, и нет между ними
разлада.

В изгибах ствола многоцветно мерцает
смола,
слоны и медведи гордятся талантом и родом,
и Логос летит, словно стройного Смысла
стрела,
и Лотос плывет, словно статная Лебедь,
по водам.

И рыбы танцуют, и змеи костер развели,
и львиных клыков не страшится олень
длиннорогий.

Есть Сад, но застлались, затмились,
быльем поросли,
подернуты илом, трясинной просели дороги.

И только безумного сердца безудержный стук
доносит неверные вести из этого сада.

Но нет оправданья сомнительной
ловкости рук,
но нет утешенья в спасительной
легкости взгляда,

Но нет вождения прежнего к странным
плодам,
хоть все мы надеемся тайно, что родом
оттуда,
когда искушение верности смертным садам
меняется вечным, как мир, воплощением
чуда.

*Ī ōīēēēāōēp īīāāōīāēē
Āīāō Ÿīīāēū*

«НЕИЗБЕЖНОСТЬ – ЛИШЬ ПРИЗРАК»: НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ХАННЫ АРЕНДТ

Àààä Ääòò

Ханна Арендт (1906–1975) – одна из крупнейших интеллектуалок XX века, «философская мадонна» (по выражению Даниэля Кон-Бендита), фигура знаковая и знаменитая, причем непропорционально прочитанности и изученности: ее имя и фотографии с неизменной сигаретой гораздо известнее ее политических теорий, не говоря уже о чисто философских концепциях природы воли и свободы, зла и власти. Ученица и возлюбленная Мартина Хайдеггера, затем – ученица и друг Карла Ясперса, Арендт увлеклась франкфуртским неомарксизмом, примкнула к антинацистской оппозиции, была схвачена гестапо, освобождена и бежала во Францию, откуда в 1941 году вынуждена была снова бежать – в Америку. Лауреат целого ряда престижных премий в США и Европе и обладатель многих почетных титулов, она преподавала в Беркли, Йеле и других американских университетах и стала первой женщиной, удостоенной профессорского звания в Принстоне. Лишь англоязычная ее библиография насчитывает несколько сот наименований, но первые работы были на немецком: не считая диссертации (по Аврелию Августину), это колонки и статьи, выходившие уже в Америке, в эмигрантской газете немецкоязычных евреев *Der Aufbau*. Из ранних эссе 30–40-х годов и был составлен сборник «Скрытая традиция» (*Die verborgene Tradition*), посвященный «бесценному кумиру» Карлу Ясперсу и позиционируемый как попытка преодоления фанатичной ненависти между народами, казалось бы, неизбежной после «уничтожения чуть ли не трех четвертей европейских евреев»¹.

Ханна Арент. 1972 год

В этой – повторим авторский диминутив – «книжице» уже заявлены темы, центральные для дальнейшего творчества Арент, равно как и для всей еврейской политической мысли XX века: европейское Просвещение и эмансипация евреев, империализм и ассимиляция, антисемитизм и Холокост, сионизм и отношения с арабами, а также нетривиальное для еврейского мыслителя отношение к этим темам, у многих читателей Арент вызвавшее вполне естественное недоумение и возмущение. Обосновавшись на безопасном и благополучном Манхэттене, вдали от концлагерей Германии и малярийных болот Изреэльской долины, Арент занималась последовательной критикой как европейских мучеников, так и палестинских халуцим.

Узников гетто и лагерей она укоряла за бездействие и пассивность, обусловленную внушенной им уверенностью в неизбежности гибели (уверенностью ложной и порочной, по мнению Арент), а иных – за стремление «просто выжить», любым путем, без героизма, без военного сопротивления, без масштабных проектов объединения с другими угнетаемыми и истребляемыми группами.

Палестинских сионистов Арент упрекала в «близоруком реализме» и «сектантской идеологии», политической слабости и неспособности бороться с антисемитизмом. Она называла их изоляционистами, которые отделяют себя от еврейской диаспоры в Европе и Америке, интересуются «только <...> ишувом и совершенно не желают становиться протагонистами всемирного национально-освободительного движения». Это может показаться несколько абсурдным, но Арент не устраивала в сионизме его националистическая составляющая, естественно доминантная, а также зависимость от региональных интересов имперских держав:

Национализм, когда он верит лишь в грубую силу нации, явление довольно неприглядное. Но конечно, еще хуже национализм, который в силу необходимости и по общему признанию зависит от мощи чуждой нации.

По мнению Арендт, объединяться надо было не с политическими силами, а с другими угнетенными народами, в первую очередь – арабами, сионистскую политику по отношению к которым она не одобряла и высмеивала: от «предоставления еврейским меньшинством арабскому большинству прав меньшинства» по Билтморской программе 1942 года до собственно раздела Палестины на два государства: еврейское и арабское. В отличие от других противников раздела, коих было немало среди европейских еврейских интеллектуалов (в том числе Мартин Бубер и Гершом Шолем), Арендт и после 1948 года не примирилась с положением вещей, проча израильтянам дальнейшую изоляцию от всего мира и эскалацию конфликта с арабским окружением на Ближнем Востоке.

Если соображения Ханны Арендт по различным *Judenfragen* в конце 1940-х годов встретились с критикой и непониманием со стороны соплеменников, то ее репортажи с процесса Эйхмана в Иерусалиме, публиковавшиеся в журнале *The New Yorker* и вышедшие отдельной книгой в 1963 году, вызвали взрыв праведного гнева и у израильтян, и у выживших жертв Холокоста, превратив автора чуть ли не в парию в еврейском обществе^[1].

Как известно, Адольф Эйхман, оберштурмбанфюрер СС, начальник подотдела РСХА по «окончательному решению еврейского вопроса», прозванный «архитектором Холокоста», после войны скрывался в Аргентине, где был обнаружен сотрудниками «Моссад», вывезен в Израиль, судим, осужден и казнен через повешение. Еврейская обывательская позиция здесь предельно недвусмысленна: молодцы ребята, разыскали гада, похитили, засудили и уничтожили – отомстили за своих, самостоятельно, решительно и в то же время законно и с должным резонансом – через суд, а не ножиком в темном переулке.

Позиция репортера ведущего американского еженедельника во много раз сложнее. Обработав все доступные прессе судебные документы, а также массу релевантных публикаций в периодике и прочей литературы, Арендт сформулировала на 400 страницах свой неординарный взгляд на само это событие и его контекст, взгляд, ревизионистский по отношению к – парадокс – еще не утвердившемуся на тот момент каноническому образу Холокоста. Ведь вопреки, опять же, обывательскому мнению, привыкшему отсчитывать трагический культ Катастрофы – с мемориалами, памяtnыми церемониями и научными исследованиями – от освобождения Освенцима или от Нюрнбергского процесса, этот культ в знакомом нам виде сформировался лишь постепенно, в течение последних десятилетий, а до того Катастрофа во многом замалчивалась, в том числе в Израиле, где культивировали героический образ еврея-победителя, а диаспорной униженности и пассивного мученичества стыдились. До середины 1960-х Холокост – за исключением нескольких героических эпизодов вооруженного сопротивления – не занимал достойного места в коллективной памяти израильского общества; эта тема почти не затрагивалась ни в литературе, ни в публицистике, ни в школьных учебниках. И хотя кнессет еще в начале 1950-х годов установил День памяти Катастрофы и героизма, приуроченный ко дню начала восстания в Варшавском гетто (и в этом названии и в выборе даты хорошо видна попытка героизации прошлого), обязательно отмечаться он стал гораздо позже. Примечательно, что Арендт, критиковавшая руководителей Государства Израиль и конкретно Давида Бен-Гуриона, в частности, за их концепцию суда над Эйхманом, во многом разделяла их отношение к жертвам Холокоста.

Однако первая и центральная ее мысль по поводу процесса Эйхмана, вынесенная в заглавие книги («Банальность зла»), касается не евреев, а самого подсудимого и состоит в том, что Эйхман – не монстр, не садист и не перверт, а «ужасно и ужасающе нормальный» человек, служака, карьерист. И это наблюдение, естественно, экстраполируется и на многих других «нацистских преступников», бюрократов Третьего рейха, чья вина состояла не в патологической жестокости и не в фанатичной вере в порочные идеалы, а в том, что они не думали, не хотели знать, обманывали себя, не желали видеть факты, анализировать их и поступать сообразно своей совести.

Вторая мысль, гораздо более взрывоопасная, экстраполирует это же наблюдение и на людей по другую сторону границы, границы добра и зла. В Холокосте виновны не только нацисты, которые, вопреки распространенному убеждению, далеко не везде и не всегда были непреклонно жестоки и фанатичны, а напротив, охотно отступали перед твердостью французов, датчан или итальянцев, вознамерившихся защищать своих евреев. В уничтожении трех четвертей европейского еврейства был задействован целый ряд факторов, политических, социальных и национальных, включая поведение самих евреев – как в годы геноцида, так и в исторической перспективе. Арентт превратила евреев из жертв в соучастников, из пассивно претерпевающих историю в ее акторов. В интерпретации Арентт антисемитизм XX века оказывается следствием поведения евреев предшествующих веков, их самоотождествления с абсолютистским государством. Потомки *Hofjuden* в 1930–1940-х годах оставались в плену традиционных стереотипов и продолжали слепо верить государству: германские евреи не понимали угроз, не верили в опасность, открывали двери полиции, откладывали бегство, не осмеливались на бунт; главы общин отмалчивались, избегали объявлять о нацистской расовой политике в синагогах, послушно формировали «еврейские советы» и послушно составляли списки будущих узников гетто и лагерей. Арентт упрекала европейских евреев, а особенно их лидеров, в обмане и самообмане и – вследствие этого – в коллаборационизме, вплоть до уничтожения своих соплеменников в концлагерях. В качестве превентивного ответа на любые замечания об очевидной несоизмеримости вины нацистов и вины юденратов она отвечала, что ошибки, совершенные ее народом, волнуют ее гораздо больше, чем ошибки, совершенные другими народами.

В еврейской мысли последних лет идея участия как замены виктимности утвердилась вполне; но идея ответственности за события подобной направленности и подобного масштаба продолжает считаться ревизионизмом. Неудивительно, что этот тезис Арентт вызвал незамедлительную и весьма эмоциональную реакцию, в том числе со стороны еврейских интеллектуалов. Шолем в своем письме нашел нетривиальный аргумент в сфере не истории, а личности оппонента и упрекнул Арентт в некоторой душевной неполноценности:

В еврейском языке есть такое понятие, которое совершенно не поддается определению и при этом вполне конкретно, – это аават Исраэль, или любовь к еврейскому народу. У вас, моя дорогая Ханна, как у столь многих интеллектуалов, происходящих из германских левых кругов, не наблюдается и следа этого чувства.

«Дорогая Ханна» с готовностью согласилась, углядев в означенном чувстве худшие элементы национализма и заявив, что она любит отдельных людей, а не народы и прочие группы. Диалог неудавшегося разоблачения, интонационная реплика блестящего: «“Вы ненавистник пролетариата!” – гордо сказала женщина. “Да, я не люблю пролетариата”, – печально согласился Филипп Филиппович».

Третья тема книги, некоторым образом продолжающая осуждение сионизма у ранней Арендт и вызвавшая не меньше нареканий у еврейской публики, процессом Эйхмана однозначно гордившейся, – это критический анализ самого процесса, аргументации обвинения, позиции израильского суда и израильского государства. Арендт критикует вышеназванные институты за то, что в стремлении продемонстрировать самостоятельность Израиля, его независимость от мировых держав и его право выступать от лица всего еврейского народа не созвали международный суд. За то, что судили за преступления против еврейского народа, не поднявшись до следующего уровня – преступлений против человечества, хотя нацистская расовая политика предписывала стереть с лица земли определенные народы, то есть изменить облик человечества в целом, его природу. За то, что не сумели увидеть в Холокосте принципиально нового феномена, а продолжали еврейскую традицию рассматривать современные события как актуализацию библейских архетипов, новые бедствия как повторение былых гонений и погромов, только в большем масштабе.

Адольф Эйхман во время своего тюремного заключения. Израиль, 1961 год

Пожалуй, самое интересное, что предлагает книга «Эйхман в Иерусалиме» вкупе с известной нам богатой ее рецепцией, это китайский костью шарик иерархии восприятий.

Как деятельность оберштурмбанфюрера СС Адольфа Эйхмана расценил израильский суд.

Как ее объяснял сам подсудимый Эйхман.

Как к судебному процессу над Эйхманом отнеслась немецкая еврейка и американский профессор Ханна Арендт.

Как книгу последней восприняла еврейская публика, которая ответила и продолжает отвечать на нее рецензиями, статьями и монографиями, упрекая Арендт в недостаточной информированности (пропуске части слушаний на процессе), фактологических ошибках и неточностях в изложении истории Холокоста, в априорной ненависти к сионизму и в уже упоминавшемся отсутствии «любви к народу Израиля», а конкретнее – в присущем многим немецким евреям презрении к восточноевропейским собратьям, не говоря уже про ближневосточных. В частной переписке Арендт называла израильтян «восточной толпой», Израиль – в однозначно пейоративном значении – «полуазиатской страной», а «типичным галицийским евреем, который постоянно делает ошибки и не знает ни одного языка», она обозвала генерального прокурора Гидеона Хаузнера, того самого, который начал свою обвинительную речь знаменитыми словами:

– Представ здесь перед вами, судьи Израиля, дабы вести обвинение против Адольфа Эйхмана, я стою не один. Со мной вместе в этот час – шесть миллионов обвинителей. Но они не могут встать, указать обвиняющим перстом на сидящего на скамье подсудимых и воскликнуть: «Я обвиняю!» Их пепел развеян по холмам Освенцима и по полям Трешлинка и рассыпан по лесам Польши. Их могилы разбросаны вдоль и поперек Европы. Их кровь вопиет, но голос их не слышен.

Подобные отзывы Арендт дали возможность критикам обвинить ее в расизме, можно сказать – субэтническом расизме.

Как взгляды Арендт стали очередным пунктом в общей полемике правых и левых, сионистов-милитаристов и пацифистов, тех, кто отказывает диаспорному еврейству в праве на существование, и тех, кто считает Израиль нацистским государством? Как бы сама Арендт отнеслась к этой полемике в ее современном виде, равно как и к дебатам о Холокосте, и к криминализации «отрицания Холокоста» во многих странах Европы? Сочла бы это необходимостью или иллюзией ее, самообманом, голосом совести или ограничением свободы?

И наконец, как все эти слои восприняло издательство «Европа», возглавляемое политтехнологом Глебом Павловским, которое в августе 2008-го издало эту книгу под видом «дотошного исследования Холокоста» и сопровождало ее комментарием о «кровавом» грузинском национализме и об узурпации Западом в лице Гаагского трибунала права судить преступления против человечности. В этой издательской аннотации нельзя, конечно же, не увидеть – как учит нас Арендт – либо самообман и глупость, либо обман и ложь. Ибо никакое это не исследование Холокоста, а исследование судебного процесса, юридических тонкостей и моральных оснований, причин зла в мире и проч.; ибо Арендт была европоцентристкой и сама выступала за международный, в случае суда на «архитектором Холокоста» – именно европейский трибунал; ибо преступления против человечности она как раз призывала понимать совсем иначе, чем «Грузия для грузин». И тезис о «банальности зла» – о том, что кто угодно, самый обычный и добропорядочный гражданин, может стать монстром машинально, из-за недостатка этической рефлексии – относим, скорее, к ставшему обыденностью великорусскому

шовинизму, чем к «кровавым попыткам грузинских властей». К тому, что нельзя любить и ненавидеть группы, а тем более произвольно их формировать, непродуманно произнося «мы» и «они». К тому, что принадлежность по крови и месту рождения не предопределяет идеологическую верность и не отменяет человеческую совесть, ибо предопределения вообще обманчивы, «неизбежность в любом обличье – лишь призрак, который стремится завлечь нас играть роль вместо того, чтобы сделать попытку хоть как-то быть человеком».

Волкер Марз. Инсталляция «Пространство, в котором можно думать о Ханне Арендт». Берлин

Если говорить о том, чем эта книга полезна именно российскому читателю, то в первую очередь, скорее, своим отношением к правосудию – допущением его торжества, бескорыстным стремлением к этому торжеству и попыткой беспристрастного анализа многочисленных юридических нюансов в деле, отношении к которому автора не могло не быть очень страстным, а кто в нем прав и виноват – интуитивно понятно задолго до начала дела. Подобное отношение – интересный месседж для российского менталитета, в том числе интеллигентского, воспитанного на русской классической литературе, где – в отличие от западной литературы или, скажем, американского кино – судебные процессы не делаются стержнем произведения, а если и делаются, то истинная справедливость всегда существует и иногда торжествует отдельно от суда и следствия. Особенно неуместна в контексте правосудия столь дорогая западному сердцу денежная компенсация – ведь, как известно всем внимательным читателям русской классики, деньгам место в камине.

Прекрасной иллюстрацией отношения к правосудию в отечественной культуре служит недавний нашумевший фильм, в некоторой степени ремейк старой американской картины. Весь посвященный суду, точнее, воспроизводящий заседание коллегии присяжных, он при этом проводит совершенно антиюридические идеи. Справедливость в фильме торжествует не благодаря рациональным аргументам, а благодаря эмпатии, откликам на историю обвиняемого в личных воспоминаниях присяжных, а влиятельная ложная концовка предписывает судебную несправедливость ради спасения, то есть торжества истинной справедливости. Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло, – а справедливость, согласно российскому менталитету, возможна по понятиям, а не по закону.

И в этом смысле – в связи с пренебрежительным отношением к суду, особенно к такому, на котором и так «все понятно», а вовсе необязательно в связи с операциями «Принуждение к миру» или «Расплавленный свинец», Гаагским трибуналом или

ревизионистскими высказываниями под покровительством понтифика из гитлерюгенда – книга Арндт, которая, по словам одного американского рецензента, «пишет как ангел, способный перехитрить черта», крайне полезна для российского читателя, преимущественно интеллектуально и рефлексивно девственного, ленивого и недисциплинированного в

¹¹ Ханна Арндт. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

КОМПОТ ИЗ УЛИТОК

Àíá Èñéíàì

В Израиле появилась особая отрасль кустарного производства: выпечка литераторов на основе частно-групповых занятий. Курсы писательского мастерства, преподаваемого почти в домашних условиях, – вещь не менее обыденная, чем такие же курсы балета и бухгалтерского дела. Правда, в бухгалтерском деле требуется завершить обучение дипломом, а в балетном – пробиться в не столь уж многочисленные танцевальные коллективы сквозь буйную толпу конкурентов, тогда как издание первой книги обеспечено почти каждому пишущему юнцу. Издательства готовы доводить до ума любой текст, если только замечают в произведении молодого автора хоть какой-то проблеск надежды на будущие свершения.

Издание второй книги – дело гораздо более хлопотное, но большинство новоявленных литераторов до этой стадии не доходят. Издал книгу – значит, имеешь право именовать себя писателем, что позволяет открыть собственный курс по производству первой книги, передавая накопленный опыт новой волне претендентов на почетное звание. Лучше, конечно, делать это на периферии, поскольку в больших городах действуют более известные литераторы: кормиться писательским делом дано немногим, а серийное производство писателей первой книги – недурной заработок.

В связи с этой тенденцией и ее издержками отношение к первой книге незнакомого автора у меня сдержанное: даже если в результате пролистывания взгляд и задерживается на удачных деталях слога или хитроумных сюжетных поворотах, всегда возникает вопрос: что тут от усердного и опытного редактора, а что от автора? Лучше уж подождем второй книги, если, конечно, ей суждено появиться.

В данном случае рука все же потянулась за книгой^[1] и вовсе не потому, что молоденькая продавщица сердечно ее рекомендовала, а ввиду названия: должна же быть какая-то связь между улиткой на скоростном шоссе и улиткой на склоне, а это уже повод к действию. Однако блиц-проверка показала, что: а) книга братьев Стругацких не входит в список десяти любимых книг молодого автора, б) если «Улитка на склоне» и переводилась когда-нибудь на иврит, то ни широкой читательской, ни избранной писательской публике об этом ничего не известно.

Из биографических данных выяснилось и то, что Нетали Гвирц, жительница Тель-Авива, двадцати восьми лет отроду, вовсе не сошла с конвейера по производству авторов первой книги. Она выпускник известной художественной школы, за ней числится создание клуба для выступлений молодых музыкантов под названием «Патефон» и собственный музыкальный лейбл «Паст мюзик», а кроме того, она известный график-иллюстратор музыкальных дисков и постеров.

История создания книги напоминает скорее тенденцию «если какая-то Джоан Роулинг может, почему я нет?». Я не настаиваю на этом объяснении причины невероятного перевеса молодых барышень в перечнях авторов первой книги, но в каждом интервью с ними непременно встречаю отсылку к удачливому автору серии о Гарри Поттере, первая книга которой была написана якобы в приступе женского отчаяния и в качестве попытки выкарабкаться из сложного финансового положения.

На мысль о «синдроме Роулинг» навел меня, очевидно, пиар-рассказ о процессе создания книги. Согласно этому рассказу, Гвирц, оказавшись в Барселоне по делам спутника жизни, решила занять себя творческим делом. В результате четырехмесячного усилия появилась рукопись, которая понравилась парню писательницы, ее маме и редактору издательства, заявившему, впрочем, что над книгой предстоит серьезно поработать.

Насколько серьезной была работа, занявшая несколько лет, нам неизвестно. Выпущенный в свет продукт позволяет предположить бурную совместную деятельность. Например, зная традиционную нелюбовь израильского редактора к барочному стилю, трудно предположить, что звездная пыль в метафорическом шлейфе героини, превращающаяся временами в порох, есть продукт обоюдного согласия автора и редактирующего персонала. Тут уж либо у редактора случился нервный срыв, либо автор обладает великим даром убеждения.

Как бы то ни было, метафорика в этом произведении хоть часто и доходит до абсурда, но неизменно присутствует и местами искренне радуется. Израильский литературный стиль однообразно постный, и некоторое количество рокайльных завитушек ему не мешает, если автор научится пользоваться подобными украшениями с более тонким чувством меры.

По чести говоря, только эти бесконечные стилистические арабески и безудержный полет фантазии автора позволяют снисходительно отнестись к потраченному на чтение времени. Приятно все же сознавать, что современный иврит стал настолько пластичным, что позволяет то, что раньше считалось не просто неуместным, но и невозможным. Более пожилые авторы, привыкшие относиться к священному языку с трепетом, тратят безумное количество времени на изобретение способов управления достаточно сложным в обращении механизмом иврита, тогда как молодые израильтяне делают с языком что хотят, прилаживая к нему шарниры самого неожиданного свойства, в большинстве своем заимствованные из языков очень далеких по рождению и характеру, – и ничего. Молодое поколение говорит на этом волапюке с детства, почему бы не писать на нем, если редактор позволяет?

Нет смысла судить, к лучшему это или нет, время все расставит по местам. Как бы ни возмущались пуристы иврита вольностями нового молодежного стиля, такие эксперименты в конечном счете оказываются полезны языку, даже если со временем он их отвергает.

Что до сюжета, тут полет авторской фантазии не знает границ. Главные герои: мальчик-сирота, пытающийся не попасть в широко расставленные сети социальных служб, и двое сумасшедших стариков – нереализованная актриса Елена и помешавшийся драматург Гектор (почему не Парис?), хранящий дома бомбу, которую молодые психопаты пятьдесят лет тому назад намеревались взорвать на воздушном шаре, несущем транспарант «Только мертвые доживают до конца войны!».

К счастью, этот транспарант является единственной данью израильской политико-литературной моде. Ни несчастных палестинцев, ни солдат с исковерканной психикой, ни затравленных бесконечной войной женщин в книге нет. Да и Израиля, в сущности, нет.

Действие происходит на пляже, в нескольких домах возле пляжа и в телецентре, расположенном там же. А поскольку в Израиле нет телецентра, расположенного рядом с морем, обозначить место действия невозможно. Известно только, что наши герои одиноки как персты и каждый занят собой: Елена – фантазиями о жизни, какой она могла быть, но не стала, Гектор – преодолением страха перед проклятой бомбой и поиском способа от нее избавиться, а мальчик Генри – попытками создать себе семью не из того, что могут предложить социальные службы, а из того, что попадается ему под руку.

В конечном счете ему это удастся, одинокие старики влюбляются друг в друга, несостоявшаяся актриса узнает в стороже телецентра драматурга, в пьесе которого должна была играть, сторож-драматург избавляется от проклятой бомбы – груза беспечной молодости и поселяет в комнату, где она бережно хранилась пятьдесят лет, бездомного мальчика. Хэппи-энд знаменуется ночной читкой забытого произведения безумного драматурга несостоявшейся актрисой перед телекамерами закрытого на ночь телецентра. Весь этот компот психологически оправдывается тонким замечанием мальчика, что его старички – улитки на скоростном шоссе современной жизни и их единственный шанс не быть раздавленными состоит в том, чтобы обучиться правилам дорожного движения.

Мысль не революционная, но тем не менее спорная. По мне, улиткам лучше отползти на обочину, в эскапизме просматривается гораздо большая прелесть, чем в попытке незнамо зачем пересекать скоростное шоссе. Но сумасшедшие старички-индивидуалисты почему-то предпочитают согласиться с четырнадцатилетним подростком, что вполне объяснимо возрастными предпочтениями молодого автора, которому сама мысль о способе существования внутри собственной скорлупы кажется оскорбительной.

Надо заметить, что обращение молодого автора к проблеме стариков – следствие моды, охватившей израильское общество. Именно в то время, когда писалась книга, молодые израильтяне массово голосовали за партию пенсионеров – социальный эквивалент палестинцев в роли обиженных членов общества. Недоразумение состоит в том, что плохое положение израильских пенсионеров вовсе не универсально. Социальной проблемой становятся старики, не получившие в свое время образования либо не знающие иврита, а потому не наработавшие приличной пенсии: репатрианты, люди низкого социального статуса, тяжелые инвалиды. Автор же рассказывает историю вполне благополучных израильских пенсионеров, поэтому ему приходится свести их с ума для того, чтобы потом вправлять старикашкам мозги.

История мало достоверная и не дотягивающая до того уровня отрешенности от жизненных реалий, какой позволяет Носу и Тени вести самостоятельное существование, а нашему Гектору разрешил бы держать пятьдесят лет взрывоопасную бомбу в

коммунальном доме. Да и сама идея пацифистской израильской молодежной группировки в период становления государства выглядит, мягко выражаясь, плохо продуманной.

Вместе с тем густая ткань произведения, внимание к деталям, их обработка, смелая языковая вольтижировка и богатая метафорика позволяют предположить наличие у молодого автора писательского таланта. В этом ни ее парень, ни мама, ни редактор не ошиблись. Остается надеяться на появление следующей книги, написанной не по случаю свободного времени, которое нечем занять.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Орландина

Этгар Керет

Когда умерли автобусы

Пер. с иврита Линор Горалик

М.: Текст; Книжники, 2009. –
187 с. (Серия «Проза еврейской жизни»)

Кажется, со мной что-то не то. Нет-нет, не в этом смысле. С работой у меня все нормально. Ну и с личной жизнью тоже, если вы понимаете, о чем я. Еще я профессионально катаюсь на горных лыжах, умею открывать пивные бутылки бровью и хорошо готовлю рыбу – гостям всегда очень нравится. Ну, еще в софте разбираюсь, еще скутер сам могу починить. Но это все фигня и ничего не значит, если вдруг оказывается, что я юмора не понимаю – юмор-то наше все. А тут вот что произошло. Писатель есть такой израильский, Этгар Керет. Все мне хвалили, говорили: веселый чувак, смешно пишет, почитай – обхохочешься, под столом будешь киснуть от смеха. «Да? – говорю. – Ну, о'кей, почитаю». Купил, почитал. И вот теперь думаю, что со мной реально что-то не так. Не, я не в смысле, что он плохо пишет, – пишет он отлично, бойко так, все путем, главное, ничего лишнего: два-три компьютерных экрана – вот тебе и рассказик, круто. Но я чего-то никак не догоняю – что здесь смешно, забавно и – вот они еще пишут – комично. Кому это комично?! Это же ужас какая страшная литература. Литература обмана ожиданий и вообще обмана, облома, одиночества, оскала аццкой бездны, из которой нет возврата, и вообще всяческого западла, после которого ничего уже не будет так, как раньше. От этих рассказов же ни секунды не смешно, от них же хочется залезть под кровать и сидеть там не дыша – вдруг пронесет, вдруг ничего не случится, или, по крайней мере, я ничего не замечу.

Единственное, что меня утешает, что вроде художник этот, который Керета оформлял, так же думает, как и я. А то с чего бы ему зафигачивать на обложку картинку из компьютерной игры, где такой бабах-взрыв, маскирующийся под цветочек, и трупики пацанов валяются рядом с мирной зеленой лужайкой.

Я помню, в школе нас учили. Про Гоголя там. Фантасмагория, прущая из-под обыденной реальности. У Гоголя, правда, и реальность-то та еще, довольно кислая, а тут нет. Тут солнечное такое, теплое и приветливое, беззаботное детско-юношеское трам-пам-пам, и из-под него вдруг вылезает и ощеривается мрачная и грозная Взрослая Жизнь: с проблемами, расставаниями, уродством, банкротством, безумием, болезнью и смертью.

Ну и для красоты еще со всякими фантастическими страшилками. Конечная жизнь, безжалостно перерезающая пуповину детской улыбающейся бесконечности, – и так в каждом трехстраничном рассказе, черт бы их побрал!

Наш учитель литературы больше всего любил Гоголя. Неплохой был учитель. Веселый дядька. Я его очень уважал, ну и вообще. Опусы свои давал ему читать, с замиранием, блин, сердца ждал его отзывов. Ездил к нему на дачу забор чинить. А он мне улыбался, улыбался, а потом вдруг хоп – и ни за что ни про что вlepил трояк в аттестат. Ну я не буду вам тут рассказывать, как я потом мыкался, как в институт не поступил из-за этого гребаного трояка и весь год на стройке работал и заработал себе грыжу. Не в этом дело. Дело в том, что у учителя этого была собака, чау-чау. Он временами в школу его приводил. Оранжевый такой пушистище, все его обожали, тискали, печеньями кормили. Ленивый был, лежал в коридоре и вальяжно так улыбался. А потом, говорят, когда учитель вдруг на ровном месте свалил в Австралию – жене с новорожденным ребенком сказал, что в школу пошел, в школу позвонил – сказал, что ребенок заболел и он дома остается, а сам – на самолет и в Австралию, на ПМЖ, так вот, в тот же день чау-чау этот вдруг ме-е-ерзко так мяукнул, вытянулся в змею и уполз под плинтус, угрожающе шипя. Рыжая его шерсть так и осталась лежать клочьями на выщербленном школьном паркете. Все обомлели на фиг, директриса зараз поседела, у учительницы пеня схватки на пятом месяце начались, двух девчонок на «скорой» увезли.

Ну вот, так оно все примерно и у Керета устроено, если вы понимаете, о чем я.

Ааааа Аааа

ПО-АРАМЕЙСКИ С ЛЮБОВЬЮ

Елена Калашникова

По-русски с любовью: Беседы с переводчиками

М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 608 с.

По-русски с любовью – а как иначе: невозможно переводить, не любя язык, не зная его интимно. Разве что инструкцию к холодильнику. Апелляция к названию культового фильма: внятное противопоставление не знающих границ культурных ценностей масскульту и социальным мнимостям.

Беседы с 87 переводчиками об общих и частных проблемах перевода, об учителях, о литературных предпочтениях. Мужчины и женщины разных поколений, с разными вкусами и интересами, с разным культурным опытом, переводящие с разных языков, многие – полиглоты. Замечательное чтение. Елена Калашникова – всеобщая собеседница: «Предмет моего интереса в этой книге – российское сообщество переводчиков зарубежной литературы конца XX – начала XXI века».

У многих из этих, оказавшихся благодаря Калашниковой под одной обложкой, толковников еврейские корни: переводы – специфически еврейская социальная ниша. Некоторые в большей или меньшей степени знакомы читателям «Лехаима». Скажем, Асар Эппель представлен практически всегда – как ведущий поэтической рубрики. Здесь были опубликованы подборки стихов Дмитрия Веденяпина и Павла Грушко. Но то были оригинальные стихи. Евгений Витковский возглавлял жюри конкурса на лучший перевод стихотворений Бялика. Веденяпин занял тогда первое место. Веденяпин переводил не только Бялика, но и Зингера: «Мне нравится литература с простором, не риторичная, а растерянная. Поэтому мне нравятся Каннингем, Зингер».

Каждая беседа Калашниковой предваряется списком работ ее собеседника. В перечень переводов Натальи Трауберг не вошли «Хасидские рассказы» Бубера, пущенные ею в эпические времена в самиздат. И в рецензии на книгу ее воспоминаний, опубликованной в «Лехаиме» (2008, № 11), они не упомянуты. Кажется, Трауберг была первой. Большая заслуга перед еврейской культурой в советской (точнее подсоветской) России. Увы, текст этот утрачен. Бывает и так. И у автора не осталось. Та же участь постигла эссе Клайва Льюиса «Добрые дела и хорошая работа», но Льюис, в отличие от Бубера, есть в справке.

Для «Лехаима» переводит Виктор Гольшев. Александр Ливергант, переводчик зингеровской «Семьи Мускат», тоже в «Лехаиме» появлялся, и, кажется, неоднократно. Наверняка я кого-то упустил. Все эти люди, не только упомянутые, – прекрасные собеседники, говорят интересные вещи, противоречат друг другу (естественно).

Еврейский сюжет в книге представлен весьма слабо: так, отдельные упоминания. Что не хорошо и не плохо – каждый говорит о том, что его интересует. И даже не вообще, а в конкретном разговоре с Калашниковой. Эппель упоминает переведенные им «Коричные лавки» Бруно Шульца, не более того.

По существу, два исключения: Евгения Смагина и Андрей Графов. Оба занимаются переводами Танаха. Графов еще и редактирует. Оба рассказывают о своей работе, в том числе и совместной. Естественно: узок круг этих людей.

У Смагиной широкий спектр профессиональных интересов: переводы с новогреческого, с иврита, с арамейского, с коптского, с французского, с немецкого «и др.». Переводя коптский манихейский трактат, использовала ставшие частью русской культуры библеизмы.

Андрей Графов входил в жюри конкурса, в котором победил Веденяпин. Он публиковался в «Лехаиме» как переводчик Агнона и Амихая. Графов – человек уникальный: знает три десятка языков.

«Какими языками я занимаюсь специально? Двумя классическими (греческий знаю хуже, поэтому уделяю ему больше времени), японским, недавно начал учить китайский. Зная иероглифы, обидно его не знать. Это уже четыре. Еще три, про которые Айзек Башевис Зингер сказал: “С детства я знал три мертвых языка – древнееврейский, арамейский и идиш”. Мрачная шутка... Ивритом и арамейским занимаюсь профессионально, а идиш просто очень люблю».

«Последние два года занимаюсь вот каким странным делом: перевожу иноязычную поэзию на другие языки, не на русский. Переведя Амихая с иврита на русский, я решил перевести его на идиш – и перевел четыре стихотворения. Потом

перевел два стихотворения норвежца Ханса Берли – на современный иврит. Первые пять строк “Памятника” Горация – на таргумический арамейский (вот это, боюсь, получилось не слишком здорово). На библейский иврит – шесть строк из начала “Метаморфоз” Овидия. Меня потрясло, что первые строки “Метаморфоз” – о сотворении мира – почти совпадают с началом Книги Бытия... А еще у меня есть перевод нескольких хайку Басе на идиш. Еврейская и японская графика смотрятся на одном листе невероятно красиво. Это уже не параллельный, а перпендикулярный текст».

Кому еще придет в голову переводить на таргумический арамейский? И кого?! Горация! Какая внутренняя свобода! Какая сопричастность большой культуре, не знающей границ, не подверженной эрозии времени! И может быть, в эту минуту меня на турецкий язык японец какой переводит и прямо мне в душу проник.

יֵבֹאֵי אִיִּדִישׁ

Парадоксы агента Малкина

Питер З. Малкин, Гарри Штейн

Эйхман в моих руках

Харьков, 2008. – 276 с.

Честно говоря, книгу с таким названием открываешь с некоторым предубеждением. Во-первых, готовишься к очередному изложению шпионской истории с изрядной долей гражданского пафоса. А во-вторых... Ну чем еще можно удивить после «Дома на улице Гарибальди» легендарного Исера Хареля? Но опасения рассеиваются с первых же строк. Воспоминания и размышления Малкина, чья рука сжала горло Эйхмана на улице Гарибальди, лишены всяческого самолюбования и при этом рельефнее и глубже мемуаров его знаменитого шефа.

Исторический фон выписан живо и без ностальгических всхлипов. Отрочество, проведенное в лагерях Хаганы, ненависть к англичанам и всеобщее патологическое нежелание верить в то, что происходит с евреями Европы. Чуть позже – Война за независимость, истошные крики «Смерть евреям», оторванная рука одного друга и белые черви, выползающие изо рта другого... И наконец, мирная пустота, такое реабилитационное ничегонеделание, прерванное «случайной» встречей в кафе с армейским приятелем.

Спустя пару дней, заполняя анкету для контрразведки, Малкин задумывается над вопросом: «Причина поступления на службу». И откровенно пишет: «Люблю приключения». Ни словом (в отличие от остальных кандидатов) не обмолвившись о долге перед родиной, что едва не лишило его шанса этой родине послужить.

Конечно, я люблю свою страну... Но неумеренная любовь к стране – не та причина, по которой следовало бы поступать в секретную службу. Если вы считаете, что стоит умереть за свою страну, то вы умрете.

В первой же большой зарубежной «командировке» группа агента Малкина приобрела славу интеллектуалов, ибо молодой командир настаивал на регулярном посещении музеев и галерей. Интересно, что после ухода в отставку (а он дослужился до главы оперативного отдела «Моссад») Малкин состоялся как вполне успешный художник, чьи работы интересны вне связи со шпионским прошлым автора. Изобразит он и Эйхмана – на фоне карты Латинской Америки.

Но все это будет потом, а пока 33-летний Малкин испытывает «невыразимый ужас от того, что научился бесстрастно смотреть на Холокост». Поэтому перед операцией читает (не перечитывает, а именно читает – впервые!) письма погибшей Фрумы – любимой старшей сестры, так и не получившей иммиграционный сертификат...

Те, кого интересуют подробности похищения из первых уст, тоже не будут разочарованы, узнав, например, что никто в «Моссад» не вспомнил – аргентинское лето соответствует зиме в нашем полушарии, так что агенты прилетели в Буэнос-Айрес без верхней одежды. Момент чтения Эйхманом «Шма, Израэль» описан многократно, а вот о предложении одного из руководителей операции обеспечивать семью Эйхмана (в связи с потерей кормильца) за счет Государства Израиль известно немногим. «В этом, возможно, и заключалась суть дела: необходимо держаться за собственную человечность, если все вокруг оставили свою», – резюмирует Малкин.

Мысль о банальности зла (впрочем, отнюдь не в понимании Ханны Арендт) проходит сквозь все беседы автора с «подопечным». Тот всерьез огорчился, когда Малкин – в понимании Эйхмана, коллега-профессионал – не мог разделить его гордость по поводу хорошо выполненной «работы», иногда вопреки попыткам вермахта (ближе к концу – вопреки самого Гимmlера) забрать его поезда.

Книга Малкина вышла спустя 30 лет после похищения, когда его детали, во многом благодаря Харелю, о скрытности которого ходили легенды, стали уже секретом полишинеля. Малкин же, будучи верен присяге, упорно отрицал свою причастность к операции, даже когда собственные дети в конце 1970-х спрашивали его об этом. И этот отказ от ореола национального героя требовал не меньшего мужества, чем ежедневный риск, сопутствовавший работе «нелегала».

Лишь иногда в авторской интонации проскальзывает недоумение с привкусом горечи. Например, когда израильские власти, в нарушение неписаных правил, публично объявили о доставке Эйхмана в Израиль – еще до того, как агенты, включая Малкина, оказались в безопасности. Или когда, уже после возвращения, Харель противодействовал встрече команды с премьер-министром.

Ляпов в книге относительно немного, и связаны они, преимущественно, с неумелым переводом. Гейдрих и Штрайхер превратились в Хайдриха и Штрейера, Новый город Хайфы так и остался Нью-Сити, а желание напарника Малкина съесть тарелку «гумуса» вызывает отнюдь не кулинарные ассоциации. Seriously смущает полное отсутствие выходных данных, хотя известно, что книга (для некоммерческого распространения) издана в Харькове стараниями двух еврейских бизнесменов, а перевод осуществлен с официального благословения автора. О благословении издательства,

выпустившего в 1990-м «Eichmann in my hands», не сообщается. Возможно, в его отсутствии и кроется разгадка этой тайны.

Гірш Айкіна

У нас вже є один єврей

Александр Полянкер

Перешедший реку

Киев: АДЕФ-Украина, 2008. – 384 с.

Так уж повелось, что к «детской» литературе (не той, что для детей, а той, что о родителях) критики относятся снисходительно. Дескать, родителю в таких мемуарах разве что нимб не жмет, а действительность подменена детскими впечатлениями. Иногда, однако, ценен именно такой «пристрастный» взгляд, тем паче если воспоминания потомка дополнены заметками современников героя. Несмотря на увесистость, сборник, посвященный редактору журнала «Дер Штерн», фигуранту дела ЕАК, бессменному члену редколлегии «Советиш геймланд» Григорию Полянкеру, – не бронзовый кирпич в основание памятника. Скорее свеча, чье пламя позволяет заглянуть в исчезнувший мир, а тепло – еще долго греться у этого окна в прошлое.

Украина была колыбелью советской еврейской литературы, в которую Гирш Полянкер пришел в начале 1930-х. До войны успел поработать редактором передач на идише украинского радио, издать несколько сборников рассказов, пару романов, в том числе первую часть «Шмая-газлен» – о герое Гражданской войны, которого часто сравнивали со Швейком и Кола Брюньоном. С тех пор друзья (а в доме у Полянкера перебивал весь цвет тогдашней еврейской литературы) так и называли его – Шмая-разбойник.

Штрихи к портрету. Хлебная норма в Киеве той поры – 50 граммов в день, впору опухнуть... Однажды поэтесса Дора Хайкина, работавшая с Полянкером на радио, упала в голодный обморок. С тех пор все убогие бутерброды, принесенные им из дома, – с протертой фасолью, горохом, сахаром – отправлялись «на прокорм» Доры и ее мамы.

Войну Шмая-разбойник начал 22 июня, а закончил на руинах Рейхстага, где на одной из колонн нацарапал на идише: «Я пришел сюда из Киева, чтобы отомстить за Бабий Яр». Вскоре он уже марширует по Красной площади на Параде Победы. Наконец, после вмешательства Фадеева, Полянкера демобилизуют. Гримаса судьбы – тот же Фадеев закрывает в 1949-м журнал «Штерн», основателем которого был Полянкер, и ликвидирует киевское объединение еврейских писателей.

Полянкера взяли одним из последних – 15 ноября 1951 года. Взяли как в шпионских фильмах – по дороге в булочную и, затолкав в черное авто, доставили на

киевскую Лубянку – всего-то пара сотен метров от писательского дома на улице Ленина. Срок дали «банальный» – «десятку». Соседи отвернулись, только украинский классик Максим Рыльский да получивший недавно Сталинскую премию Юрий Яновский помогли жене изменника Родины.

Как и в любом профессиональном сообществе, в СП Украины были свои антисемиты и юдофилы. Полянкера как руководителя еврейской секции в члены Правления обычно утверждали сразу. Кандидатура же прекрасного поэта Леонида Первомайского (настоящая фамилия – Гуревич) однажды натолкнулась на броневой довод патологического антисемита, в ту пору депутата Верховного Совета УССР Андрея Малышко: «У нас вже є один єврей» (воистину, «когда в Москве стригли ногти, в Киеве резали пальцы»). Конец дискуссии положил друг Полянкера и зампред Совмина Микола Бажан, который, махнув рукой в сторону Малышко, резюмировал: «Первомайский – украинский поэт. И какие тут могут быть нормы и проценты?»

Из полутора десятков очерков людей, встречавших-знавших-ценивших Полянкера в разные периоды его жизни, словно из мозаики, складывается портрет Писателя. А сам Писатель повествует о другой Встрече – последней встрече с Михоэлсом. История о евреях Яруги – потомках испанских изгнанников, рассказанная Полянкером в «офисе» ЕАК осенью 1947 года, потрясла руководителя ГОСЕТа. Идея спектакля о еврейских виноградарях, спасенных соседями-украинцами от «окончательного решения», так захватила мастера, что он просит Полянкера немедленно начать работу над пьесой. Через пару месяцев на стол Михоэлсу ложится первое действие «Отцовского виноградаря». Он уже видит себя Гедальей, а Зускина – Менаше и обещает связаться с автором сразу по возвращении из Минска. А утром 14 января в дверь Полянкера стучится Давид Гофштейн. Держась за стену, падает в кресло со словами: «Михоэлс мертв... В Минске... Под колесами автомобиля».

Не все в этой огромной книге продумано. Эпизоды еврейской истории в изложении составителя выглядят порой наивно, а иногда просто противоречат фактам. В одном абзаце автор поспешил удивиться тому, что Австрия «едва ли не единственная страна, где подвергают судебному преследованию за отрицание Холокоста» (таких стран больше десятка), заявить, что Холокост начался в Киеве, а через несколько страниц рассказать о «крупнейшем литературоведе» Шимоне Дубнове. Простительно? Пожалуй. Не энциклопедический же это словарь, все здесь «личное, слишком личное». И память, и чувства, и выводы. Один из которых бесспорен. Полянкер действительно стал «той солью, которой была приправлена еврейская каша». И с его уходом блюдо это приобрело иной вкус...

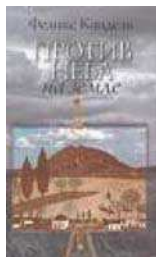
І євїєє Аїєїї

Давай останемся в детстве

Феликс Кандель

Против неба на земле

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2008. – 288 с.

Феликс Кандель любит пряности и драгоценные камни, за имена их духовитые да пересветные. Он чудотворец, из числа мастеров-ювелиров – от Лескова до Личутина и ревностных охранителей русского языка – от Владимира Даля до Норы Галь. Собирает свое сокровище по крупичкам («единого слова ради...»), спасает от забвения, от серой будничной пыли, радуется каждому слову как родному. Да они и впрямь обретают дом, ложатся как влитые в строчки, блестят влажным медовым золотом.

Недаром, не в пример многим нынешним фастфудным книгам, последний роман писателя, «Против неба на земле», создавался с 2002 по 2008-й. И вышел светлой кружевной сказкой, от самого заглавия – напомним о «Коньке-Горбунке». Правда, у Ершова воздушное, но строгое тире («против неба – на земле») разделяет миры. У Канделя они проникнуты друг другом, как горе – радостью, боль – благодарностью.

Вьется речь, вьется история, и лейтмотивом – недописанная книга о смутном времени: все времена смутные, всякому поколению свое чудо и свое лихо. История еврейского рода Шпильманов продолжается в современном Израиле, а с ней длится и сказка. Разумные говорящие звери и райский цветок ташлиль, пустынные библейские миражи и новый фольклор – посмертный звонок любимым с неба. Ничего по сути не меняется, и та же каменная плита из давнего прошлого ложится на плечи, становится последней наградой и искуплением – за всех, изверившихся и ненавидящих, – тебе далеко идти, странник.

«Давай останемся в детстве», – просит герой молодую жену. Самому Канделю удалось сохранить чистоту и свободу, чуткость ко всякой лжи и веру в чудеса. Передать персонажам, чтобы растили внуков, тормозили фантазию, вновь и вновь веселили сердца нескончаемым пуримшилом (еще один лейтмотив романа). Таков и главный герой второй, современной части: сухой и легкий, безмянный Шпильман – воплощение всего рода. Призвание его – возвращать взрослых, усталых, побитых жизнью туда, «где одежды на вырост, заботы на выброс, где ластаня нестрашные звери, к ночи нашептываются сказки, где босиком по траве – не уколешься, с разгона на бугор – не запыхаешься, с разбега в глубины – не наплаваешься». Хоть на минуту. На улыбку.

За это слово, за сказку эту многое Канделю прощается: и бесплотно-идеальные женщины, и – нарочито? – литературные диалоги, и дидактическая концовка. И полуисповедь авторского alter ego, Шпильманова родича-двойника, писателя, в которой

нет-нет да и послышится горькая похвала самому себе. Сказка она и есть сказка, пусть и с несчастливым концом. И хочется в нее верить. До слез.

Àèèà Nîèîî àí èî

**Семен Чарный. Ксенофобия и нетерпимость в современной России и за рубежом.
Мониторинг и анализ**

М.: Akademia, 2008. – 192 с.

Одна из основных тем этой книги – проблема миграции и мигрантофобии, т. е. атмосферы недоброжелательности и враждебности к временным рабочим и переселенцам из сопредельных с Россией стран. Отдельная глава посвящена антисемитизму в современной России. Автор приводит данные опроса ВЦИОМ, согласно которым 28% не хотят, чтобы членом их семьи стал еврей, 27% не хотелось бы работать рядом с евреями, 35% опрошенных претит трудиться под началом еврея, и, наконец, почти половине респондентов не понравилось бы иметь еврея президентом страны. В книге анализируется антисемитская пропаганда, включая героизацию нацистов и отрицание Холокоста, чем, наряду с откровенными фашистами и черносотенцами, не брезгают и представители ряда «левых» организаций. Весьма информативной является и заключительная глава – о ксенофобии в странах СНГ, Евросоюза и США. Сравнение ситуации в этих странах с положением в России позволяет избежать упрощенных выводов.

Миля Штивельман. Каблан, маньяк, шнорер и др.

Израиль, 2006. – 316 с.

К сожалению, израильские русскоязычные издания выходят мизерными тиражами и практически не попадают в Россию. Поэтому отзыв о работе реховотского лингвиста Миля Штивельмана появляется в «Лехаиме» через несколько лет после выхода книги и, увы, через полгода после смерти автора. Это нечто среднее между словарем и монографией, где зафиксированы и осмыслены лексические единицы, в 1990–2000-х годах перешедшие из иврита в язык новых израильтян – выходцев из России. Наличие израильского «диалекта» русского языка давно отмечалось журналистами и специалистами, был даже придуман специальный термин – «русит». Исследование Штивельмана позволяет взглянуть на это явление более системно. Самая простая группа заимствований – слова, которые отражают реалии израильской жизни и аналогов которым в русском языке просто нет либо они малоупотребительны. Так вошли в «русит» алия, хареди, милуим и др. Столь же понятным является наличие в речи русских израильтян ивритских наименований бытовых приборов – мало кто скажет «кондиционер», а не «мазган». Куда любопытнее наблюдать за знакомыми словами, приобретающими под влиянием иврита (часто – ивритского сленга) новые значения, как «астронавт» («человек, оторвавшийся от реальности, мечтатель») или «маньяк» («ловкач, проныра» – с ударением на первом слоге и с положительной оценкой).

Î àà àíîî òààèÿî è ðààî òààè Àèèòîð Àààààèèè, Î èðàèè Î àéèîà

ВЕСТНИК

עַיִן אֶל אֲחֵי עִירָא

В конце 2008 года в зале ГТГ в Толмачевском переулке прошла выставка графического наследия Михаила Шварцмана.

Рассказывают, что на открытии своей первой персональной выставки в Третьяковской галерее в 1994 году Шварцман произнес, обращаясь к зрителям, пришедшим на вернисаж: «Приглашаю вас в третье тысячелетие!» Он не шутил и не кокетничал. Он и вправду был из тех, кто считал тысячелетие вполне нормальной мерой времени. Проблема в том, что для самого Михаила Матвеевича найти подходящий метр в небесной канцелярии мер и весов сложнее.

М. Шварцман. Иература надежд.
1978–1987 годы

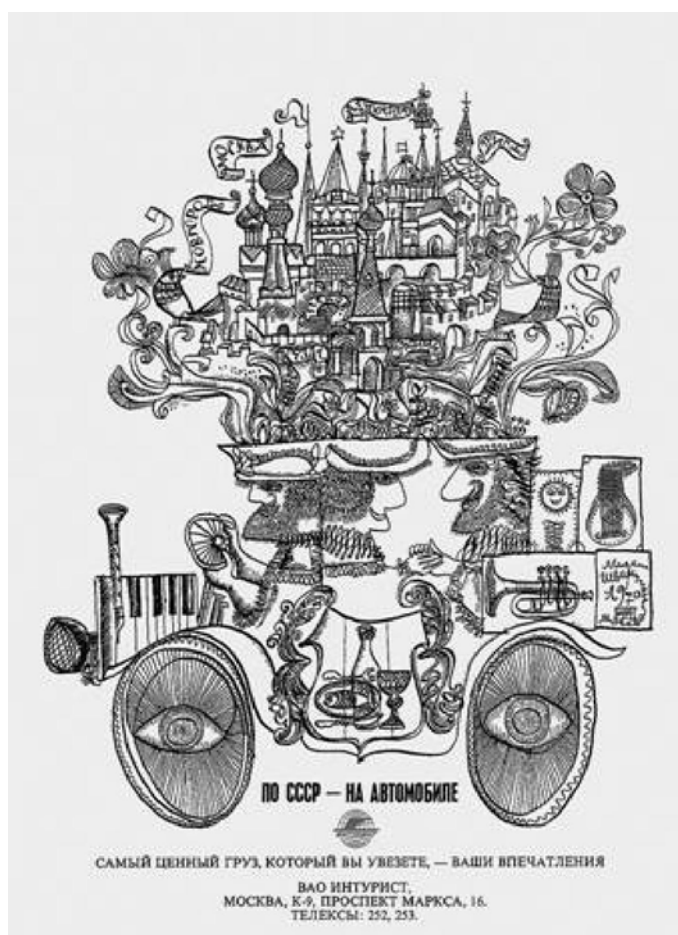
Сам себе иерат

Нет, можно, конечно, сказать, что Шварцман (1926–1997) – одна из легендарных фигур неофициальной художественной жизни 1960–1980-х. Затворник, долгие годы он отказывался выставлять свои работы, показывая их избранным в мастерской. Но сам Шварцман к делению на официальное и неофициальное искусство

относился весьма скептически, относя его появление к позднейшим выдумкам искусствоведов. Опять же, среди художников «другого искусства» он стоял на особицу, не вписываясь ни в круг «лианозовской школы», ни тем более в соц-арт. Был равнодушен и к поискам концептуалистов. Как он заметил в интервью 1987 года, «мое отношение к этим художникам лежало на линии почтения, а не любви». Впрочем, в его записях можно обнаружить и не столь корректные высказывания: «Я против интеллектуализма, возведенного в религию. Я за святое ремесло, за все “устаревшие” средневековые ценности, за пресуществление материала в сакральной практике дела. Меня непрерывно тошнит от бесплодного концептуализма, от болтунов-интеллектуалов...» Надо признать, что интеллектуалы не оставались в долгу и со свойственной им иронией именовали духовные поиски не только Шварцмана «духовкой» и «нетленкой».

Шварцман видел в искусстве прежде всего сакральную миссию, художник соответственно оказывался жрецом. «Живопись вновь становится служением, а не кесаревой службой. Живопись – акт теургический», – писал он. Причем он не имел в виду культ прекрасного. Строго говоря, речь вообще шла не об эстетике. «Не будь нудным, не будь постным, будь весел, добр и артистичен (даже и в деле). Вкусы, эстетство оставь портным», – заметит он однажды. По сути, разговор шел ни много ни мало об общении с Б-гом напрямую, словно в библейские времена. Живопись, сам процесс рисования и писания рассматривались как способ общения с Создателем. «Истекающее из пальцев каленое счастье цвета и продолжением пальцев-линий творящее след видения, эту благодатную муку желаю вкушать я до смерти, до последнего моего часа. Не лишай меня, Г-споди, этого разговора с тобой!» – вот о чем была его страстная молитва.

Но временами казалось, что и этот масштаб – пророка – для Шварцмана мал. По крайней мере, он изобретает не только названия для своих загадочных картин – «иературы», но и для себя – «иерат». В основе термина – древнегреческое *hieros*, «священный». Впрочем, художник подчеркивает «нездешнее» происхождение этих слов. «Я иерат – термин явился мне в видении, – пишет Шварцман. – Я иерат – тот, чрез кого идет вселенский знакопоток. Знаменую молчаливое имя – Знак Духа Г-сподня. <...> Иература рождается экстатически. Знамена мистического опыта явлены народным сознанием, прапамятью, прасознанием. Созидаю новый невербальный язык третьего тысячелетия. Пока я, иерат, не родился в смерть, говорю вслух: “Язык третьего тысячелетия сформирован и увенчан актами иератур”». Очевидно, что свою роль он рассматривал как мессианскую. Более того, мессия продолжает дело демиурга. «Рисовать иера – значит давать имена творениям Б-жым, как заповедано, ибо миротворение продолжается», – скажет он.

**М. Шварцман. Рекламный плакат
для журнала «Советский экспорт». 1966–1970 годы**

Нигде, кроме как в Легкопроме

Понятно, что должности «иерата», как и пророка, не говоря уж о мессии, в советской табели о рангах предусмотрено не было. И Михаил Матвеевич почти двадцать лет – с 1966-го по 1985-й – работал главным художником Специального художественно-конструкторского бюро (СХКБ) Легкопрома. Художественное КБ (слово «дизайн» тогда было не в ходу) разрабатывало фирменные знаки, логотипы, лейблы, ценники для советских швейных, обувных, шляпных фабрик и домов моделей. Иначе говоря, создавало «фирменный стиль» для отечественных производителей. Спектр его клиентов был широк: от известных столичных швейных объединений до Урюпинской трикотажной фабрики. Михаил Шварцман, который был монументалистом по образованию в Строгановке (между прочим, МИФИ, наверное, до сих пор украшает панно из цемента и смальты, сделанное им вместе с Григорием Дауманом в 1963 году) и живописцем по призванию, появился в СХКБ благодаря модельеру, членкорю Академии художеств Алле Левашовой, графику Нине Беус и профессору Полиграфического института Воле Ляхову. Чтобы оценить радикальность решения Левашовой, надо вспомнить, что к середине 1960-х у Шварцмана уже сложилась репутация отшельника, философа, правда много подрабатывающего плакатами и графической рекламой. Художник принял предложение с восторгом. Как вспоминает Беус, он перезвонил через день: «Я понял: в меня вас кинул Г-сподь. Вам надо помочь. Я буду работать». Единственным его условием было присутствие на работе не больше двух дней в неделю. Так «иератическая концепция» Шварцмана стала служить делу социалистической моды.

Шварцман никогда не относился к работе в СХКБ как к «халтуре». Он оказался отличным организатором, выпестовал целую школу молодых художников, не похожих ни на питомцев Рерберга, ни на учеников Фаворского, ни на американских дизайнеров. «Он растил нас, будто средневековых мастеров. Любил повторять слова “ремесло”, “цех”, “соборность”. Научил нас рассматривать клейма на фарфоре и металле, полюбить гербы, металлические решетки, гобелены. Заразил нас любовью к старой мебели, гравюрам, антиквариату. На работу в бюро все приходили с радостью, так как каждая консультация превращалась в лекцию по истории культуры, искусства, философии, – вспоминала художница Елена Трофимова. – <...> Устраивался “мозговой штурм”, и все мы были его участниками. Техника печати тогда была примитивна, знаки часто печатались резиновыми штампами. А Михаил Матвеевич требовал до миллиметра выверять линии, “напрягать” кривые. “Подточи знак!” – любил он говорить».

В качестве «начальника» Шварцман не был менеджером, как сказали бы сейчас. Его подчиненные вспоминают, как поражало их в отделе Шварцмана «внимание к другой личности, даже не художника»; он «по-дружески и даже ласково общался с нами». Сохранилась фотография какого-то праздника 1967 года, где коллектив КБ расположился под созданными им знаками. Рубашки и блузки украшены широкими резными бумажными воротниками и такими же манжетами, на головах – самодельные широкополые шляпы, а у Шварцмана – аж бумажная корона. Между прочим, среди радостных художников можно обнаружить и молодую А. Пугачеву, у имени которой в скобках написано – «певица». Так что жизнь в КБ кипела.

И не только в рабочее время. Со Шварцманом молодые художники отправлялись к букинистам, и к антикварам, и в комиссионный на Преображенском рынке. Многие благодаря ему собрали хорошие библиотеки. Приходили и в гости к начальнику в коммуналку на станции Новая. Комната, где жил Шварцман с женой и дочкой, напоминала сказочную пещеру. Художница Ольга Вельчинская вспоминает о сюрреалистическом ощущении, которое оставляли эти визиты. «Входишь в унылый подъезд, поднимаешься по узкой и скучной лестнице, проходишь по тусклому коридору и попадаешь в волшебные покои, чертог. Персидский темно-красный ковер на стене, та самая (готическая вперемешку с ренессансной) мебель с Преображенского рынка, вписавшаяся в комнату естественно и органично <...> – волшебный мир, концентрат чудесного».

Благодаря рассказам молодых сотрудников СХКБ можно представить себе этапы работы Шварцмана над знаком. Причем, по-видимому, не только «легкопромским». Работа начиналась вовсе не с выбора букв или построения геометрических фигур. Вообще – не с концепции, а со «спонтанных почеркушек». Основой знака могло быть что угодно – шляпа, дерево, животное, лицо, но следующим было непременно освобождение от излишней конкретности. Шварцман считал, что знак не должен рождать прямой ассоциации с товаром. Но он должен был запоминаться. Поэтому за первым этапом – «почеркушками» – следовал выбор метафорически-образной формы. А затем вырабатывалась «духовная структура» – собственно знак. Таким образом, как писала Лиза Плавинская в статье к выставке в Музее архитектуры, «иерархия ценностей складывалась снизу вверх: дизайнерский знак – смысловой знак – “иератический”».

Понятно, что от товарного знака до мистической «иературы» – дистанция огромного размера, тем не менее общность очевидна. На нее указывает художница Ирина Мудрова: «Не ракурсы, не прямая перспектива, не однозначность, но фронтальность, симметрия, контрапост».

М. Шварцман. Давид. 1970 год

«Эти знаки – молчаливый псалом...»

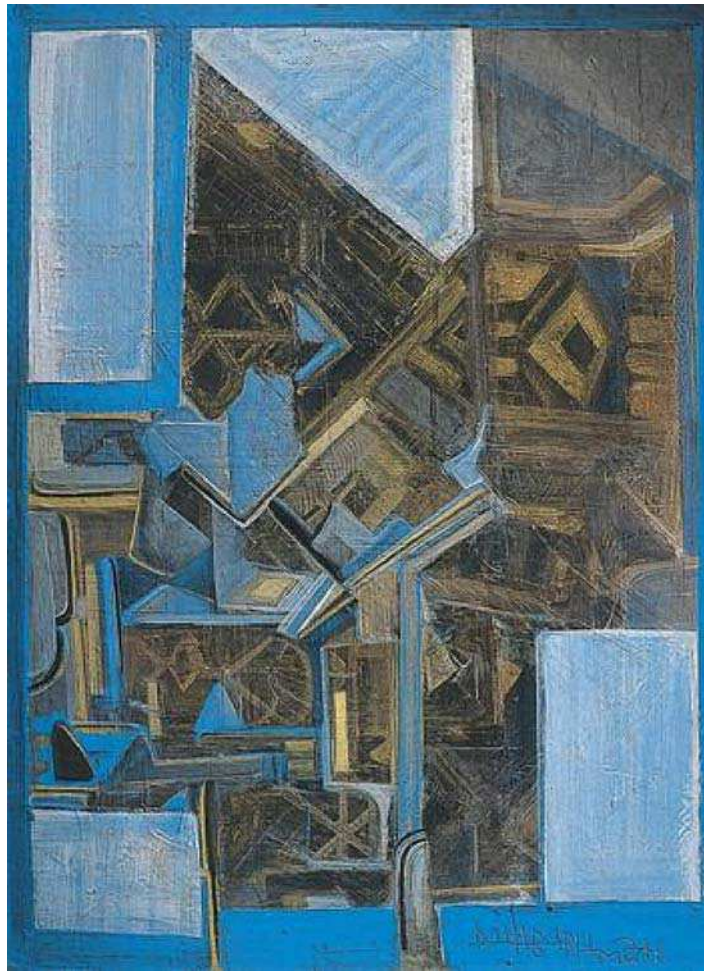
Но если со значением товарных знаков проблем не возникало, то с иературами все гораздо сложнее. Илья Кабаков в воспоминаниях о 60–70-х рассказывает о споре, приключившемся между Михаилом Шварцманом и религиозным философом Евгением Шифферсом. «Если эти персонажи, которые ты изображаешь, святые и известны в христианских изображениях, то дай им “имя”, скажи, кто они, – говорил Шифферс. – Если же они неизвестны, то имеют уже другое происхождение». «А я свидетельствую об их подлинном, священном, высшем происхождении», – отвечал Шварцман. Спор тот, по-видимому, закончился ссорой.

Но дело не только в имени и в происхождении персонажей. В конце концов, не все «персоны» у Шварцмана безымянны. На выставке его графики в зале в Толмачах можно было увидеть рисунки тушью «Летающий Сион» (1975), «Давид» (1970), созданные примерно в то же время, когда состоялся спор с Шифферсом. А рядом с библейскими мотивами – шутивное приглашение Мите Федорову прийти «в наш цирк», где на спине чудесного животного – то ли ковчежек с занавесями, то ли фокусник с трубами; рисунки Дон-Кихота, а также Сани с птичьего рынка и грустной собаки по имени Дженни, у которой из девяти щенков остался только один. Вообще, показанная в Толмачах графика неожиданно за забралом «иерата» открывает художника, обожающего

цирк, Птичий рынок, детей и животных. Человека, для которого мимолетное замечание «я всегда думаю о детстве, когда рисую» выглядит совершенно естественным.

Впрочем, меньше всего работы Шварцмана напоминают детские рисунки или спонтанное рисование. Даже портрет обычного человека (например, «Сережи», 1972) на листе Шварцмана начинает обретать вдруг очертания и монументальность египетского сфинкса. Что уж говорить об изображении царя Давида, опирающегося на полукружья, исписанные изречениями? Его фигура похожа на статую и одновременно – иероглиф, вбирающий в себя текст псалмов... Многие иературы построены как симметричные развернутые изображения, напоминающие маски первобытных племен Северной Америки, Китая, Сибири, Новой Зеландии... Иначе говоря, художник охотно использует опыт архаических культур. Собственно, после поисков кубистов, интереса Пикассо к африканским маскам, после Гогена, воспевшего таитянский рай, увлечением архаикой трудно кого-то удивить.

Но случай Шварцмана все же несколько иной. Похоже, его интересовало искусство как «магический кристалл». Причем не в метафорическом, а буквальном смысле. В древних культурах считалось, что изображение может нести свойства изображаемого. Лицо и узор на нем, предмет и орнамент рассматривались как единое целое. Шварцман, который призывал учеников ценить поверхность, а свои картины приглашенным зрителям предлагал потрогать, видимо, стремился знаки иератур превратить в вещь. Не случайно о работе над живописным образом он говорит, словно речь идет о скульптуре: «...Образ (знак) уже присутствует под поверхностью бумаги или доски. Работа состоит как бы во взрезывании и внедрении во внутрь плоскости, изъясняя – освобождая образ...» Одновременно он упоминал, что понятие иературы тесно связано с отношением к опыту человека в жизни и к его опыту в смерти. В этом контексте «взрезывание», изъясняющее структуру, недвусмысленно перекликается со вскрытием. Тогда неслучайна неопределенность шварцманского знака-вещи, который готов был показаться предметом, чтобы тут же обернуться пространством. Эта странная штука описывается разве что сказочной формулой «то, не знаю что», пригодной для именования волшебного предмета.

М. Шварцман. Врата правды. 1989 год

Но нетрудно заметить, что загадочные многодельные иературы Шварцмана отличаются от магических предметов древних. Последние, кроме того что использовались в сакральных ритуалах, хранили традицию, память о тотеме-предке. В общем, родословную. Иначе говоря, были звеном не только магической, но и социальной коммуникации. Картины Шварцмана отсылают, как он писал, к «подлинной реальности», «мистическому знанию». Вероятно, можно сказать и по-другому – к опыту иррациональному, к опыту древних, ощущавших себя в единстве с природой и космосом. Для современных зрителей эта традиция утрачена. Тут уж о логичной коммуникации говорить не приходится – только об «узнавании». Об узнавании речи, язык которой принципиально не поддается дешифровке. «Откровение неизреченно. Знак – тайна недешифруема», – заявит художник. Неизреченность, таинственность и закрытость могут привлечь адептов будущей веры. Иначе говоря, обрыв коммуникации должен послужить ее возобновлению.

Окажется ли «молчаливый псалом» Шварцмана услышан зрителями будущего, покажет третье тысячелетие, которое уже наступило.

ПОДАРОК ОТ «НИКОЛЫ»

Алекс Рапопорт

Режиссер Рустем Абдрашев

Подарок Сталину

Казахстан, 2008

Российская премьера казахстанского фильма «Подарок Сталину» состоялась в конце ноября в Московском еврейском общинном центре. Выбор места для первого показа в Москве определили киносценарист Павел Финн и продюсер Алия Увальжанова. Вообще-то, у этого фильма не один, а целых три продюсера: со стороны России – Рустам Ибрагимбеков, со стороны Польши – Кшиштоф Занусси; играют в нем казахские и российские актеры, а также поляк Вальдемар Шчепняк, отдельные кадры сняты в Иерусалиме, помимо русской в фильме звучит казахская речь и еврейская молитва. Этот интернациональный коктейль возник не случайно.

Казахстан середины XX века был местом ссылки отдельных граждан, семей репрессированных и целых народов, заподозренных режимом в неблагонадежности. Сталинские репрессии и депортации, количественно не уступающие библейским пленениям и переселениям, сопровождались массовыми трагедиями и породили

множество драматических историй. Долгое время события тех лет пребывали «под спудом», хранились в семейной памяти и были достоянием только непосредственных участников и их близких. Но –«нет ничего тайного, что не стало бы явным», –одна из таких историй послужила основой для киносценария, первоначально озаглавленного П. Финном «Кипяток». «Это кипяток времени, в котором все мы варимся, – все, что людей объединяет и разъединяет...» — пояснил киносценарист в интервью «Лехаиму» заложенную в названии метафору. Помимо метафорического в фильме есть и реальный кипяток, его продают солдатам мальчишки-беспризорники, когда на Б-гом забытом полустанке останавливается очередной воинский эшелон.

История еврейского мальчика, потерявшего к 1949 году всех близких и спасенного путевым обходчиком Касымом (Нуржуман Ихтембаев), переплетена с судьбой ссыльного поляка Ежи (Вальдемар Шчепняк), уборщицы Верки (Екатерина Редникова), отбывшей заключение в лагере для «жен изменников родины», с историями других соседей по маленькому поселку в казахстанской степи. Большинству из них суждено умереть после первого атомного взрыва под Семипалатинском, приуроченного к семидесятилетию Сталина. Через много лет, пожилым человеком, главный герой (в эпизоде снялся писатель Давид Маркиш) приедет из Израиля на могилу Касыма и прочтет над ней кадиш.

Сдержанные, невероятно красивые пейзажи этого края – и по контрасту –скудный послевоенный быт казахов и ссыльных, запечатленные оператором Хасаном Кадыралиевым, придают эпичность фильму. Каждый кадр композиционно выстроен, по-видимому, сказала первая профессия режиссера – театральный художник. Лучший актер в картине, безусловно, Нуржуман Ихтембаев, его герой, изуродованный на фронте, но не озлобившийся, способный на сострадание обходчик Касым –подлинный, без кавычек, человек из народа, синтез мудрости и простоты.

На фильм возложены большие надежды, он призван вернуть интерес к казахстанскому кинематографу и вывести его на международный уровень. Мировой премьерой «Подарка Сталину» открылся 13 Пусанский МКФ (Южная Корея), престижный азиатский кинофорум; черновой вариант фильма был показан на Берлинском фестивале и в Каннах, фильм побывал также на XI Евразийском телефоруме в Москве.

Следует сказать, что стремление сделать одновременно фильм категории А и народное «кино для всех» сослужило авторам фильма плохую службу. Драма постепенно сбивается на мелодраму, и мелодраматизм зашкаливает, захлестывает, буквально затопляет своими волнами. Герои картины резко поделены на плохих и хороших, на негодяев и страдальцев, первых следует ненавидеть, вторых – жалеть, обливаясь слезами, и это половодье чувств напоминает Латинскую Америку больше, чем Среднюю Азию.

Но, судя по отзывам на блогах, большинство зрителей ничего не имеет против такой слезоточивой продукции, так что сравнительно небольшой бюджет в 2 млн долларов дистрибьюторская компания «NIKOLA-FILM INTERNATIONAL» легко отобьет.

КРАСОТА ПО-ЕВРЕЙСКО-ФРАНЦУЗСКИ

À la recherche de l'innocence

Режиссер Клод Миллер

Семейная тайна

Франция, 2007

1955 год, Париж. Мальчик Франсуа мерзнет на пляже. Не любит плавать, не играет с другими детьми. Ни одного раза не может подтянуться на кольцах. Ловит на себе раздраженные взгляды отца и жалостливые – матери. Они-то оба спортсмены. Прыжки с вышки и вольная борьба. Спортивная гимнастика и теннис. Красивые мускулистые физкультурники. А их сын – хил и тщедушен. Угловатые колени, выпирающие кости, тонкие слабые руки. Франсуа выдумывает себе старшего брата, сильного и отважного, который умеет все то, чего не умеет он сам.

1962 год. Франсуа вырастает в нескладного и угрюмого подростка. Лишь однажды ему удастся заслужить одобрительную улыбку родителя – когда он с кулаками бросается на одноклассника, отпустившего антисемитскую шутку во время просмотра холокостной хроники. Франсуа, конечно, еврейский мальчик. Обрезанный, а впоследствии и крещенный, втайне от бабушки. Ни о еврействе, ни о Холокосте родители с ним не говорят.

Но есть еще соседка и друг семьи – Луиза. И однажды Луиза не выдерживает и рассказывает мальчику, что у него таки был брат. По отцу. И у отца была другая жена, а у мамы – другой муж. Все евреи. Все погибли во время войны. Грустная семейная история.

Фильм снят по одноименному роману французского психоаналитика и писателя Филиппа Гримбера, которому пресса не устает расточать хвалы: «великолепный роман, читающийся с невероятной легкостью, но очень мощный и оставляющий в душе глубокий след» (Le Figaro). Честно говоря, роман этот ничего нового нам не говорит и ничего особенного собой не представляет. Без диалогов, бесформенный и безжизненный, он к тому же трудно экранизируем, но так удачно сложилось, что история детства,

рассказанная Гримбером, совпала с историей детства режиссера Клода Миллера, ученика Трюффо:

Этот сюжет очень сильно заинтересовал меня. <...> В моей семье мало кто выжил: большинство моих дядей, тетей, дедушек и бабушек не вернулись из концлагерей. Еще когда я был подростком, меня потрясла эта ужасная история. <...> Мой отец, как герой фильма Максим, упрекал меня в физической лености, потому что я предпочитал утыкать свой нос в книги! Он боялся, что из меня выйдет одна из тех овец, которые без сопротивления позволяют вести себя на бойню. <...> После войны он сказал мне: просто забудь, что ты – еврей.

И Клод Миллер снял фильм, и фильм получился хорош.

Неторопливое французское кино с красивыми актерами: героем-любовником (Патрик Брюэль), пловчихой-манекенщицей (Сесиль де Франс), нервическо-трагической леди (Людивин Санье) и аккуратно подобранными мальчиками, играющими главного героя в детстве и юношестве. С крупными планами и сочными пейзажами, с блестяще отыгранным эротическим напряжением и уютным бытом в тщательно подобранных костюмах и декорациях. С визуальными и звуковыми внутренними рифмами: отражения и тени, покашливания и всплески воды, повторяющиеся фразы и повторяющиеся сцены. Эпизоды прошлого сняты в цвете, эпизоды настоящего – ч/б. Продуманная эстетика и саундтрек Збигнева Прейснера для полноты счастья.

Есть в этой картине и своя идеология, даже морализаторство. Речь здесь, в сущности, о перепреодолении еврейского стереотипического поведения, еврейской аксиологии и еврейской психологии: традиционности, духовности и виктимности. О поколенческом чередовании установок: духовное – физическое – духовное, – и не приходится сомневаться, какой путь поддерживают создатели фильма.

Нам показывают три поколения французских евреев. Традиционные дедушки и бабушки, для которых желтая звезда стала знаком отличия, а ее ношение в оккупированном Париже подкрепляло их общность, обнаруживая национальную принадлежность, до того многими старательно скрываемую от внешнего мира.

Поколение родителей, особенно отец мальчика, не желающий носить желтую звезду и вообще признавать, что он еврей. Адепт культа тела и культа спорта, он с завистью смотрит на гитлеровские парады и хочет вырастить сына чемпионом: еврей – чемпион мира, то-то мы утрем Гитлеру нос! Такова же и его вторая жена – спортсменка и модель, а не, скажем, книгочейка и лавочница. Спортзал, бассейн, загар, массаж. У этих родителей нет эмоциональной близости с сыном. Им несвойственны душевные терзания. В старости, утерев здоровье и физическую привлекательность, они принимают решение покончить с собой.

А их сын Франсуа вырос в слегка фриковатого дядечку и – не вернулся в иудаизм, нет, но в отличие от своих родителей избрал традиционно еврейскую ориентацию на духовное, а не на телесное. Он занимается благородным делом – терапевтирует подростков-аутистов. И рождается у него дочка, а не сын. И он точно не собирается делать из нее чемпионку мира.

ПОПЫТКА ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Ааааа Аааа

Режиссер Валерий Тодоровский

Стиляги

Россия, 2008

Мама сказала: надо бы мне посмотреть новый фильм младшего Тодоровского. Стиляги, буги-вуги – это же моя молодость.

Молодость середины 50-х в одном фильме показана в диалектическом противостоянии жлобов – комсомольцев, одинаково одетых, одинаково думающих и шагающих плечом к плечу, и стилияг – чувачков и чувих, чья фрonda ни разу не идеологична и заключается исключительно в life-style: невозможных расцветок одежда, шузы на манке, щедрая косметика и поставленные клеем коки, праздные прогулки по «Бродвею» (ул. Кое-кого) и танцульки под джаз.

В центре картины – история одного юного жлоба, который по большой (первой) любви к чувихе перешел во вражеский лагерь, приобретя на черном рынке все необходимые аксессуары и более того – саксофон, заделался джазменом, был исключен из комсомола и под конец своего двухчасового жизнеописания продолжает хранить верность новоприобретенным идеалам, хотя существование его совсем не буги-вуги: не шибко любящая его жена, чужой ребенок, теща – истеричка и парработник, да еще друг и «крестный отец» по новой жизни приезжает из Штатов и заявляет, что на настоящем Бродвее их бы не поняли и, наверное, отправили бы в психушку. Иными словами, что стилиажничество – милая, но дурацкая придумка убогих советских комсомольцев, а на вожделенном Западе все занимаются делом и одеваются совсем как жлобы – разве что сукно подороже.

Зритель имеет удовольствие столь долго любоваться этой нехитрой историей, потому что фильм – мюзикл и наполовину состоит из песен, причем, поскольку у стилияг не было своей музыки – они слушали и играли западную, выбраны были хиты групп «Кино» и «Ноль», «Колибри» и «Наутилус Помпилиус». За исключением музыки перед

нами благонамеренная попытка познакомить молодежь с реалиями и трендами советской жизни 50-х. Эта задача выполняется и на сайте фильма, содержащем энциклопедические справки: про джаз, подпольную запись музыки на рентгеновских снимках («буги на костях»), комсомольские значки, автомобиль «Хадсон» и прочие артефакты старины глубоко. Культурологический тезаурус фильма пополняется и вечными темами: отношения родителей и детей, мальчиков и девочек, большинства и меньшинства. Не обошлось здесь и без еврейского вопроса. Лакримозный монолог доктора Стойтера, обращенный к сыну-стиляге, напоминает нам о таком немаловажном событии эпохи 50-х, как «дело врачей», и в то же время является образчиком стереотипической еврейской покорности, осторожности, если не сказать трусости, мнительности и, конечно, скорби, слегка скрашенной горькой иронией:

В стране, где нельзя даже громко чихнуть, чтобы не попасть под Уголовный кодекс, он «просто танцует»! В конце концов, статью за преклонение перед Западом никто не отменял. <...> У этого молодого человека приятная наружность работника НКВД. <...> Дядя Адольф сидел только потому, что у него политически неправильное имя. А тетю Фиру забрали, потому что она повесила портрет Сталина напротив туалета. Мне они вообще не смогли объяснить, из-за чего я сижу. И этих впечатлений мне хватит до конца моих дней.

В квартире Стойтеров у двери всегда стоит чемоданчик, в котором – «все, что нужно человеку в камере предварительного заключения». Нужно ли говорить, что этот чемоданчик Стойтеру-младшему пригодится. Потому что «еврейское счастье». И потому что еврейские родители всегда знают лучше.

Мама посмотрела фильм «Стиляги». До конца, правда, досмотреть не смогла. Нет, говорит, это не моя молодость – это чья-то другая молодость.

Фальшивая получилась энциклопедия. Из интервью режиссера Тодоровского мы узнаем, что энциклопедия, оказывается, и не планировалась:

Я категорически не хотел делать исторический фильм, потому что <...> сегодня это никому не интересно. Я не стремился к особенной правдоподобности. <...> Для меня уже неважно, какими были реальные комсомольцы. Важно, что это наша вечная тема: ходить строем с одинаковыми значками – или против всех и в зеленых носках.

Тезаурус-то был липовый, состоящий из одних условностей: условная крутая тачка, условная шикарная хата, условные евреи, условные 50-е, наконец, живущие под музыку 90-х. А все потому, что – решил Тодоровский – «каждый режиссер должен хоть раз в жизни сделать фильм, доступный всем без исключения».

Но если не энциклопедия, тогда зачем? Зачем столько зеленых носков и прочей дребедени? Про нонконформизм, любовь и предательство и конфликт поколений можно было снять гораздо короче, лучше и точнее. Пересмотрите «Завтра была война».

Это, кажется, тот случай, когда режиссер хорошо знал, что хотел сказать, и хотел он сказать вещи тонкие и правильные, да только стремление сделать кино легким, доступным и народным возобладало, и все тонкости и правильности растворились в этой тяготеющей мельтешащей эклектике, украшенной несколькими удачными музыкальными номерами.

ПРОГУЛКИ ПО ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛЬШЕ

РЕАЛЬНОСТЬ ВАРШАВСКИХ МИРАЖЕЙ

Àééòíðéÿ Î î:àéíáá

*Æéáòò íá òíéüéí á áíí áã, íí è áíáí ÿòè, á òðááéöèè, èñòíðèè, éóéüòóðá Á á
Ááðóááá ÿòí ááæíáá, ÷áí á éáéíí -ééáí áðááí ì ááòá íá ñáòá Èííáá òðááí í
ííááðèòü ÷òí ÿòíò ááðíá ñáááòááò.*

Малгожата Барановска. Варшава. Месяцы, годы, века (1997)

Современная Варшава – город-призрак, сохранивший лишь свое название и место на карте, свою историческую память, мартирологию и мифологию, но не улицы, не дома, не площади. Плоть довоенной Варшавы утрачена безвозвратно, ее нельзя просто увидеть из окна туристического автобуса или ощутить, прогуливаясь по улицам. Чтобы познать Варшаву, надо знать, иначе вообще ничего не увидишь. Путешествие по Варшаве – это путешествие не по земле, а по истории, литературе, живописи, куда старая Варшава перетекла, истекая кровью. Здесь больше, чем в какой-либо другой европейской столице, необходимо мобилизовать эрудицию и воображение, сквозь современный облик города прозревая прошлое – прочитанное у поэтов и мемуаристов, запечатленное художниками.

Улица Медовая в Варшаве. Каналетто. 1777 год

Одному из них сегодняшняя Варшава особо признательна – это венецианец Бернардо Беллотто по прозвищу Каналетто (1722–1780), который был придворным живописцем у последнего польского короля Станислава Августа Понятовского и оставил великолепные, детально прописанные виды Варшавы своего времени. И именно к ним

обращались варшавяне – архитекторы и искусствоведы, реставраторы и строители, просто горожане, работавшие добровольцами на разборке руин, – когда восстанавливали историческую часть своего разрушенного на 85% города. Стоит обратить внимание на размещенные кое-где на улицах Варшавы большие застекленные репродукции полотен Каналетто, которые позволяют сравнить давний образец и реальность, оценить мастерство реставраторов. Результат их поразительных усилий был отмечен специальным постановлением ЮНЕСКО. Этот отлитый в бронзе текст можно прочесть на брусчатке улицы Запечек, ведущей к площади Старого рынка: «Постановлением комитета по мировому наследию варшавский Старый город признан ценностью мировой культуры. ЮНЕСКО. Сентябрь, 1980».

Разумеется, варварское уничтожение коснулось не только «польской» Варшавы, но и – в еще большей степени – некогда самого большого еврейского города Европы – Варшавы еврейской, а идише Варше. В 1916 году евреи составляли здесь 44% населения, великий еврейский поэт Ицхак Каценельсон свидетельствовал: «Варшава, была ты полна евреями — как в Судный день синагога...»

О самодостаточности варшавской еврейской жизни, ее дистанцированности от внешнего мира мы читаем, например, у Исаака Башевиса Зингера: «Предки мои поселились в Польше за шесть или семь столетий до моего рождения, однако по-польски я знал лишь несколько слов. Мы жили в Варшаве на Крохмальной улице. Этот район Варшавы можно было бы назвать еврейским гетто, хотя на самом деле евреи <...> могли жить где угодно» («Шоша»). Спустя три десятка лет последняя фраза была резко переписана историей: этот район Варшавы был назван еврейским гетто отнюдь не в сослагательной модальности, а евреи уже не могли жить где угодно...

Некогда это был город, в котором учился, работал и издал свою знаменитую книгу «доктор Эсперанто» Людвик Заменхоф, где родился Осип Мандельштам, где начал широко публиковаться Ицхак-Лейбуш Перец, один из основоположников новой идишской литературы, где выступала «мать еврейского театра» Эстер-Рохл Каминьская, где блистал в литературных кабаре самый известный польский поэт Юлиан Тувим, автор манифеста «Мы, польские евреи...», где Ицик Мангер написал и издал свою «Книгу рая», которая успела выйти в 1939 году, буквально накануне превращения «рая» в «ад».

Пружная улица

Центром еврейской жизни с XVII века служила рыночная Гжибовская площадь. Вспомним, как реб Мешулам из зингеровской «Семьи Мускат» сказал об этом месте: «Земля обетованная, а?» – когда его «экипаж свернул на Гжибовскую площадь, и внезапно все изменилось. Теперь по тротуарам сновали евреи в лапсердаках и камилавках и еврейки в накинутых на голову поверх париков шляхах... Шум на улице стоял невообразимый. Уличные торговцы нараспев выкрикивали свой товар, <...> из дверей еврейских школ высыпали мальчишки», лежали коробки с талесами, тфилин, молитвенниками, ханукальными подсвечниками и амулетами для беременных, пачки газет на идише. Остановимся на Гжибовской площади и постараемся расслышать отголоски той бурной еврейской жизни, или шум массовой демонстрации 1904 года, организованной здесь Бундом в знак протеста против полицейского расстрела еврейских рабочих в Белостоке, или разговоры публики, выходящей из Еврейского театра, который теперь носит имя великой актрисы Эстер-Рохл Каминьской (1870–1925), а после войны возглавлялся ее дочерью Идой Каминьской (1899–1980).

На той же стороне площади, где стоит театр, можно увидеть сохранившиеся здания бывших еврейских магазинов, а на ее противоположной стороне – уцелевшую Пружную улицу с высокими домами конца позапрошлого века, которые заметно выделяются своим внушительным, хотя и обветшалым видом на фоне современной застройки, придавая миру еврейского квартала эффект подлинности. Сейчас на их фасадах развешаны фотографии давних жителей – здесь предполагается устроить своего рода скансен, воссоздающий облик и дух еврейского квартала. На этой улице жил некогда богатый купец Залман Ножик, который вместе со своей женой построил рядом с домом синагогу, вмещающую шестьсот человек, в эклектичном неоромантическом стиле. Завещая общине синагогу и средства на ее содержание, Залман написал: «Синагога должна пребывать на этом месте на вечные времена и всегда носить имена супругов Залмана и Ривки Ножик». И синагога сохранилась, и теперь она – единственная действующая синагога в Варшаве (ул. Твердая, 6).

Расположенная в западной части Варшавы, на границе двух миров – еврейского и христианского, Гжибовская площадь может рассказать внимательному

путешественнику о тесном соседстве двух конфессий. Напротив синагоги Ножиков над площадью возносится огромный костел Всех Святых. Раньше он стоял в окружении множества еврейских школ и синагог, располагавшихся на всех окрестных улицах: Твердой, Гнойной, Багно, Граничной, а на самой площади находились две действующие микве.

Не о религиозном соседстве, а о политическом сотрудничестве двух общин поведают нам другая площадь Варшавы, лежащая отнюдь не в еврейском квартале, а в самом центре столицы, перед королевским замком. Стоя на этой площади, мысленно перенесемся в 8 апреля 1861 года: патриотическая демонстрация, молодой католик в первом ряду несет крест, а когда он падает, сраженный пулей русских солдат, еврейский студент Михаэль Ланде подхватывает и высоко поднимает выпавший крест. Обе общины были потрясены и самим этим жестом, и тем, что Михаэль был тут же застрелен (всего погибло более ста человек), и это связало их тогда – чуть ли не буквально – кровными узами. В последовавшем восстании против российской власти приняли участие многие евреи, даже хасиды, принципиально воздерживавшиеся от участия в общественной жизни.

У Королевского замка

Мост над Холодной улицей. 1940 год

Эти поэтические названия улиц – Панская, Сенная, Скользкая, Твердая, Хмельная, Золотая – знакомы нам по литературе и трагической истории, истории их исчезновения. Неслышный аккомпанемент Каценельсона: «Нет больше улиц Железной, Крохмальной, Твардой – “ярмарка” завершилась».

Вот улица Холодная (Chłodna), известная по военным фотографиям: это над ней, над ее трамвайными путями, был перекинут деревянный мост, соединявший малое и большое гетто. Каценельсон: «Я убежал на мост Хлодной, ничего тебе не сказал тогда... В Малом гетто еще светило солнце, бродили коты и собаки». Уличную кладку и пути, хотя трамвая здесь больше нет, оставили как памятник. Идя по этой улице, вспомним, что в сохранившемся сецессионном доме (№ 20), так называемом «доме под часами», до конца 1941 года жил глава юденрата Варшавского гетто Адам Черняков, который предпочел самоубийство необходимости по приказу нацистов отправлять людей из гетто в газовые камеры. «Адам, ты выбрал яд, ты плохой еврей, коль решил покончить с собой: в час, когда убивают евреев – велико ли мужество убить себя, почтенный еврей?.. Ты принял яд. Умываешь руки. Сводишь счеты с судьбой? Ты завершил свой жизненный путь. Смысл великий в смерти твоей. Кто ж исполнит приказ убийц? Теперь уж не ты», – жестко написал о нем Каценельсон. А в доме № 15 до своей гибели в 1984 году жил христианский мученик, ксендз Ежи Попелюшко, зверски убитый спецслужбами за связь с «Солидарностью», антикоммунистическим профсоюзным движением.

Во двореке дома № 60 по Золотой (Złota) улице сохранилась часть стены уничтоженного гетто, есть памятная табличка и специальное место, чтобы поставить поминальную свечу. Надо отдать должное той бережности, с которой здесь относятся к исторической памяти, в том числе и еврейского народа. В современной Польше, где историческое чувство исключительно развито, принято считать, что история польского еврейства вписана в национальную историю и культуру и потому подлежит неукоснительному почитанию.

Жизнь современной варшавской еврейской общины, самой многочисленной в Польше, протекает в этом же квартале, рядом с синагогой Ножигов. Здесь находится

общинный центр, кошерный ресторан, офисы различных еврейских организаций и редакции немногих выходящих в Польше еврейских изданий, например журнала «Мидраш»; есть здесь и небольшой еврейский магазин с сувенирами и кошерными продуктами. А научная еврейская жизнь концентрируется вокруг Еврейского исторического института им. Эммануэля Рингельблюма: здесь собраны и хранятся богатые архивы, работает научно-исследовательский коллектив, открыта библиотека, книжный магазин и постоянные экспозиции, отражающие историю и культуру польских евреев и события Холокоста.

Институт расположен в бывшем здании Главной еврейской библиотеки при Большой синагоге на улице Тломацке (д. № 3/5), которая до войны была значительно больше, чем сейчас. Чтобы представить себе ее прежний размер, посмотрите на проезжую часть Аллеи Солидарности у Банковской площади: старая улица Тломацке шла еще дальше того места, где стоит не тронутое историческими катаклизмами круглое строение XVIII века – теперь его назначение не вполне понятно, но старым варшавянам, прозвавшим его «Толстой Катькой», оно служило колодцем. Самой Большой («прогрессивной») синагоге на Тломацке, построенной в 1870-х и вмещавшей три тысячи человек, не было суждено такое долголетие: немцы взорвали ее в мае 1943-го в честь разгрома восставшего гетто. Теперь на ее месте возвышается безликий «голубой небоскреб», каких много в больших городах мира. Его, правда, отличает одно мистическое обстоятельство: небоскреб никак не удавалось достроить – эта стройка века продолжалась 30 лет, поскольку, согласно варшавской легенде, возведению небоскреба на месте уничтоженной синагоги препятствовало раввинское проклятие.

Идя на север в сторону еврейского района Муранов с его знаменитыми улицами – Милая (Каценельсон: «В Варшаве улица есть, улица Мила. Вырвите из клеток грудных сердца, вложите в них камни, из черепа вырвите белки плачущих глаз, ничего вы не видели, ничего не слышали, дух жизни сотрите с лица, уши заткните, чтоб стать глухими! Об улице Мила начинаю рассказ»), Генся, Налевки, – некогда густо заселенными, полными еврейских лавок и мастерских ремесленников, мы дойдем до того страшного места, которое никогда не называют «перевалочным пунктом» или «местом пересадки», но всегда используют только, так сказать, язык оригинала: Umschlagplatz. Отсюда отправили на смерть 300 тыс. варшавских евреев. В память об этом здесь возведен мемориал. Поскольку такое количество фамилий разместить не представлялось возможным, решили оставить лишь имена – их там 350: Авраам, Борух, Хана и т. д. И здесь не могут не прийти на память строки об этом месте из «Сказания об убиенном еврейском народе» Каценельсона:

Ī ò Ī ĩâĕĕĭĭĕ òâ:âò ĭĭòĭĕ,

Āĕĕâââòĭĭ Ā ōĕĕöó Çâĭ âĭ ôĭ ô:

ĕ ĭ âðĭĭ ó âĭĕçâĕâ

Dûââĭĕÿ ãðĕĭ äóøâò.

Æáò ããíú í óñòúá - í óòüèõ í á ò àé óæ

ããèãé,

Çãò ðà áí í ãí ããí óòíÿ í óñòúí è...

Ãæèèèè óæ àñ í áíÿ í ðãàòèè, ñò ðãò í áíÿ

ñ í ãñ ò à ãí è ò,

Ãí ò í í è çããí — ããí ú! Ããí óèèñí -

ðãñèðú ò ú í ãñ ò æéí

Õí èüèí ã: ãðà óããèè è ãí ò óæ ããí óèèñí

ñ ò íÿ ò í á «Õí óèãã» - ãðçíãí í ãððí í á

Õè ù í í ðãçé í óá ó è ðí è á æããí ú á í ãñ è!..

...Èè óü í áããí í ñ ò íÿ èè, áè ò èí í í à è ò ú á

ãí óãóüÿ,

Ñ ò íÿ èè á í è ò í ãð ò ãí á è æ è ãí á í ãð ò ãí é

é æ è ãí ó í ð è í è é,

Ñ ò íÿ èè ãí è í ò í ó ð, í í í á í í ã è ò í ãñ ò ú

æ è ãí á è í ãð ò ãí á á ó è,

Í í íÿ ò ú í æüÿ áüèí, è ò í í ãð ò ãí é,

è ò í æ è ãí é, ãñí è çí óãã è è á è ð è...

Èüã í ãñ ãçò? È ò í ò àí ÷ è ò ãã ò «Ã è ä ó è»

ãñ è ó á ÿ ò í ñ ñ ãð ò í ñ ñ óèüá? Í í ã ò í ðÿ è ò á ç à í è í è à é í á è í: Ã-ñ í á è, ó è ð á í è!..

Ãããí ú! Ãí í ò è á ç à í á è ò ú á ü è è á ü -

í óñ ò ú í è ããí óèèñí, ãããí ú!

Ããã áü í ñ ò ãã è è è ò, ããðãã? × ò í ñ í è í è

ñ ò à è í ñí!

Ããÿ ò è è ò ú ñ ÷ áü í í ãñ í ò è è è, è ãí ò áü

áí í ãí ó í ãððí í á!

Ἐστὶν αὖτὸ ἐξ ἐπιπέδου ἀσπίς; Ἴδετὸ ἐδῆ ἐοῶσα

ὁ ἀείων..

(Ἴσθ' ἢ ἐξ ἐσοῦ Ἀ. Ἀπόλλων)

Именно здесь знакомый полицейский вырвал из очереди на погрузку в вагоны Владислава Шпильмана, по чьей автобиографической книге «Пианист» Роман Полански снял свой знаменитый одноименный фильм.

Отсюда по улице Заменхофа (она так называлась еще до войны) можно пройти Дорогой Памяти мученичества и борьбы евреев, вдоль ансамбля ритмично расставленных на территории бывшего гетто черных каменных глыб, мимо бункера на улице Милой, 18, в котором, окруженные нацистами, покончили жизнь самоубийством командир повстанцев Мордехай Анелевич и десятки его соратников по подпольной еврейской боевой организации в гетто.

В годовщину восстания, 19 апреля 1946 года, пережившие Холокост варшавские евреи поставили на руинах гетто, около его уже не существующих ворот, первый скромный мемориал из красного песчаника – «В память о тех, кто погиб в беспримерной и героической борьбе за достоинство и свободу еврейского народа, за свободную Польшу и освобождение человека». Еще через два года рядом был поставлен уже монументальный, совершенно затмевающий предыдущий 11-метровый памятник с рельефным изображением героев восстания в гетто на фасаде.

Недалеко отсюда расположено огромное (250 тыс. захоронений) еврейское кладбище на Окоповой улице, являющейся западной границей Муранова. В отличие от самого района, кладбище сохранилось. Среди прочих шедевров сепулькрального искусства поражает своей монументальной красотой охель Бера Зонненберга (1764–1822), богатейшего купца, прославившегося своей благотворительностью, давшего начало роду Бергсонов (среди его потомков и французский философ Анри Бергсон). Обрамленные колоннами стены охеля украшены барельефами, на одном из которых (южном) изображены реки Вавилонские и развешанные на деревьях музыкальные инструменты из 138-го псалма, на другом (северном) – Варшава. Здесь надо посетить могилы журналиста, математика и педагога Хаима-Зелига Слонимского, главного раввина Варшавы Дова-Бера Майзельса, издателя Самуэля Оргельбранда, писателей Ицхака-Лейбуша Переца и Якова Динезона, основоположника еврейской этнографии Семена Ан-ского, историка Майера Балабана и многих других, составлявших цвет восточноевропейского еврейства. На этом кладбище есть и символический памятник идущему в печи Треблинки доктору Янушу Корчаку с детьми.

Синагога Ножиков.

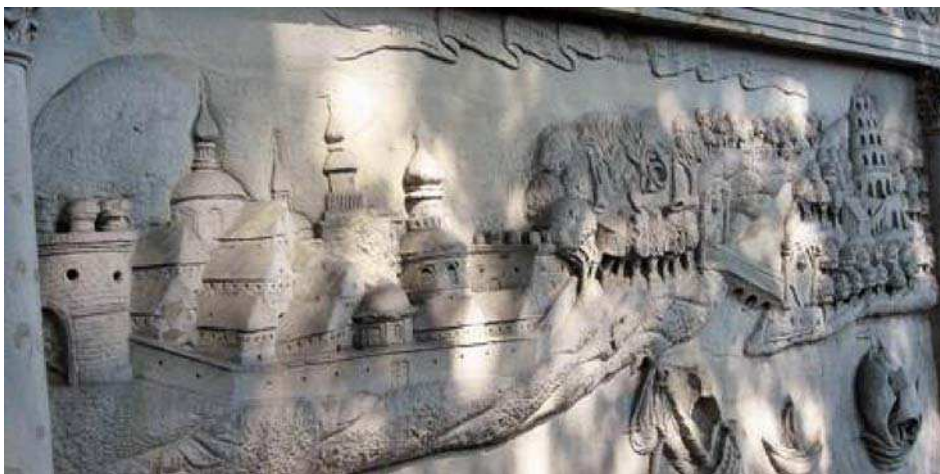

Синагога Ножиков до реставрации. 1970-е годы

В противоположной, восточной, части города, на правом берегу Вислы находится район, именуемый Прагой, где евреи начали селиться с XVIII века. Некогда два разных города, к концу XIX века Прага и Варшава были объединены, хотя до сих пор заметно различаются по своему характеру, атмосфере, облику. Длительное раздельное существование лево- и правобережной Варшавы отразилось и в ономастике: фамилии Варшавер и Прагер указывают, что их носители происходят из разных городов. Путешественник ощущает это отличие сразу, как только перейдет мост через Вислу. Роман Полански, снимая своего «Пианиста», нашел здесь живописный межвоенный городской пейзаж – и декораций строить не понадобилось. Дело в том, что Прага в отличие от Варшавы не была разрушена немцами, ведь именно здесь в 1944 году стояли советские части: не спеша на помощь польским повстанцам, они лишь наблюдали за гибелью города с пражского берега. Кому-то неоштукатуренные предвоенные дома чуть ли не со следами снарядов покажутся непривлекательными, но зато на них почил дух истории, и, бродя по улицам Праги, вы легко погружаетесь на глубину столетий.

Ярчайшая фигура этих мест – купец, банкир, поставщик королевского двора, меценат Шмуль Зонненберг по прозвищу Збытковер (1727–1802), живший в районе, название которого – Шмуловизна, или Шмульки, – до сих пор сохранилось в пражской топонимике и отмечено на городских картах (вблизи Кавенчинской и Радзиминской улиц). Он многое сделал для пражской общины, в частности, построил здесь деревянную синагогу. Потомки Шмуля Збытковера – уже упоминавшийся Бер Зонненберг и Михал Бергсон – продолжали семейную традицию благотворительности. На Ягеллонской улице (д. № 8) на Праге сохранилась замечательная стилизация ренессансной архитектуры – здание детского дома для еврейских сирот, в котором сейчас располагается кукольный театр, но на мемориальной доске можно прочесть: «Воспитательный дом варшавской еврейской общины им. Михала Бергсона».

В 1840 году главной на Праге стала построенная Бером Зонненбергом так называемая Круглая синагога в форме ротонды, нетипичной для европейских синагог. Ее разобрали в 1961 году, и сейчас на этом месте можно увидеть холм из ее останков (под землей сохранился фундамент) и подлинную ограду. Однако за восстановление этого ценнейшего архитектурного памятника Праги борются многие историки и архитекторы и даже муниципальные власти, находятся добровольцы-профессионалы, готовые выполнить архитектурный проект бесплатно, жители улицы, готовые собрать средства на строительство. Возможно, будущий путешественник сможет уже увидеть Круглую синагогу не на гравюрах, в чертежах или макете, а в реальности.

Охель Бера Зонненберга

Еврейская община сохранила благодарную память о помощи старшего Зонненберга во время «резни Праги» в 1794 году, когда войска Суворова жестоко подавили польское восстание, в котором принимал участие и еврейский полк под предводительством полковника Берека Йоселевича, соратника Костюшко. Погибло множество повстанцев, в том числе евреев, и во всех костелах и синагогах города день 4 ноября отмечался траурными службами вплоть до второй мировой войны, и лишь ее трагедии затмили эту. Збытковер укрывал повстанцев, выкупал захваченных детей, объявил о выплате вознаграждения каждому, кто принесет ему раненого, чтобы он мог позаботиться о нем, или убитого, которого он на свои средства хоронил по еврейскому обряду. Еще в 1780 году он выкупил у королевской казны землю в районе Брудно и основал там еврейское кладбище, где впоследствии и был похоронен (могила не сохранилась), как и его жена Юдифь, частая гостя при королевском дворе, и ученый, изобретатель первого калькулятора Авраам Штерн, и многие другие.

Это кладбище было разорено немцами (Эммануэль Рингельблум, хронист Варшавского гетто, писал: «Дьяволы не дают покоя даже покойникам»), многие мацевы вообще не сохранились – их использовали как строительный материал и во время оккупации, и в послевоенном польском строительстве, но в последние годы часть кладбища была восстановлена. В процессе реставрации кладбище окружили оградой, а по сторонам главных ворот водрузили монументальные барельефы: в память о его основателе (слева) и о жертвах Холокоста (справа). Изображение евреев, молящихся перед расстрелом, выполнено по воспоминаниям Сигизмунда Ниссенбаума, который мальчиком скрывался на этом кладбище: «Рядом с родными могилами, – написал он в своей книге, – мы чувствовали себя в относительной безопасности, хотя и там нередко ходили патрули, бывали полицейские облавы и происходили расстрелы. Именно там <...> я увидел вызывающую ужас сцену расстрела десяти человек во главе с раввином, несшим свиток Торы».

Однако этот главный вход со стороны улицы Св. Винцентия обычно закрыт, и, чтобы попасть на кладбище, надо дойти до калитки на улице Одровонжа или же искать дырку в ограде. Вид, который открывается проникшему на кладбище путешественнику (не сразу, ибо большая его часть похожа просто на заросший парк), заставляет предположить, что тут некогда произошел взрыв или землетрясение – мацевы поднялись в воздух и беспорядочно рухнули на землю. Эта драматическая живописность, или «эстетика ужаса», неоднократно привлекала внимание кинематографистов, и фрагменты кладбища на Брудно можно увидеть, например, в фильме К. Карабаша и В. Слесицкого «Там, где дьявол желает спокойной ночи» и в фильме Агнешки Холланд «Европа, Европа».

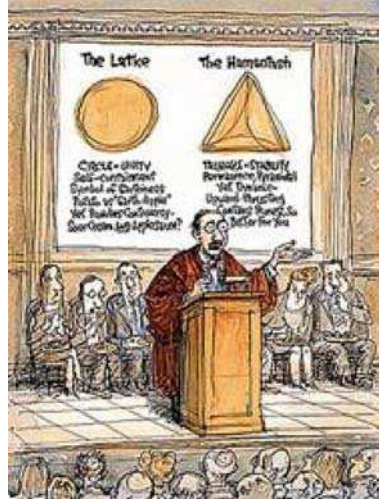
Еврейское кладбище в районе Прага

Мы бродим по правому и левому берегам Вислы, которая волей живущих здесь людей не превратилась в реку забвения, и это – главный урок, который можно вынести из нашего путешествия. Его выучили дети послевоенной Варшавы, стараясь передать свой экзистенциальный опыт другим. Одна из них – Малгожата Барановска пишет в своем «Мистическом дневнике» (1987): «Эта книжка – дневник мой и города. Всю жизнь я не делаю ничего иного, только пишу за него дневник, <...> дневник внутреннего опыта, опыта Варшавы во множестве ее эпох и слоев – слоев архитектуры, слоев памяти... Память – наиболее характерная черта этого города. Только благодаря ей он существует».

Поездка в сегодняшнюю Варшаву для еврейского путешественника – это не только туризм, не только познание новых мест, согласимся – всегда увлекательное, но и своего рода мицва: только благодаря усилию нашей памяти существует а идише Варше...

ОМЕНТАШН

Ī àðé Áòèì íâ

В недавно опубликованном издательством «Текст» романе Исаака Башевиса Зингера «Семья Мускат» содержится «кошерное меню», перечень блюд, которые готовили столетие назад на Пурим в домах состоятельных варшавских евреев: «Наоми и Маня с утра до ночи пекли пироги, пирожные, торты и штрудель, а также готовили традиционные праздничные блюда – куриные потрошки и оменташн. Натан читал вслух Книгу Есфири. Когда, ближе к вечеру, сели за стол, Роза-Фруметл зажгла две толстые свечи. Маня приспустила с потолка большую люстру и поднесла к фитилю спичку. <...> подали карпа в кисло-сладком соусе, мясные фрикадельки с изюмной подливкой и компот из абрикосов. На сладкое ели оменташн – треугольные пирожки с маковой начинкой, миндаль, грецкие орехи и варенье. Пили вино, вишневку и мед».

Слово «оменташн», оно же (в зависимости от диалектного произношения) «кументашн» или «хоменташн», появилось в среде ашкеназских евреев Восточной Европы и происходит от имени «Аман» и идишского «таш». Немецкое «таше» («ташен» – множественное число), помимо «карман», «сумка» имеет еще несколько значений и используется для словообразования; например, собирательное название блюд, обернутых в тесто, таких, как пельмени и вареники, по-немецки – «ташен». «Оменташн», буквально – «аманчики в тесте», которые полагалось есть в знак победы над коварным визирем Аманом, известным древнеперсидским юдофобом. Из-за треугольной формы в переводе на другие языки блюдо стали называть «ушки Амана», так в Израиле возникло ивритское «озней-аман». Печенье к Пуриму пекли в большинстве еврейских общин по всему миру, в Италии его называли «чамбелла ди Пурим», в Греции – «диплес», в Западной Европе бытовало название «мон пленц».

Весна традиционно считалась в древние времена началом года. Тора, как известно, называет началом года весенний месяц нисан. По-видимому, Пурим с его карнавалом впитал черты весенних празднеств, которыми отмечали начало года народы Персидской империи. Стремление раз в год устроить праздник, когда можно все перевернуть с ног на голову, свойственно человеческой природе. В Древней Греции – праздник Вакха, в Риме – Сатурналии. Европейская карнавальная культура возникла в раннем Средневековье, буйным цветом расцвела в эпоху Ренессанса, из Европы перекочевала в Латинскую Америку. В США роль такого праздника выполняет Хэллоуин, распространенный эмигрантами из Ирландии и зародившийся у кельтов в дохристианскую эпоху. Есть свой карнавал и у нас, он, как следует из «Мегилат Эстер», нагружен смыслами, которые постоянно актуальны для еврейского народа. А теперь рецепты.

Для теста: 4 стакана муки, 3 столовые ложки сахара, 4 столовые ложки растительного масла, 2 яйца, 40 г дрожжей, 1/2 чайной ложки соли, 1 стакан молока или кефира.

Влить в кастрюлю молоко или кефир, растворить дрожжи. Добавить горсть муки, чтобы получилось жидкое тесто, как для блинов, перемешать до исчезновения комков, поставить на 10 минут в тепло для брожения. Когда опара начнет оседать, добавить взбитые яйца, сахар, соль, оставшуюся муку, замесить. В конце добавить в тесто чуть разогретое масло. Кастрюлю с тестом накрыть, выдержать в тепле до 2,5 часов. Когда тесто перестанет расти, обмять его, выложить на обсыпанную мукой доску и раскатать толщиной до 5 мм. Разрезать на квадраты или вырезать кружки.

Оментаин с маком. 2 стакана мака, 1 стакан молока, 3/4 стакана меда, 1/2 стакана изюма, 3 столовые ложки измельченных грецких орехов, 1 яйцо. Мак промыть, обдать кипятком, высушить и пропустить через мясорубку либо растереть в ступке. Смешать в молоке мак, мед, изюм, орехи, поварить на слабом огне до загустения, выложить массу ровным слоем на увлажненную разделочную доску и охладить. По остывшей массе «пройтись» скалкой и разрезать на прямоугольники. Выложить начинку на тесто, сложить заготовки пополам и защипнуть края так, чтобы получились треугольники. Положите на противень, смазанный очищенным подсолнечным маслом, смажьте оментаин взбитым желтком и выпекайте в духовке при температуре 180–200 градусов 20–25 минут.

Оментаин с черносливом. Два стакана чернослива распарить в кипятке, мелко порубить, выложить на заготовки из теста, присыпать сахарной пудрой, сложить и

защипнуть треугольники. Более экзотический вариант – чернослив в этом рецепте заменить финиками. Выпекать так же, как и оменташн с маком.

В некоторых западноевропейских общинах существовал обычай начинять оменташн сливовым повидлом в память о спасении в середине XVIII века евреев Богемии, где несправедливо был обвинен еврейский торговец сливами.

Современный вариант – оменташн с шоколадом. На 9 квадратиков слоеного теста взять плитку (70 г) сладкого шоколада, разделить на части, выложить шоколад на середину каждого квадрата. Взбить в чашке один яичный желток и 2 столовые ложки сливок, смазать края квадратов этой смесью, сложить квадраты по диагонали и плотно прижать края. Выложить на противень, смазанный маслом, и поставить в холодильник на 20 минут. Вынув из холодильника, смазать треугольники смесью желтка и сливок и выпекать в духовке аналогично предыдущим вариантам.

Пурим – не только день веселья, но и взаимных подарков. Заповедь одаривать на Пурим угощением и тем самым укреплять социальные связи называется мишлоах манот. Оменташн и другие сладости принято дарить, приходя в гости, и посылать из дома в дом близким и друзьям.

АВИРАМ БРУХЬЯН – СЫН ИЕРУСАЛИМСКИЙ

У этого молодого человека есть все, чтобы в будущем стать большим футболистом, быть может, при определенном стечении обстоятельств – великим футболистом: дриблинг, удар с обеих ног, может играть по-разному, да разве только это... Он технически одарен настолько, что порой его техника владения мячом вызывает недоверие со стороны – уж не обман ли все это. В то же время Авирам совершенно не жаден до мяча, легко с ним расстается, прекрасно видит поле, предугадывает наперед развитие игры.

Чемпионат Европы по футболу 2006 года. Матч Франция – Израиль.

Авирам Брухьян (слева) против Лассана Диарра

Авирам родился в Иерусалиме, возможно, поэтому парень вне футбольного поля скромнее, ежедневно молится и пытается выполнять заповеди, а может, тут не только город играет роль, может, эта скромность еще и генетическая. Известный футболист Ури Мальмильян и отец Авирاما Брухьяна – родственники, двоюродные братья.

Тридцать три года назад семнадцатилетний Мальмильян, впервые вышедший в составе «Бейтара» на зимнее поле стадиона «ИМКА» в Иерусалиме, покорила сердца болельщиков мгновенно и навсегда.

Знаменитое поле этого не существующего ныне стадиона зимой было похоже на болото, летом – на каменный плац. В субботу Мальмильян пешком ходил на

домашнюю игру, потому что жил в квартале Мамилла, напротив Яффских ворот Старого города в Иерусалиме, в двухстах метрах от стадиона «ИМКА».

Помню на черно-белом экране телевизора худого юношу с челкой на лбу, помню его стремительные движения с мячом и без мяча. Мальмильян был одарен настолько, что даже остерегался (по столичным слухам) своего футбольного таланта. Говорят, ему предлагали играть за ведущие французские и итальянские клубы, сулили нешуточную карьеру, деньги и славу... Ури – в это сегодня трудно поверить – отвечал всем, что хочет жить и играть в Иерусалиме, и отказывался уезжать куда-либо. «Мне и здесь хорошо», – говорил он едва слышно.

Обожание Ури Мальмильяна жителями еврейской столицы, пожалуй, не имело границ. Ури явно стеснялся происхождения. На столичном рынке Махане Йеуда зеленщики кричали: «Каждый арбуз – Мальмильян!», «Каждый перец, ясный перец – это Ури Мальмильян!» Дети школьного возраста от первого класса до последнего носили, не снимая даже на ночь, футболки «Бейтара» желто-черного цвета с номером 8 – таков был номер Ури. Израильтяне, включая арабов, называли родившихся детей его именем, даже девочек называли Мальмильяна.

Тогдашний тренер сборной Израиля незабвенный Довид Швайцер (кличка Акула), который не слишком жаловал футболистов из Иерусалима («балованные примадонны», по его словам), пригласил Ури в команду, в которой тот повел стариков (Вики Перец, Гиора Шпигель, Ицхак Шум, Шрага Бар, Ицик Високер и др.) в бой за израильский футбол. Сборная пробилась в 1976 году на Олимпиаду в Монреале и выступила вполне прилично. С тех пор, на протяжении вот уже тридцати двух лет, наша команда на Олимпиаду не попадала, хотя и футбол явно стал сильнее, и игроки подросли, и деньги появились немалые. Но вот не могут попасть на Олимпиаду, и все тут, и ничего поделаться с этим нельзя. А с Ури и другими ребятами тогда попали.

У Мальмильяна был потрясающий крученный удар. Он исполнял все стандартные положения в команде, угловые, штрафные, пенальти. Мяч летел в одном направлении, а потом вдруг как бы передумывал и влетал в противоположный от вратаря угол. Как великий полузащитник сборной Бразилии Диди делал это в конце 1950-х – начале 1960-х годов. На трибунах было слышно, как бутса Ури касается упругого тела мяча... Точный звук этого прикосновения обещал только гол – и был только голом. Игру он читал как любимую песню Йорама Гаона – был такой певец в столице, славивший чистую любовь, еврейский десант, героя «Касабланы» и родную страну. В известном смысле Ури был музыкально и поэтически одаренным. Есть такие замечательные слова: «ликуют форвард на бегу». Мальмильян не был форвардом, но он ликовал на поле.

Так вот, как я уже говорил выше, мой герой, Авирам Брухьян, родственник этого самого Мальмильяна. Судьба его складывается пока не так блистательно, как судьба Ури. Хотя одарен Авирам, кажется, не меньше, чем его двоюродный дядя. Просто времена сейчас другие и футбол несколько иной. И деньги тоже создают не совсем благоприятный фон для этой игры. Большое финансовое искушение мешает играть только во имя игры.

Авирам Брухьян, игрок техничный, мягкий, изощренный, может потерять в эффективности, столкнувшись с мощными и быстрыми соперниками, как это было недавно в матче израильтян против сборной Кот-д'Ивуара. Но парень этот, выросший в «Бейтаре», на легендах и мифах родного клуба, со временем еще прибавит. Убеждает нас в этом ощущение полного властвования над мячом, ситуацией, коллегами, переполненным стадионом. Когда Авирам незаметным движением стопы прокидывает

мяч себе на ход по немыслимой траектории и продирается, буквально обдирая бока, между двумя рослыми и резкими защитниками, а затем делает голевую передачу партнеру или же бьет низом по воротам, кажется, что вот оно – искусство футбола в его высшем проявлении.

Матч Англия – Израиль. 1988 год. Питер Бирдслей и Ури Мальмильян (справа)

Ему двадцать три года. Отвечая на вопросы журналистов, Авирам, как-то совсем по-мальчишески стесняясь, смотрит в землю, да и говорит он тоже далеко не всегда уверенно. А ведь, казалось бы, за него борется легендарный «Аякс» вкупе с другими не менее именитыми европейскими клубами.

Откуда же такая скромность, спрашиваю я себя и вспоминаю, как опытный его дядя много лет назад отвечал на актуальный в Иерусалиме вопрос: «А кто Ури по происхождению? По, так сказать, “этнографии”». Разглядывая улицу Агрипас сквозь стекло восточного ресторанчика, кряхтя и отпивая анисовую, легендарный футболист задумчиво говорил: «Хаци курди, хаци парси». Что значило: «полукурд, полуперс» наш Ури. В смысле, еврей, но мама с папой из тех мест родом.

Авирам Брухьян, как и его дядя, родился в Иерусалиме. Я уверен, о своем происхождении он будет помнить точно так же, как Ури. «Бейтар», Иерусалим и солнце над ним... Разве такое забывается!

МАРТ

ÁíðeñBááëîá

2.ИИ.1859

150 лет назад недалеко от Киева, в Переяславе (Переяслав-Хмельницкий), родился Шолом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович), выдающийся еврейский писатель, классик еврейской литературы на идише, которую он сумел возвысить до лучших образцов мировой литературы конца XIX – начала XX века. Автора произведений, исполненных подлинного гуманизма, доброго юмора с симпатичной национальной «окраской» часто именовали «еврейским Марком Твенем». Однако при их личной встрече создатель «Тома Сойера» назвал себя «американским Шолом-Алейхемом». Осенью 1905 года, после ужасных еврейских погромов, писатель предпринял поездку с лекциями по Европе, но серьезное легочное заболевание вынудило его остановить это предприятие и поселиться с семьей сначала в Швейцарии, а затем в Германии, из которой он был выслан как российский подданный в 1914 году. С началом первой мировой войны он обосновался в США, но впоследствии несколько раз посещал Россию, где встречал самый теплый прием со стороны не склонных к юдофобству читателей и творческой интеллигенции. Шолом-Алейхем умер в 1916 году в Нью-Йорке. В последний путь писателя провожали свыше 300 тыс. его почитателей.

3.ИИ.1884

125 лет назад в дешевом роттердамском отеле, всадив себе в голову несколько пуль из револьвера, покончил с собой 50-летний Мойше Вильгельм Шапиро, польско-русский еврей, уроженец Каменец-Подольского (ныне Хмельницкая область Украины). С 1856 года он проживал в Иерусалиме и занимался антикварным бизнесом в области артефактов ветхозаветной эры. Не имевший специального образования, но искренне увлеченный своим ремеслом, Шапиро овладел немалым кругом соответствующих познаний. Годом ранее он объявил о великой научной сенсации: у

какого-то палестинского бедуина ему удалось купить 15 пергаментных полосок, найденных в пещерах Моавитских холмов на побережье Мертвого моря. Пергаменты содержали тексты из Пятой Книги Моисеевой – Второзакония и датировались IX веком до н. э., т. е. на 900 лет ранее самой старой из известных на то время версий. Была достигнута договоренность о приобретении уникального раритета Британским музеем за фантастическую сумму – 1 млн фунтов стерлингов. Однако в последний момент ученые эксперты, англичанин Дэвид Гинсбург и француз Шарль Симон Клермон-Ганно, сумели убедить британскую общественность в том, что речь идет о подделке. Решающую роль сыграли два аргумента: во-первых, эксперты считали невозможным, чтобы клочки пергамента за 3000 лет не сгнили; а во-вторых, напомнили о том, что в различные коллекции мира уже попадали фальшивки от господина Шапиро. Гордившийся своим антикварным открытием, в аутентичности которого он не сомневался, Шапиро не смог смириться с клеймом жулика и предпочел расстаться с жизнью. Его находка все же была продана – только не за миллион, а за один фунт стерлингов, – и вскоре концы ее затерялись. В заключении экспертов мало кто усомнился, особенно после того, как стало известно, что светила Лувра опростоволосились, приобретя за 200 тыс. франков золотую тиару (шлемообразный головной убор) скифского царя Сайтаферна, будто бы найденную при раскопках южнороссийских курганов, а на самом деле изготовленную в Одессе, в доме № 36 по Успенской улице, ювелиром-виртуозом Израилем Рахумовским. А в 1947 году мир библейской археологии был потрясен тем, что в пещерах на побережье Мертвого моря были обнаружены так называемые Кумранские свитки – неплохо сохранившиеся рукописи с текстами тематики раннего христианства. Правда, они были значительно «моложе» пергаментов Шапиро. И хотя сохранившаяся информация о шапировских находках крайне скудна, сегодня большинство специалистов уверено, что фальшивками они все же не были.

4. III. 1949

60 лет назад был отстранен от дел В.М. Молотов, второй после И.В. Сталина человек в советской партийно-государственной иерархии, с 1926 года член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком иностранных дел, председатель Комитета информации (КИ) при СМ СССР (недолго просуществовавший единый орган управления внешними разведками МГБ и ГРУ). Официально было сообщено, что Молотов освобожден от обязанностей министра иностранных дел (о КИ, конечно, ничего не говорилось), чтобы «сосредоточить свою деятельность на посту заместителя Председателя СМ СССР». На самом же деле опала Молотова, в которой тот находился до последних дней жизни «Хозяина», была связана с тем, что двумя месяцами ранее по обвинению в «связях с международным сионизмом» была арестована его жена – большевичка с 1918 года, видный хозяйственный руководитель Полина Жемчужина (Перл Семеновна Карповская), сестра которой еще в Гражданскую войну репатриировалась в Эрец-Исраэль. Не помогло и то, что по прямому указанию Сталина Молотов в конце 1948 года развелся с женой. А спустя два дня после снятия Молотова министром иностранных дел был назначен «великий инквизитор» А.Я. Вышинский.

5.III.1919

90 лет назад в Чернобыле родился Григорий Ирмович Новак (ум. в 1980 году), спортсмен-штангист, заслуженный мастер спорта СССР и цирковой силач, заслуженный артист РСФСР. Одержав блестящую победу на международных состязаниях тяжелоатлетов в 1946 году в Париже, Новак первым из советских спортсменов завоевал звание чемпиона мира. Рыжий, низкорослый и короткорукий человек, один из самых популярных советских спортсменов 1940–1950-х годов, Новак десять раз становился чемпионом СССР (в категориях от полусреднего до полутяжелого веса), с 1939 по 1952 год более ста раз улучшал всесоюзные и мировые рекорды. Его имя стало синонимом богатырской силы. Когда летним утром 1950 года москвичи неожиданно обнаружили, что опекушинский памятник А.С. Пушкину, установленный в начале Тверского, бульвара переместился на другую сторону улицы Горького (ныне Тверская), по Москве распространились слухи, что дело тут не обошлось без Новака.

5.III.1974

35 лет назад в Нью-Йорке, по дороге на деловую встречу с крупнейшим американским банкиром Дэвидом Рокфеллером, на которой должен был обсуждаться один из балетных проектов Рудольфа Нуреева, в возрасте 86 лет скончался один из самых знаменитых импресарио XX столетия, американизировавший свое имя уроженец местечка Погар под Брянском Сол Юрок. Соломон Израилевич Гурков в 18 лет эмигрировал в США, где поначалу работал курьером, занимался мытьем бутылок и торговлей скобяным товаром. В 1914 году Юрок получил американское гражданство и с нарастающим успехом стал заниматься организацией различного рода музыкальных, балетных и театральных мероприятий – выступлений, концертов, гастролей. Особенно прославился Юрок как устроитель выступлений в США выдающихся музыкантов, танцоров и артистов российского происхождения, покинувших родину, и звезд советского искусства. Именно он организовывал гастроли в США Анны Павловой и Федора Шаляпина, МХАТа, выехавшего в 1926 году из СССР знаменитого еврейского (ныне израильского) театра «Габима», а позднее – театра кукол Сергея Образцова, женского хореографического ансамбля «Березка». Благодаря Юроку американские меломаны впервые получили возможность познакомиться с такими корифеями советской исполнительской школы, как Святослав Рихтер, Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Леонид Коган, Мстислав Ростропович, Ирина Архипова, Галина Вишневская, Елена Образцова. С его помощью в СССР прошли концерты ряда американских музыкальных знаменитостей, в том числе влюбившего в себя Москву пианиста Вана Клиберна, а также скрипача Исаака Стерна (уроженца Украины), оперного тенора Жана Пирса и многих других. В 1959 году Юрок организовал триумфальный двухмесячный тур по США балета Большого театра. Спустя два года аналогичный успех имели курировавшиеся им гастроли балета Ленинградского академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова (ныне Мариинский театр) и

ансамбля народного танца Игоря Моисеева. В 1962 году оглушительными овациями американской публики сопровождались новые выступления балета Большого, которые он не побоялся устроить в самый разгар Кубинского кризиса. В январе 1972 года офис агентства Юрока подвергся нападению экстремистов «Лиги защиты евреев», усмотревших в его тесных контактах с советскими властями предательство интересов дела сионизма. В ходе погрома 13 человек получили ранения, а одна молоденькая сотрудница, еврейка Айрис Конес, погибла. Сам 84-летний импресарио оказал отчаянное сопротивление и был вынесен прибывшим полицейским нарядом на носилках.

6.ІІІ.1909

100 лет назад во Львове (тогда Австро-Венгрия) в семье австрийского дворянина еврейского происхождения барона Бенона де Туш-Летца и его жены, урожденной Сафрин, прекрасно образованной представительницы польско-еврейской интеллигенции, родился выдающийся польский сатирик, поэт и один из крупнейших афористов XX века Станислав Ежи Лец (на идише «лец» означает «клоун», «пересмешник»). Еще до нападения фашистской Германии Станислав Ежи Лец получил признание не только как поэт, сатирик, но и как журналист левого толка. Во время войны, в 1941 году, он попал в гитлеровский концлагерь, откуда в 1943 году бежал и вступил в ряды подпольной Армии Людовой, а затем – Войска Польского. За пределами Польши Лец более всего известен по знаменитому сборнику «Непричесанные мысли», полному редких по лаконизму и остроумию афоризмов. Вот несколько характерных примеров его творчества в этом жанре: «Ну, допустим, пробьешь ты головой стену. И что ты будешь делать в соседней камере?», «Остерегайся угодить под чужое колесо фортуны», «У кого в аду были погоны, те и в раю будут с аксельбантами», «Подумать только! На огне, который Прометей украл у богов, сожгли Джордано Бруно».

7.ІІІ.1909

100 лет назад в Базеле родился Юрий Исаевич Янкелевич (ум. в 1973 году), выдающийся скрипичный педагог, вошедший в историю музыки как создатель одной из современных скрипичных школ наряду с Карлом Флешем, Леопольдом Ауэром, Петром Столярским и Абрамом Ямпольским. Янкелевич с девяти лет обучался игре на скрипке в Омске, где его первым педагогом был Анисим Берлин, ученик Леопольда Ауэра, дед известной московской виолончелистки Натальи Гутман. Там же, в Омске, состоялись и первые сольные выступления Янкелевича. В 1934 году он окончил Московскую

консерваторию по классу А.И. Ямпольского и сразу начал преподавать: сначала в прославленной московской ЦМШ (Центральной музыкальной школе), в консерваторском музыкальном училище и, наконец, в Московской консерватории (с 1961 года профессор). Янкелевич начинал заниматься с учениками с раннего возраста по собственной методике, стараясь выявить индивидуальность каждого. Чтобы дать представление о школе Янкелевича, достаточно назвать имена таких его блестящих питомцев, как Владимир Спиваков, Виктор Третьяков, Татьяна Гринденко, Нелли Школьникова, Ирина Бочкова.

8.III.1929

В этот день в ленинградском Малом оперном театре с оглушительным успехом прошла премьера эстрадно-музыкального представления «Теа-джаз» (театральный джаз), в котором в сопровождении созданного им джаз-оркестра в амплуа певца, скрипача и артиста разговорного жанра выступил 34-летний Леонид Осипович Утесов (Лазарь Иосифович Вайсбейн). Музыкальный коллектив, перенявший затем название «Теа-джаз», и его лидер прославились на всю страну, а в 1934 году блеснули в первом советском мюзикле «Веселые ребята». До начала войны «теа-джазы» типа утесовского функционировали в ряде городов СССР.

11.III.1829

180 лет назад в Берлине, спустя столетие после первого исполнения, под управлением двадцатилетнего Феликса Мендельсона-Бартольди прозвучала извлеченная им из забвения великая оратория Иоганна Себастьяна Баха «Страсти по Матфею». Это событие послужило толчком к возрождению интереса к творчеству Баха не только в Германии, но и во всей Европе. Феликс Мендельсон был внуком Мозеса Мендельсона (1729–1786), выдающегося немецко-еврейского философа (его называли «немецким Сократом»), друга великого Эммануила Канта, основоположника и духовного лидера еврейского просвещенческого движения Хаскала. Отец композитора, крупный берлинский банкир и филантроп Авраам Мендельсон, часто говаривал: «Сначала меня называли сыном великого мыслителя, а потом папой великого маэстро». Стоит еще сказать, что бабушка Феликса Мендельсона, Сара Леви, училась музыке у старшего сына и ученика Иоганна Себастьяна Баха – Вильгельма Фридемана Баха, одаренного органиста, композитора и педагога, из-за безалаберного образа жизни лишь в малой степени реализовавшего музыкальный талант, унаследованный от своего гениального отца.

14.ІІІ.1879

130 лет назад в старинном южногерманском городе Ульме в небогатой еврейско-немецкой семье малоудачливого предпринимателя родился Альберт Эйнштейн, величайший физик-теоретик XX столетия, творец современных представлений о пространстве и времени, нобелевский лауреат (1921), в начале 1930-х годов покинувший гитлеровскую Германию и обосновавшийся в США. В 1923 году Эйнштейн исторически первым был удостоен титула почетного гражданина Тель-Авива, в то время насчитывавшего всего 14 лет своего существования. Это произошло на банкете, устроенном местными властями в честь высокого гостя, во время его двенадцатидневного посещения Палестины на пути из Японии в Европу. Выступая на банкете, великий физик, несколько отступив от церемонных правил этикета, признался: «Я уже имею честь быть почетным гражданином Нью-Йорка, но вдесятеро более счастлив считаться гражданином этого прекрасного еврейского города».

28.ІІІ.1859

150 лет назад император Александр II высочайше утвердил новое законодательство о еврейском купечестве. Еврейским купцам 1-й гильдии была предоставлена свобода выбора места жительства по всей империи. На протяжении десяти лет после переселения они обязаны были состоять в гильдии и платить соответствующие пошлины, а в случае выхода из нее до истечения этого срока им предписывалось возвращаться в пределы черты оседлости. Купцам-евреям дозволялось переселяться во внутренние губернии вместе с семьями и брать с собой «служителей из своих единоверцев», но не более одного приказчика и четырех домашних слуг в провинции (в столицах число слуг определяли генерал-губернаторы). Запись в 1-ю гильдию за пределами черты оседлости немедленно давала купцам-евреям все права российского купечества. Но воспользоваться этими правами могли лишь немногие: в 1859 году в России насчитывалось всего 108 евреев – купцов 1-й гильдии. Кроме того, иностранные еврейские купцы, банкиры и главы торговых домов получили разрешение приезжать в Россию заниматься торговлей и, с согласия министров финансов, внутренних и иностранных дел, учреждать банкирские конторы. Царствование императора Александра II вошло в историю России как «эпоха великих реформ». Изменилось и положение еврейского населения. Причем при всей половинчатости и непоследовательности новых законоуложений общепризнано, что годы правления Царя-освободителя оказались наиболее благоприятными для евреев.

Дина Верни: муза Майоля, классик шансона

20 января в Американском госпитале в Париже накануне своего 90-летия скончалась Дина Верни – известная галеристка и певица.

Начало ее жизни полно легенд. Известна дата рождения Верни – 25 января 1919 года (впрочем, в некоторых источниках встречается и 1917-й). Местом рождения называют кто Кишинев, кто Одессу – по документам вроде как выходит Бессарабия, но сама Верни, по свидетельству близких, всегда считала себя одесситкой. Про семью тоже до последнего времени бытовали самые разные версии, даже имя и фамилия отца существовали во множестве вариантов. На самом деле его звали Яков Айбиндер, был он пианистом, а может, скрипачом, в общем, музыкантом. По слухам, сочувствовал меньшевикам, за что и попал в начале 20-х в тюрьму. По освобождению счел за лучшее эмигрировать и к 1925 году вместе с семьей через Варшаву и Берлин добрался до Парижа.

Происхождение псевдонима Верни тоже остается не вполне ясным. Кажется, он образован от фамилии первого мужа – Верник или Верников. Гораздо лучше известна история знакомства Дины с великим скульптором Аристидом Майолем. Они встретились в 1934 году, и практически сразу Верни стала его любимой моделью. Самые известные из изображающих ее скульптур украшают сегодня сад Тюильри. Верни позировала также Анри Матиссу, Пьеру Боннару, Раулю Дюфи, была знакома с Андре Бретоном и другими сюрреалистами, Марселем Дюшаном, Анри Руссо, Сержем Шаршуном, снималась в кино вместе с Жаном Луи Барро и Бернаром Блие.

В годы второй мировой войны Верни переводила беженцев из оккупированной Франции через испанскую границу. Через несколько месяцев она была задержана французской полицией, но вскоре освобождена – времена были еще сравнительно вегетарианские, и нанятому Майолем адвокату удалось доказать в суде (!) ее невиновность. Гораздо опаснее был повторный арест в 1943 году – на этот раз Верни попала в гестапо, провела в заключении шесть месяцев и была выпущена только после обращения Майоля к любимому скульптору Гитлера Арно Бреккеру. Ее отец, до конца жизни остававшийся румынским гражданином, был депортирован в Освенцим, откуда уже не вернулся.

В 1944 году Майоль погиб в автокатастрофе, завещав все свое состояние и коллекции Верни. Популяризацией творчества скульптора его подруга занималась несколько десятилетий, венцом ее деятельности стало открытие в 1995 году музея Майоля. Параллельно Верни занималась и другими художественными проектами – с 1947 года ей принадлежала галерея на улице Жакоб.

В 1959 году Верни впервые приехала в Советский Союз. Во время следующих визитов она познакомилась с Ильей Кабаковым, Эрнстом Неизвестным, Оскаром Рабиным, Михаилом Шемякиным, Владимиром Янкилевским и другими художниками-нонконформистами. С этого момента помощь в продвижении неофициального русского искусства на Западе, в первую очередь во Франции, становится одним из главных дел ее жизни.

Тогда же Верни впервые услышала блатные песни – и прониклась ими. В 1975 году в Париже она выпустила пластинку с 13 треками, сделавшую ее на долгие годы персоной нон-грата в СССР и культовой фигурой для интеллигенции обеих столиц. До сих пор невероятным кажется тот факт, что лирическую и эмоциональную составляющую эковского фольклора тоньше всех прочувствовала и выразила эта благополучнейшая парижанка, говорившая по-русски с отчетливым французским акцентом...

Кавалера ордена Почетного легиона Дину Верни похоронили в субботу на маленьком сельском кладбище рядом с ее поместьем. Приглашенный раввин прочитал кадиш. Когда хоронили знаменитого кардинала Люстиже, тоже читали кадиш – в соответствии с волей покойного. Еврейские похороны в шабат, кадиш над кардиналом – под французским солнцем все становятся как-то легкомысленнее, и католики, и иудеи. Даже в смерти.

Î èõàèè Î àééîá

Авторы номера:

Шмуэль-Йосеф Агнон (наст. фамилия Чачкес; 1887–1970) израильский писатель. Писал на иврите и идише. Самые значительные произведения – двухтомный роман «Свадебный балдахин» («Ахнабат кала»), опубликованный в 1931 году, и «Ночной гость» («Ореах ната лалун», 1937). За эти романы удостоен Нобелевской премии по литературе (1966). С 1953 по 1962 год выходит Полное собрание сочинений Агнона в восьми томах.

Жанна Васильева журналист, обозреватель журнала «Итоги». Также сотрудничает в изданиях: «Литературная газета», «Сегодня», «Искусство кино», «Кинопроцесс», «Персона».

Рита Гензелева филолог, научный сотрудник кафедры славистики Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книги «Пути еврейского самосознания. Василий Гроссман, Израиль Меттер, Борис Ямпольский, Руфь Зернова» и ряда научных статей.

Ишая Гиссер (р. 1961) раввин, пропагандист традиционной еврейской мысли и редактор, автор книг и статей, ведущий научный сотрудник Института изучения иудаизма в СНГ, зав. кафедрой иудаики Международного института «XXI век». Живет в Израиле.

Брайан Гланвилл (р. 1931) английский прозаик, автор романов и рассказов. Начал публиковаться в двадцать лет. В 1960 году стал спортивным обозревателем «Санди таймс». Основные темы книг – жизнь евреев в Англии и спорт. На русском издан сборник «Олимпиец» (1989), куда вошел одноименный роман и рассказы из разных книг. Рассказы в переводе на русский язык печатались в сборниках: «Спасатель. Рассказы английских писателей о молодежи» (1973) и «Из современной английской новеллы» (1979).

Михаил Гольд (р. 1972) журналист, главный редактор журнала «Мост» (Киев), заместитель главного редактора газеты «Еврейский обозреватель».

Михаил Горелик (р. 1946) эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий (1871–1957) историк еврейского мистицизма и хасидизма («Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» [1931–1958]).

Хаим Граде (1919–1982) один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт в 1932 году, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор нескольких сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Марк Зайчик (р. 1947) прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]). Печатался в журналах «Континент», «Эхо», «22», «Звезда».

Анна Исакова журналист, прозаик («Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Леонид Кацис (р. 1958) филолог («Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи» [2000], «Осип Манделштам: мускус иудейства» [2002]). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Илья Карпенко (р. 1961) филолог, литературовед, журналист.

Борис Кли́н (р. 1970) журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года» – 2006. Зам. главного редактора журнала «Человек и закон». Работал спецкором газеты «Коммерсантъ», журнала «Профиль», телевизионной программы «Время».

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Афанасий Мамедов (р. 1960) прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003, премии «Книга года» (2004), премии им. Ивана Бунина (2005), Льва Толстого (2005), лауреат премии им. Казакова (2007).

Виктория Мочалова филолог-славист, директор центра «Сэфер»; зав. Центром славяно-иудейских исследований Института славяноведения РАН; автор работ по истории и культуре восточноевропейского еврейства.

Леонид Радзиховский (р. 1953) журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЕЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»), Лауреат премии ФЕОР «Человек года» – 2005.

Александр Рапопорт (р. 1960) поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист. Составитель антологии «Одесса в русской поэзии» (2009).

Адин Эвен-Израэль (Штейнзальц; р. 1937) раввин, педагог, ученый, почетный доктор ряда университетов Израиля и США. Автор свыше семидесяти книг и сотен статей, относящихся к самым разным областям науки, религии, философии и искусства. Основатель новаторских учебных заведений и просветительских организаций в Израиле и СНГ, в том числе Института изучения иудаизма (1990). В 1988 году удостоен высшей награды еврейского государства – Премии Израиля.

Борис Явелов (р. 1940) автор научных и научно-исторических статей и книг.